T 24/428

0-45711
Т 24/428

РОДЪ

КНЯЗЕЙ ДОНДУКОВЫХЪ КАРСАКОВЫХЪ.

ТИФЛИСЪ.

1886.

213
Т 24
428

РОДЪ

КНЯЗЕЙ ДОНДУКОВЫХЪ КАРСАКОВЫХЪ.

ТИФЛИСЪ.
Типографія Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ.
1886.

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 17 мая 1886 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

54945-50

2007051029

РОДЪ

КНЯЗЕЙ ДОНДУКОВЫХЪ КАРСАКОВЫХЪ.

Родъ князей Дондуковыхъ Карсаковыхъ произошелъ отъ сліянія двухъ родовъ, а именно калмыцкихъ князей *Дондуковыхъ* и литовско-русскихъ *Карсаковыхъ*.

Не входя въ подробности Исторіи калмыцкаго народа, скажемъ только, что онъ вошелъ въ составъ тѣхъ монголовъ, которые когда-то владычествовали во всей Азіи, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что знаменитое царство монголовъ состояло изъ народностей, не исключительно исповѣдывавшихъ магометанскую вѣру, но также изъ народовъ, исповѣдывавшихъ вѣру Будды, и къ числу послѣднихъ принадлежали калмыки.

Когда начало распадаться царство монголовъ въ Азіи, тогда образовался изъ разныхъ народностей, его составлявшихъ, извѣстный въ Исторіи Ойрадскій союзъ, составленный изъ разныхъ народовъ и племянъ, до того времени бывшихъ въ составѣ монголовъ, но по случаю постоянныхъ междоусобій, проявлявшихся между главными вождями этого союза, онъ не могъ удержаться, обезсилилъ и палъ въ исходѣ XVII столѣтія. Тогда въ двухъ концахъ Азіи образовалось два сильныхъ государства, къ востоку монгольскій ханъ Бошокту началъ рядъ завоеваній, при чемъ отъ него ушли въ Сибирь народы: буряты и тунгусы, а на Волгу уходили калмыки изъ племени *Хошоутовъ* и *Дербетеевъ*, въ промежутокъ между 1667 и 1723 годами; а къ западу получила силу и значеніе

страна *Зюнгарія*. Страна эта въ то время была весьма обширна; она къ югу упиралась въ Тибетъ, къ востоку была степь Коби, къ сѣверу она доходила до Алтайскихъ горъ и почти доходила до Байкала, къ западу-же она примыкала къ Туркестану и Бухарѣ. Подъ управленіемъ Эрдени-Батуръ-Хунъ-Тайджи, Зюнгарія въ 1723 году овладѣла Туркестаномъ, Ташкентомъ и другими странами и предъ нею трепетали бухарцы, туркмены, хивинцы и киргисъ-кайсаки, но при сынѣ Эрдени-Батура, слабомъ Галданъ-Церенѣ китайцы въ 1757 году овладѣли Зюнгаріею и присоединили ее къ своимъ владѣніямъ.

Въ 1630 году предводитель калмыцкаго племени *Торгоутовъ* по имени *Хо-Орлюкъ*-Тайша, взявъ своихъ подвластныхъ 50,000 кибитокъ (семействъ), двинулся въ предѣлы Сибири, а оттуда перешелъ на Уралъ и на Волгу. Это было первое переселеніе калмыковъ изъ Зюнгаріи въ Россію и, какъ мы уже сказали, во слѣдъ затѣмъ переселились на Волгу калмыки племени *Хошоутовъ* и *Дербетеевъ*. Въ 1755 году прибыло на Волгу еще племя калмыцкое *Хойтъ* съ вдовою Бите дочерью Зюнгарскаго Галданъ-Церена, мужъ которой умеръ на пути въ Тобольскѣ; его звали Иши Данджинъ, брата его, тоже умершаго на пути, звали Амуръ-Сананъ,—а въ 1758 г. послѣдовалъ тоже на Волгу владѣлецъ изъ того-же племени Хойтъ, по имени Деджидъ съ 800 калмыками изъ Зюнгаріи. Въ слѣдующемъ 1759 г. выселилось изъ Зюнгаріи на Волгу еще 10,000 кибитокъ калмыковъ изъ Торгоутскаго племени. Наконецъ, въ томъ-же 1759 г. направился къ Волгѣ Зайсангъ Хасанъ-Шара съ 10,000 калмыцкихъ кибитокъ, но, узнавъ, что Дондукъ-Даши-ханъ въ разныхъ мѣстахъ разбилъ шедшій къ Волгѣ отрядъ калмыковъ, предводительствуемый Деджидомъ, онъ повернулъ назадъ и предался китайцамъ.

Изъ этого краткаго очерка видно, что въ Россію изъ страны Зюнгаріи перешелъ калмыцкій народъ едва-ли не въ

половинномъ составѣ всего своего племени, причиною-же тому были междоусобія, возникшія въ средѣ народа Торгоутовъ. Старшимъ предводителемъ у этого народа былъ Хо-Орлюкъ, а захватывалъ власть Эрдени-Батуръ-Хунъ-Тайджи, что и побудило Хо-Орлюка, вѣроятно осиленнаго своимъ соперникомъ, уйти въ Россію и хотя его потомъ старались въ Зюнгаріи задобрить—онъ даже туда ѣздилъ,—но подвластные ему калмыки туда не возвратились, а напротивъ къ нимъ начали прибывать на Волгу изъ Зюнгаріи новые переселенцы изъ калмыцкаго народа.

Хо-Орлюкъ, съ своими калмыками, перекочевалъ на Волгу совершенно самовольно, не спрашивая на то разрѣшенія русскаго правительства. Можно думать, что онъ имѣлъ замыселъ основать на низовьяхъ Волги независимое калмыцкое царство, потому что, занявъ степи междуУраломъ и Волгою, онъ покорилъ всѣхъ кочевниковъ, тамъ находившихся, и напалъ на Астрахань, но былъ отбитъ и самъ убитъ.

Сынъ его *Шукуръ-Дайчинъ*, впервые 4 февраля 1655 года, призналъ подданство Россіи, и съ нимъ русскимъ правительствомъ былъ заключенъ первый *Договоръ*.

Съ его сыномъ и преемникомъ *Пунцукомъ* былъ также заключенъ договоръ 9 декабря 1661 года.

Съ сыномъ-же Пунцука, *Аюкомъ*, было заключено нѣсколько договоровъ, а именно: 27 февраля 1673 г., 24 января 1683 г., 17 іюля 1697 г., 30 сентября 1708 г. и 5 сентября 1710 г.

Сущность этихъ договоровъ заключалась въ томъ: 1) чтобы калмыки были въ вѣчномъ подданствѣ Россіи; 2) чтобы калмыки не нападали на русскія жилища и не раззоряли ихъ; 3) чтобы вся повинность ихъ русскому государству заключалась въ томъ, чтобы они дѣйствовали противъ недруговъ Россіи и, по требованію русскаго правительства, давали войска. Вотъ какого рода отношенія существовали между русскимъ правительствомъ и калмыками.

Хотя калмыки перешли въ Россію въ 1630 году, при Хö-Орлюкѣ, но дѣянія калмыковъ и ихъ князей получаютъ славу и извѣстность только при его правнукѣ Аюкъ-ханѣ, который собственно считается родоначальникомъ рода князей Дондуковыхъ.

Аюкъ-ханъ.

Аюкъ-ханъ, сынъ Пунцука, внукъ Шукуръ-Дайчина и правнукъ Хö-Орлюка, родился отъ дочери знаменитаго Зюнгарскаго правителя, Эрдени-Батуръ-Хунъ-Таиджи, въ 1640 году. Слово „*Аю*“ означаетъ: Медвѣдь—такъ говорятъ калмыки; но и на всѣхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ медвѣдь называется „*Аю*“, а откуда здѣсь взялась прибавка буквы „*к*“ мы не знаемъ. Въ калмыцкой исторіи Аюкъ-ханъ является замѣчательною личностью. Еще въ малолѣтствѣ, онъ въ 1654 году привезенъ изъ Зюнгаріи на Волгу и въ 1672 году онъ вступилъ въ управленіе всѣмъ калмыцкимъ народомъ послѣ дѣда своего Шукуръ-Дайчина.

При самомъ вступленіи въ управленіе калмыками, въ 1672 г. Аюкъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ какого-то непобѣдимаго Аблая, который, за годъ передъ тѣмъ, покорилъ его дѣда Шукуръ-Дайчина, и въ томъ-же году Аюкъ съ 10,000 калмыковъ ходилъ подъ Азовъ и въ Крымъ, гдѣ, подъ Перекопомъ разбилъ крымскихъ татаръ, взялъ въ плѣнъ брата Азовскаго паши и захватилъ много плѣнныхъ и добычи.

Послѣ того, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, онъ покорилъ себѣ туркменцевъ, кочевавшихъ около Мангишлака, обязалъ ихъ платить ему дань и началъ непріязненныя дѣйствія противъ хивинцевъ и каракалпаковъ (туркменцевъ); въ сраженіи съ послѣдними былъ убитъ ихъ ханъ—Кучукъ.

Въ 1709 году, жившіе по эту сторону рѣки Кубани горцы, дотолѣ покорные Россіи, перешли на сторону крымскихъ татаръ и Турціи, но Аюкъ снова привелъ ихъ въ по-

корность Россіи и, какъ значится въ русскихъ архивахъ, „кумыцкіе князья, пришедъ, сами поклонились Аюку“.

Казакъ Булавинъ затѣялъ бунтъ между казаками; по предписанію русскаго правительства, Аюкъ послалъ противъ него старшаго сына своего, Чакдоръ-Джаба, который разбилъ мятежниковъ, самого Булавина взялъ въ плѣнъ и отдалъ русскимъ, а въ награду за то, русское правительство отдало Аюку всѣхъ плѣнныхъ булавинскихъ казаковъ, чтобы онъ ихъ обратилъ себѣ въ „ясырей“ т. е. въ рабовъ.

Когда знаменитый Кубанскій наѣздникъ Джанъ-Арслан-бекъ-Мурза прорвалъ русскую линію, разгромилъ пограничныя поселенія и много людей полонилъ, то Аюкъ его разбилъ и самъ Арсланбекъ былъ убитъ. Въ отмщеніе за то, въ 1713 г. горцы собрали большія силы противъ Аюка, но онъ ихъ разбилъ на рѣкѣ Манычѣ, и съ тѣхъ поръ горцы не смѣли нападать на калмыковъ. Когда-же въ 1717 году, Кубанскій султанъ Бахта-Гирей разорялъ Пензенскую губернію и нѣсколько тысячъ людей забралъ въ плѣнъ, тогда русское правительство обратилось за помощью къ калмыкамъ. Аюкъ, будучи недоволенъ русскимъ генераломъ, княземъ Черкасскимъ, который въ чемъ-то не хотѣлъ помочь калмыкамъ, сперва отказалъ, но потомъ отправилъ на Кубань сына своего Чакдоръ-Джаба, который разбилъ кубанцевъ и отнялъ у нихъ 30,000 дымовъ татаръ подъ названіемъ: этисанъ, эмбулуковъ и кахечинцевъ.

Вообще Аюкъ, до старости своей, все время поражалъ магометанскіе народы и по большей части помогалъ русскому правительству.

Слава объ Аюкѣ такъ была велика, что въ 1690 году великій Далай-Лама изъ Тибета пожаловалъ ему титулъ хана и выслалъ на это званіе печать, а въ 1714 г. прибыло изъ Китая посольство просить дочь его въ замужество за китайскаго императора.

Когда у русскихъ загорѣлась война съ Персіею, Аюкъ-ханъ, въ 1722 г. отправилъ противъ лезгинъ 40,000 войска, но вслѣдъ затѣмъ поднялись крымскіе татары съ Кубанскимъ ханомъ Бахта-Гиреемъ, съ Игнашкой Некрасовымъ и съ запорожскими казаками, а потому Аюкъ-хану было поручено охранять русскія поселенія въ Крымской степи. Это была послѣдняя заслуга, оказанная Россіи Аюкъ-ханомъ: онъ умеръ въ 1724 году, будучи 84 лѣтъ отъ роду, послѣ того какъ онъ, въ теченіи 52 лѣтъ, со славою управлялъ калмыцкимъ народомъ.

Въ русской Исторіи дѣянія Аюкъ-хана представляютъ что-то необыкновенное, но вполнѣ характеризующее политику Царя Алексѣя Михаиловича и Петра Великаго. Въ предѣлы Россіи, безъ разрѣшенія правительства, вторгается болѣе сотни тысячъ кочевниковъ, которыхъ вмѣсто того, чтобы отразить или оттолкнуть, Россія задобриваетъ и эксплоатируетъ въ свою пользу. Подданство Россіи существуетъ лишь номинально, потому что калмыки никакихъ податей не платятъ, а только несутъ извѣстнаго рода воинскую повинность, и то когда на это согласенъ ханъ. Калмыкамъ предоставляется полная свобода во внутреннемъ у себя управленіи, они самостоятельно отъ себя, ведутъ войны съ разными азіятскими народами и лишь обязаны не грабить и не раззорять русскія поселенія. А между тѣмъ, Аюкъ-ханъ, правда, при началѣ водворенія въ Россіи калмыковъ, въ 1675 и 1676 г. и еще въ 1681 и 1682 г. разоряетъ Казанскую и Оренбургскую губерніи, и это ему сходитъ съ рукъ.

Съ другой стороны, въ 1722 году, когда Петръ Великій былъ въ затрудненіи съ Персіею, съ Крымомъ и съ казаками, то крымцы посылали къ Аюкъ-хану пословъ, чтобы сказать, что они хотятъ идти на русскихъ, и чтобы онъ не посылалъ своихъ войскъ, но Аюкъ-ханъ остался вѣренъ Россіи.

Для выясненія того страннаго положенія, которымъ поль-

зовался въ Россіи Аюкъ-ханъ, мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ книги, подъ названіемъ: „Калмыки“, составленной Новолѣтовымъ, изданіе владѣльца Малодербетовскаго улуса, Нойона Церенъ-Давида Тундутова, 1884 г. С.-Петербургъ.

„Мы знаемъ, что Аюкъ, живя въ Россіи, получилъ ханство отъ Далай-Ламы (а не отъ русскаго правительства). Служба Аюка въ Россіи была только въ командированіи войскъ и въ дѣланіи поисковъ, что все дѣлалось по договорнымъ статьямъ, заключеннымъ съ нимъ разновременно; но знаемъ также изъ донесенія князя Каспулата Черкасскаго (Полн. Собр. Зак. т. I № 613), что въ 1674 г., по требованію правительствомъ войска подъ Крымъ, Аюкъ не исполнилъ этого требованія. Обязанный договорами не нападать на русскія жилища, онъ два раза разорялъ Казанскую и Оренбургскую губерніи. Русскіе, захватываемые въ набѣгахъ, содержались въ плѣну около нашихъ городовъ, перепродавались въ Крымъ, на Кавказъ, въ Мангышлакъ и другія мѣста, и правительство, (кромѣ договоровъ) не требовало уничтоженія этого варварства (Дѣло 1748 г. № 267). Когда отъ Чакдоръ-Джаба бѣжали ясыри его, Донскіе казаки (булавинцы), то онъ, 17 октября 1708 г., просилъ возвратить ихъ, обѣщаясь возвратить равное число русскихъ плѣнныхъ (Дѣло 1708 г. № 1 и 1709 г. № 3), и этотъ обмѣнъ онъ предлагалъ формально. Когда Кубанскій Бахта-Гирей-султанъ въ 1717 г. разорялъ Пензенскую губернію и многія тысячи побралъ въ полонъ, то на предложеніе о помощи Аюкъ и Чакдоръ-Джабъ отказали, такъ какъ князь Черкасскій не далъ имъ помощи (Дѣло 1723 г. № 23) и только послѣ Аюкъ послалъ Чакдоръ-Джаба противъ кубанцевъ, и тотъ разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ взамѣнъ 30,000 дымовъ татаръ. 20 Марта 1710 года Аюкъ писалъ въ Астрахань, что кубанцы убили „русскихъ людей, а русскіе убили его эдисанца“ и требовалъ уплаты за него. 13 Сентября

1714 года Чакдоръ-Джабъ писалъ: „Наши эдисанцы и енбулуки живутъ у васъ, а ваши юртовскіе у насъ; вы отдайте нашихъ, а мы отдадимъ вашихъ“ (Дѣло 1714 г. № 9).

„Съ горцами, враждебными Россіи, Аюкъ постоянно сносился, что хорошо знало наше правительство (Дѣло 1708 г. № 2). Въ 1714 г. Аюкъ-ханъ отъ себя отправлялъ посольство къ Хивинскому хану Ядычеръ (Дѣло 1714 г. № 9). Въ Персію онъ два раза отправлялъ посольство въ 1710 и 1717 г. (Дѣло № 5 и 11) съ Крымомъ онъ имѣлъ постоянныя сношенія, когда былъ въ миру. Сношенія Аюка съ Турціею замѣчательны даже оригинальностью и отличаются особенною короткостью сношеній. Джалла, старшая жена Чакдоръ-Джаба, отправляясь въ Тибетъ, послала хивинца Сафара въ Царьградъ „увѣдомить объ этомъ, и что можетъ быть чего нужно будетъ купить“ (Дѣло 1713 г. № 8). Близость отношеній къ Турціи можно видѣть изъ того, что и по смерти Аюка турецкій султанъ, въ 1731 г., прислалъ къ сыну его Черенъ-Дондуку „посла своего Мамбетта въ десяти персонахъ и просилъ жить въ миру“ (Дѣло 1731 г. № 48). Въ 1710 г. къ Аюку пріѣзжало посольство отъ шаха Харабекъ (Дѣло 1710 г. № 5). Въ Дербентъ и Китай Аюкъ отправлялъ посольство въ 1713 г. (Дѣло 1713 г. № 8).

„Изъ приведеннаго обзора видно, что Аюкъ былъ почти самостоятельный ханъ. Но соображая общій ходъ дѣлъ, видно также, что это было не болѣе какъ послабленіе Императора Петра I-го, который, изъ уваженія къ заслугамъ Аюка, не хотѣлъ при жизни его ограничивать власть, тѣмъ болѣе, что отъ дѣйствій Аюка Россія ничего не теряла“.

„Общій взглядъ показываетъ также, что въ началѣ перехода калмыковъ въ Россію, они хотя нападали на города, разоряли ихъ, брали въ плѣнъ людей, но ихъ нельзя считать закоренѣлыми врагами русскаго населенія, какъ магометанскіе народы. Калмыки скоро освоились на новой почвѣ и скорѣе

примкнули къ русскимъ, чѣмъ къ магометанамъ. Аюкъ оказалъ услугу Россіи, удерживая набѣги магометанскихъ народовъ Зауральской степи и покоряя Кавказскихъ горцевъ, подчинялъ ихъ своей власти и тѣмъ приводилъ въ послушаніе и покорность Россіи. Хотя отношеніе Аюка къ Россіи были только по договорнымъ статьямъ, хотя онъ самовластно управлялъ народомъ, чинилъ судъ и расправу, воевалъ и сносился съ иностранными государствами и народами, но въ основѣ всѣхъ его дѣйствій не было интригъ противъ Россіи".

„Это цѣнило Русское Правительство, и довѣріе видно изъ того, что не одна почти война необходилась, чтобы въ ней не участвовали Калмыки;—въ охраненіи-же пограничныхъ мѣстъ отъ набѣговъ Петръ Великій совершенно полагался на Аюка. За службу Россіи Аюкъ получалъ жалованье, состоявшее изъ денегъ, муки, пороха, свинца, желѣза, стали, сѣры, селитры, вина и др. Вообще, по отданному приказанію, Аюку ни въ чемъ не отказывали. Деньги отпускались изъ приказныхъ окладныхъ доходовъ, а порохъ и свинецъ изъ артилерійскаго двора (Дѣло 1709 г. № 3). За походъ противъ Горцевъ, по указу Петра I-го 20 Августа 1710 г., прибавлено жалованье по 1000 руб. и 30 пудовъ пороху на годъ (Дѣло 1714 г. № 9), а въ 1719 году еще прибавлено муки 2000 четвертей (Пол. Соб. Зак. т. V № 3314). По повелѣнію 27 Іюля 1713 г. (Пол. Соб. Зак. т. V № 2702) назначено жалованье и другимъ Тайшамъ, владѣльцамъ и простымъ калмыкамъ, состоявшимъ на службѣ „чтобы въ томъ имъ какого озлобленія не учинить".

По поводу дѣйствій Аюкъ-хана, должно снять съ него когда-то падавшее на него обвиненіе, будто онъ имѣлъ какое-то участіе въ погибели экспедиціи Князя Бековича-Черкасскаго, въ 1717 году, посланной Петромъ Великимъ въ Хиву, для открытія устьевъ рѣки Аму-Дарьи, при чемъ погибъ весь русскій отрядъ. Въ то время Аюкъ-ханъ состоялъ во враждѣ съ

Хивинскимъ ханомъ и слѣдовательно не имѣлъ съ нимъ сношеній, да и самъ Петръ Великій въ измѣнѣ подозрѣвалъ не Аюка, а Персію.

Въ послѣдніе два года своей жизни Аюкъ-ханъ испытывалъ горести семейныя. Въ 1722 году умеръ его старшій сынъ и главный его сподвижникъ, *Чакдоръ-Джабъ*, которому онъ еще при жизни своей, въ 1710 году, передалъ управленіе всѣмъ Калмыцкимъ народомъ и отдалъ Ханскую печать, ему присланную Далай-Ламою. Чакдоръ-Джабъ, умирая, передалъ эту печать и Ханскую власть своему старшему сыну *Дасангу*. Петръ-же Великій, который, въ бытность Свою въ Астраханн, видѣлся съ Аюкъ-ханомъ, въ то время уже старымъ, сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы послѣ смерти Аюка былъ назначенъ ему преемникомъ родственникъ его *Дорджу-Назаровъ*, и чтобы отъ сего послѣдняго былъ взятъ сынъ въ аманаты, т. е. въ заложники. Аюкъ-ханъ, зная объ этомъ распоряженіи, не желалъ имѣть себѣ преемникомъ ни внука своего Дасанга, ни родственника своего Дорджу Назарова, а заявилъ желаніе передать власть одному изъ своихъ сыновей, *Церенъ-Дондуку*.

Когда умеръ Аюкъ-ханъ, то Астраханскій Губернаторъ получилъ инструкцію стараться, чтобы владѣльцы калмыки не выбирали сами изъ себя Хана, а просили объ этомъ Его Императорское Величество. Этимъ имѣлось въ виду поставить калмыковъ въ большую противъ прежняго зависимость отъ Россіи, но оказалось, что помимо предназначаемаго Дорджу Назарова, было еще четыре, и болѣе сильныхъ, претендента, а именно внуки Аюка: Допдукъ-Омбо, Дасангъ, Допдукъ-Даши и Баксадай-Дорджи (Дѣло 1731 г. № 5). Первый изъ нихъ Дондукъ-Омбо, чтобы получить себѣ болѣе популярности въ калмыцкомъ народѣ, вознамѣрился взять себѣ въ жены свою бабку, вдову Аюкъ-хана, *Дарма-Балы*, что по народнымъ обычаямъ допускалось, но оно не состоялось въ силу слѣдующихъ обсто-

ятельствъ. Съ одной стороны Дорджу Назаровъ, чувствуя, что соперники его осилятъ, отказался отъ управленія калмыками и не согласился отдать сына своего въ заложники. Съ другой стороны, Русское Правительство, опасаясь Дондукъ-Омбо, который былъ женатъ на кабардинкѣ Джанъ, сестрѣ Князей Кошкатовской партіи, и постоянно имѣлъ сношенія съ горцами,—и желая разстроить его женитьбу на вдовѣ Аюка, Дарма-Балы, поспѣшило назначить послѣ Аюкъ-хана, сына его Черенъ-Дондука, имъ-же избраннаго себѣ въ наслѣдники и къ тому-же рожденнаго отъ хашши Дарма-Балы.

Черенъ-Дондукъ-ханъ.

Черенъ-Дондукъ, сынъ Аюкъ-хана, принялъ власть надъ калмыками не въ качествѣ хана, а только въ качествѣ намѣстника хана и 19 сентября 1724 года въ Саратовѣ далъ присягу: „въ вѣрности Государю, чтобы не содержать у себя татаръ и не имѣть сношеній съ иностранными народами“ (Дѣло 1723 г. № 23).

Послѣ смерти Петра I, Императрица Екатерина I, грамотою отъ 22 февраля 1725 г. утвердила Черенъ-Дондука въ качествѣ намѣстника хана, хотя другіе претенденты, въ томъ числѣ Дондукъ-Омбо и Дондукъ-Даши, въ то время еще не отнимали у него открыто власти, но они ему не подчинялись. Черенъ-Дондукъ въ сущности правилъ только нѣсколькими улусами и почти не имѣлъ значенія въ калмыцкомъ народѣ.

Русское Правительство, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1731 году, думая придать болѣе силы и значенія Черенъ-Дондуку, утвердило его ханомъ, и ему были посланы знаки ханства: соболья шуба и шапка, сабля съ драгоцѣнными каменьями, панцырь, шишакъ и наручники. Это назначеніе болѣе всего было вызвано тѣмъ, что къ Черенъ-Дондуку от-

правлялось изъ Китая посольство, какъ-бы съ поздравленіемъ, но собственно съ цѣлью уговорить его, вмѣстѣ со всѣми калмыками возвратиться въ Китайскія области. Къ тому-же Русское Правительство могло опасаться, что отъ Далай-Ламы можетъ воспослѣдовать утвержденіе Церенъ-Допдука въ ханскомъ достоинствѣ, а потому, въ предупрежденіе такихъ случайностей, Правительство само поспѣшило назначить его ханомъ. Китайское посольство дѣйствительно прибыло къ Церенъ-Дондукъ-хану, поздравляло его,—въ Астрахани пословъ угощалъ Полковникъ Беклемишевъ,—но никакихъ послѣдствій отъ того не было.

За то, назначеніе въ ханы Церенъ-Дондука возбудило сильное неудовольствіе у племянника его Допдука-Омбо, который, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1731 года открыто возсталъ противъ новаго хана и въ урочищѣ Саксолы, между Астраханью и Чернымъ Яромъ, разбилъ на голову 15,000-й отрядъ Церенъ-Дондука и отбилъ много его улусовъ. Кажется, что въ этомъ случаѣ съ Дондукъ-Омбою дѣйствовали за одно его двоюродный братъ Тайджи (въ крещеніи Петръ Тайшинъ) и Лубжа (сынъ Дорджи Назарова). Послѣдній изъ нихъ, Лубжа, послѣ этого еще разъ разбилъ хана, который, такимъ образомъ, потерялъ почти всѣ свои улусы и, чувствуя свое безсиліе, обратился за помощію къ Русскому Правительству, которое вынуждено было за него вступиться, такъ какъ онъ былъ первый ханъ, утвержденный Россіею.

Изъ Петербурга былъ посланъ на Волгу, при значительномъ войскѣ, Князь Иванъ Барятинскій и ему было поручено устроить дѣло калмыковъ, какъ онъ признаетъ за лучшее.

Тѣмъ временемъ Дондукъ-Омбо, опасаясь за послѣдствія своихъ дѣйствій относительно хана Церенъ-Дондука и преслѣдуемый отрядомъ Князя Барятинскаго, со всѣми своими улусами удалился на Кубань, а его соучастникъ Лубжа, со своими улусами удалился за Уралъ. Тутъ выказалось вліяніе въ

калмыцкомъ народѣ Дондукъ-Омбо; къ нему пристали многіе калмыцкіе владѣльцы и начали даже уходить на Кубань.

Дѣйствія-же Князя Барятинскаго выказались въ томъ, что онъ успѣлъ захватить нѣсколько калмыцкихъ улусовъ, перешедшихъ къ Дондукъ-Омбо, и отдалъ ихъ временно Церенъ-Дондукъ-хану, а бѣжавшаго съ своими улусами за Уралъ Лубжу онъ помирилъ съ ханомъ. Все это дѣло продолжалось около трехъ лѣтъ. Князь Барятинскій пробовалъ уговорить и Дондукъ-Омбу вернуться на Волгу, но тотъ отвѣчалъ, что вернется не иначе, какъ въ качествѣ Правителя надъ всѣмъ калмыцкимъ народомъ.

Неразумный ханъ Церенъ-Дондукъ наконецъ самъ испортилъ свое дѣло; онъ повелъ какіе-то расчеты съ только-что помирившимся съ нимъ Дорджи-Назаровымъ и сыномъ его Лубжею,—было сдѣлано нападеніе на ихъ улусы, у нихъ былъ отбитъ скотъ и отнято имущество. И вотъ несогласія снова возгорѣлись, многіе зайсанги и владѣльцы, будучи недовольны ханомъ, бѣжали на Кубань, къ Дондукъ-Омбо.

Тогда Русское Правительство сознало сдѣланную имъ ошибку назначеніемъ Церенъ-Дондука; онъ-же, кромѣ явно выказанной имъ неспособности управлять калмыками, которые его не хотѣли ни уважать, ни признавать, предался еще сильному пьянству. Положеніе Правительства было тѣмъ болѣе затруднительно, что оно должно было опасаться, чтобы Дондукъ-Омбо, съ главною силою калмыковъ, оставаясь на Кубани, не перешелъ на сторону Турціи и не сдѣлался-бы для Россіи опаснымъ врагомъ. Поэтому Астраханскому Губернатору Измайлову, въ 1734 году, было предписано уговорить хана Церенъ-Дондука лично отправиться въ Петербургъ для ходатайства по калмыцкимъ дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы, когда онъ туда прибудетъ, его тамъ задержать и смѣнить, а управленіе калмыцкимъ народомъ передать Дондукъ-Омбѣ, когда онъ съ Кубани вернется на Волгу. Слабый ханъ Церенъ-Дондукъ былъ

дѣйствительно отправленъ въ Петербургъ, смѣненъ съ своего ханства и задержанъ въ этой столицѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1737 году.

Такова была участь хана Церенъ-Дондука; онъ Россіи не принесъ никакой пользы и едва не вовлекъ ее въ войну съ Турціею, по случаю слѣдующаго обстоятельства. Кубанскій ханъ татаръ, Бахта-Гирей, долженъ былъ оставить свою страну и искалъ убѣжища у Церенъ-Дондукъ-хана. Преслѣдовавшій Бахта-Гирея, Султанъ Селимъ-Гирей послалъ сказать, что если калмыцкій ханъ приметъ бѣглеца, то онъ пойдетъ на него войною. Подстрекаемый Бахта-Гиреемъ, Церенъ-Дондукъ-ханъ собралъ 20,300 войска и двинулся на Кубань, чтобы водворить Бахта-Гирея, а Турція приказала крымцамъ, азовцамъ и кубанцамъ идти войною на калмыковъ. Изъ Петербурга былъ посланъ нарочно Полковникъ Бахметьевъ, чтобы уговорить Церенъ-Дондука не возбуждать войны; Бахметьевъ его нашелъ уже въ горахъ и не безъ труда его уговорилъ вернуться на Волгу. Это было въ 1728 году.

Дондукъ-Омбо-ханъ.

Дондукъ-Омбо, сынъ Гунъ-Джаба и внукъ Аюкъ-хана, по своему твердому характеру и воинскимъ способностямъ, одинъ изъ замѣчательныхъ калмыцкихъ хановъ. Онъ былъ очень уменъ и честолюбивъ. Когда, въ 1732 году Русское Правительство, черезъ Князя Барятинскаго, приглашало его съ Кубани возвратиться на Волгу, онъ далъ отвѣтъ такой, что вернется не иначе, какъ въ качествѣ правителя надъ всѣмъ народомъ калмыцкимъ. Два года спустя, въ 1734 году Правительство было вынуждено исполнить это требованіе, и только тогда онъ вернулся въ Россію. Мы уже говорили, что Правительство опасалось, какъ-бы Дондукъ-Омбо, со своими калмыками не перешелъ на сторону Турціи, но того мы не сказа-

ли, что самъ Дондукъ-Омбо былъ въ то время въ затруднительномъ положеніи. При немъ, на Кубани, было столько калмыковъ, что оказался недостатокъ въ пастьбищахъ и ему положительно нельзя было-бы долго оставаться въ столь стѣсненномъ положеніи. Въ концѣ 1734 года къ Дондукъ-Омбо былъ отправленъ Донской Войсковой Старшина (атаманъ) Ефремовъ, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ и друженъ,—тотъ его убѣдилъ, но гордый Дондукъ-Омбо заявилъ, что онъ въ предѣлы Россіи возвращается единственно изъ уваженія и старинной дружбы его къ Старшинѣ Ефремову, а между тѣмъ онъ у Русскаго Правительства выговорилъ себѣ много условій для него выгодныхъ.

Дондукъ-Омбо, со всѣми бывшими при немъ калмыками, вернулся съ Кубани на Волгу въ 1735 году, въ концѣ котораго, а именно 14 ноября, онъ далъ присягу на вѣрность Россіи и былъ формально объявленъ главнымъ управителемъ надъ всѣми калмыками.

Дондукъ-Омбо, конечно, поспѣшилъ показать свою преданность Россіи въ начавшуюся въ 1736 году войну съ Турціею; онъ 21 апрѣля, между Кубанью и Урюпомъ, разбилъ пяти-тысячный отрядъ горцевъ, называвшихся Наврюсъ-Улу, и захватилъ въ плѣнъ до 20,000 человѣкъ, которые приняли подданство Россіи, но обязались платить дань Дондукъ-Омбо, какъ прежде они ее платили его дѣду, Аюкъ-хану. За это, Императрица Анна Іоанновна, рескриптомъ отъ 23 мая пожаловала Дондукъ-Омбѣ саблю и соболью шапку, женѣ его 35 аршинъ золотой парчи, прочимъ-же владѣльцамъ и войску денежное награжденіе (Дѣло 1734 г. № 87). Дондукъ-Омбо получалъ отъ Русскаго Правительства жалованье въ годъ 5000 р. и 2000 четвертей хлѣба, (стоимость хлѣба тогда была 90 к. ассигнац. за четверть), а грамотою отъ 11 августа 1736 г., за службу его, кромѣ этого, прибавлено еще ему жалованья 2500 руб. и муки по 1000 четвертей, но при этомъ ему ве-

лѣно отправить 30,000 войска въ Крымъ и разорить Кубанскую область. Присланному съ этими порученіями изъ Петербурга Сойманову Дондукъ-Омбо сказалъ, что столько войска онъ противъ Крыма поставить не можетъ, ибо онъ ослабитъ свои собственныя силы, а потому согласился дать лишь 10,000 войска, подъ начальствомъ сына своего Галданъ-Нормо. Русское Правительство этимъ удовольствовалось, и Галданъ-Нормо со своими калмыками, а Донской Старшина Ефремовъ съ казаками, отправились противъ крымцевъ, самъ-же Дондукъ-Омбо отправился противъ кубанцевъ, разбилъ каракипчаковъ и абазинцевъ, вывелъ ихъ изъ горъ и поселилъ по эту сторону Терека, на Кизлярской сторонѣ. За эту заслугу Дондукъ-Омбо получилъ двѣ награды, а именно: граматою отъ 3 марта 1737 г. онъ назначенъ Русскимъ Правительствомъ ханомъ всѣхъ калмыковъ, а граматою отъ 1 іюля 1738 г. ему вновь пожалована сабля. Таковы были военные подвиги хана Дондукъ-Омбо.

Рядомъ съ ними шли однако внутреннія междоусобія и семейныя неудовольствія. Когда еще шли переговоры о возвращеніи его съ Кубани на Волгу, Дондукъ-Омбо поставилъ условіемъ, чтобы ему была предоставлена полная власть распоряжаться въ калмыцкомъ народѣ, и чтобы онъ взялъ себѣ улусы хана Церенъ-Дондука и остальныхъ владѣльцевъ, имъ захваченные, предоставляя ему тѣ улусы возвратить владѣльцамъ или оставить за собою. На такое условіе Русское Правительство должно было согласиться, но оно имѣло послѣдствіемъ то, что нельзя было помогать тѣмъ владѣльцамъ, которыхъ угнеталъ Дондукъ-Омбо; съ другой-же стороны, этотъ ханъ получилъ большую силу и ввелъ порядокъ въ народѣ.

Дондукъ-Омбо имѣлъ однако одного опаснаго соперника, котораго онъ боялся. То былъ Дондукъ-Даши, одинъ изъ сыновей Чакдоръ-Джаба, сына Люкъ-хана. Во время переговоровъ на Кубани, Дондукъ-Омбо ставилъ Русскому Правитель-

ству главнымъ условіемъ „искоренить Дондукъ-Дашу“, но Правительство на это смотрѣло иначе, считая его однимъ изъ калмыцкихъ владѣльцевъ, преданныхъ Россіи *). Вступивъ въ управленіе, Дондукъ-Омбо, при всякомъ удобномъ случаѣ, просилъ Императрицу искоренить или засадить Дондукъ-Дашу и писалъ: „что если онъ такъ останется, то онъ (ханъ) никогда не будетъ спокоенъ мыслію“. Правительство принимало многія мѣры къ примиренію этихъ двухъ соперниковъ, и съ этою цѣлью былъ командированъ изъ Петербурга полковникъ Бабарыкинъ, но ханъ ни на что не соглашался и настаивалъ на удаленіи Дондукъ-Даши. Опасаясь, чтобы изъ этого не вышло безпорядковъ, граматою, отъ 22 февраля 1737 г. велѣно было Дондукъ-Дашѣ отправиться во вновь построенную крѣпость на рѣкѣ Орь, но онъ объявилъ, что не отойдетъ отъ Волги, гдѣ онъ родился. Тогда ему было предложено кочевать на Волгѣ, но только отойти къ Самарѣ, или-же на время уѣхать въ Тибетъ къ Далай-Ламѣ, и было предписано, въ случаѣ если онъ и этихъ предложеній не приметъ, то какъ нибудь его поймать и содержать въ городѣ въ довольствѣ. До этого, однако, не дошло, потому что Дондукъ-Даши со своими улусами углубился въ степь. Наконецъ усиленными мѣрами удалось его уговорить отправиться въ Петербургъ, и тамъ ему назначили жить въ за-Камской линіи, съ производствомъ ему жалованья и провіанта. Полковнику-же Бабарыкину велѣно всячески стараться о примиреніи хана Дондукъ-Омбо съ его двоюроднымъ братомъ Дондукъ-Дашею, но ханъ, опасаясь противника, ни на какой миръ не соглашался.

Избавившись отъ этого врага, Дондукъ-Омбо нашелъ себѣ другихъ враговъ въ средѣ своего собственнаго семейства и своихъ друзей. Бывшій его другъ и союзникъ Лубжа, сынъ

*) Въ Астрахань 17 августа 1734 г. была выслана *цыфирная азбука* (шифровка), по которой велѣно было вести переписку о Дондукъ-Омбѣ, чтобы онъ не могъ узнавать секретовъ. Со смертію Дондукъ-Омба прекратилась эта азбука.

Дорджи Назарова, былъ недоволенъ тѣмъ, что ханъ, въ ущербъ другимъ владѣльцамъ, захватилъ себѣ много улусовъ, а потому присталъ къ партіи Галданъ-Нормо, сына Дондукъ-Омбо, рожденнаго отъ калмычки Божаки, обиженнаго тѣмъ, что ханъ давалъ предпочтеніе другой своей женѣ, кабардинкѣ Джапъ и ея дѣтямъ.

Въ 1738 году ханъ Дондукъ-Омбо получилъ приказаніе отъ Русскаго Правительства отправить войско противъ киргизъ, что онъ исполнилъ, поручивъ начальство надъ этимъ войскомъ сыну своему Галданъ-Нормо. Этотъ недовольный сынъ, составивъ партію изъ значительныхъ лицъ калмыцкаго народа и выбравъ самую лучшую часть войска, отправился къ рѣкѣ Яику и, поддерживаемый Лубжею, вмѣсто войны сталъ вести переговоры съ киргизами и обратилъ войска противъ отца. Сознавая затруднительность своего положенія, Дондукъ-Омбо обратился къ Русскому Правительству, прося о присылкѣ ему въ помощь войска, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ заискивать союза съ владѣльцемъ Дербетевскаго улуса, Лабанъ-Дондукомъ, который на это согласился не столько изъ любви къ хану, сколько вслѣдствіе настояній Правительства. Однако, дѣло это обошлось безъ войны; Лубжа умеръ, а Галданъ-Нормо былъ уговоренъ Лабаномъ-Дондукомъ смириться передъ отцемъ. Его, какъ измѣнника, ханъ передалъ въ руки Русскаго Правительства, которое его отправило въ Казань. За то, съ союзниками мятежниковъ ханъ поступилъ очень строго; по его приказанію были умерщвлены: его собственная дочь Лабангъ, его зять Лекбей (женатый на его старшей дочери), его двоюродный братъ Бату съ сыномъ Тангутомъ, Кичикъ-Дондуковъ, Зайсангъ Зундуй и другія знатныя лица (Дѣло 1741 г. № 152).

Послѣ этого ханъ Дондукъ-Омбо не имѣлъ уже себѣ противниковъ въ средѣ калмыковъ, но вскорѣ онъ самъ умеръ, 21 марта 1741 г., назначивъ преемникомъ ханства десятилѣтняго сына своего Рандула, рожденнаго отъ кабардинки

Джанъ. Такъ какъ Рандулъ былъ еще малъ, то умирающій ханъ поручилъ его матери Джанъ, своей любимой женѣ, управлять калмыцкимъ народомъ отъ его имени, и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ Далай-Ламѣ, прося его утвердить въ ханскомъ достоинствѣ его сына Рандула *).

Ханша Джанъ.

Ханъ Дондукъ-Омбо умеръ 21 марта 1741 г.; жена его Джанъ отправила его похороны съ большими почестями и, на основаніи его воли, продолжала управлять калмыцкимъ народомъ отъ имени своего сына Рандула.

При ханѣ Дондукъ-Омбо, а затѣмъ при вдовѣ его Джанъ, оставался присланный изъ Петербурга полковникъ Бабарыкинъ, который получилъ отъ Правительства указъ, чтобы онъ уговорилъ калмыцкихъ владѣльцевъ отправить въ Петербургъ нарочнаго съ прошеніемъ о назначеніи калмыкамъ хана, съ прибавкою въ прошеніи словъ: „кого Россійскій Дворъ соизволитъ“. На это никто изъ владѣльцевъ не согласился, боясь мщенія Ханши Джанъ, которая всячески старалась усилить свою власть и довела дѣло до того, что вдовствующая ханша Дарма-Балы должна была скрыться въ городъ Черный-Яръ, подъ защиту русскихъ, а сынъ ея Галданъ-Данджинъ съ сыновьями Баемъ и Убуши, отдалился къ городу Красный-Яръ, чтобы также быть подъ защитою русскихъ.

Такъ какъ Галданъ-Данджинъ былъ сынъ Аюкъ-хана, а

---

*) Изъ вещей, принадлежавшихъ калмыцкому хану Дондукъ-Омбо, сохраняется у Князей Дондуковыхъ-Карсаковыхъ кожанный, снаружи вышитый золотомъ ковшъ для питья, формы срѣзанной дыни, а внутри, на днѣ ковша золотомъ вышитая арабская надпись, которой смыслъ: „здравіе и благоденствіе“. Этотъ ковшъ былъ Дондукъ-Омбою подаренъ въ 1734 году его другу, Донскому войсковому старшинѣ Даніилъ Ефремову, когда онъ къ нему ѣздилъ для переговоровъ на Кубань. Ковшъ этотъ въ 1852 г. подаренъ Князю Михаилу Александровичу Дондукову-Карсакову Наказнымъ Атаманомъ войска Донскаго, Хомутовымъ.

(Замѣтка автора).

потому имѣлъ право на ханство, да къ тому-же у него было довольно приверженцевъ, то Ханша Джанъ, не долго думая, выдвинула противъ него войска своего мужа и 27 іюня 1741 года, въ урочищѣ Бага-Болхунъ, ниже Чернаго-Яра, разбила его на голову. Галданъ-Данджинъ, Бай и Убуши съ ихъ родственниками были захвачены въ плѣнъ и Ханша Джанъ приказала ихъ умертвить.

Изъ донесенія объ этомъ дѣлѣ полковника Бабарыкина видно, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ этого сраженія; онъ пишетъ, что пріѣхалъ поздно, уже послѣ начала сраженія, что онъ убѣждалъ Ханшу прекратить бой, но она его не послушалась, а когда онъ своихъ людей посылалъ къ Галданъ-Данджину, то воины Ханши ихъ не пропустили (Дѣло 1741 г. № 168). Какъ-бы то ни было, но то вѣрно, что полковникъ Бабарыкинъ не далъ никакого употребленія бывшему при немъ русскому войску и не воспрепятствовалъ умерщвленію Галданъ-Данджина и его родственниковъ, онъ даже не помѣшалъ войску Джаны грабить улусы Галданъ-Данджина, которые были спасены только потому, что Астраханскій Губернаторъ для защиты ихъ выслалъ подполковника Эбрехта.

Ханша Дарма-Балы, озлобленная умерщвленіемъ сына своего Галданъ-Данджина, послала жалобу въ Петербургъ и просила утвердить главнымъ владѣльцемъ Дондукъ-Дашу, и объ этомъ начали просить и другіе вліятельные владѣльцы, представляя, что въ противномъ случаѣ весь калмыцкій народъ разбредется. Эти заявленія должно быть подѣйствовали на Правительство, такъ какъ граматою отъ 13 августа 1741 г. тайный совѣтникъ В. Н. Татищевъ, какъ сказано, былъ отправленъ изъ Петербурга „для успокоенія калмыцкаго парода, возбужденнаго Ханшею Джанъ“.

Между тѣмъ, еще ранѣе прибытія на мѣсто и даже назначенія Татищева для разбора калмыцкихъ дѣлъ, случилось весьма замѣчательное событіе. Узнавъ о смерти хана Дон-

дукъ-Омбо и о безпорядкахъ у калмыковъ, киргизы Средней и отчасти Малой Орды, а именно: Султаны—Барика, Аблай, Эсетъ-Батырь, Джанибекъ-Батырь, Бармакъ-Батырь и другіе, съ 30,000 киргизовъ, предводительствуемые Кучукъ-Ханомъ, переправились черезъ рѣку Яикъ съ цѣлью напасть на калмыковъ, о чемъ однако успѣли дать знать симъ послѣднимъ изъ русскихъ укрѣпленій на Яикѣ. Калмыки приготовились къ отпору. 24 августа 1741 года, ниже Чернаго Яра въ урочищѣ Халтали, киргизы встрѣтились съ калмыцкимъ войскомъ Ханши Джанъ, состоявшимъ подъ предводительствомъ Бодонга и Сербета, и тутъ же была Ханша Джанъ съ своимъ сыномъ Рандуломъ. Калмыки напали на киргизовъ, три дня ихъ атаковали, а на четвертый день замашили ихъ въ степь, чтобы удалить ихъ отъ Волги и лишить воды. Лишь только киргизы отошли верстъ на тридцать отъ рѣки и попали въ безводную степь, калмыки въ теченіи пяти дней не переставали на нихъ нападать, а на шестой день киргизы прислали къ сыну Допдукъ-Омбо, десятилѣтнему Рандулу, какъ представителю хана,—султана Бармакъ-Батыря съ предложеніемъ о мирѣ. Калмыки расчитали, что пороху и ядеръ для ружей и пушекъ у нихъ остается мало, и хотя они могутъ забрать киргизовъ и въ ручномъ бою, но должны сами потерять много народа, а потому они согласились на миръ, и хану киргизскому съ султанами, всего въ числѣ 40 человѣкъ они предложили слѣдующія условія: „чтобы войны не имѣть другъ съ другомъ до тѣхъ поръ, пока родившійся въ этомъ году младенецъ придетъ въ возрастъ, будетъ въ состояніи владѣть сайдакомъ, ѣздить на лошади и быть способнымъ къ войнѣ. Сдѣлать размѣнъ плѣнныхъ поголовно, человѣка на человѣка, а въ разграниченіи земли постановлено, чтобы киргизы кочевали за Эмбою и къ Уралу не подходили“. Гордый ханъ Кучукъ долженъ былъ согласиться на эти условія и утвердить ихъ присягою.

Этотъ договоръ былъ заключенъ калмыками отъ имени

юпаго Рандула (не утверждешаго Русскимъ Правительствомъ), а потому въ слѣдующемъ году, когда намѣстникомъ хана былъ назначенъ Дондукъ-Даши, то Правительство потребовало, чтобы въ Астрахань къ губернатору Татищеву явились—какъ со стороны калмыковъ, такъ и со стороны киргизовъ—полномоченные, какъ сказано въ граматѣ 18 января 1742 г.: „для подтвержденія прежняго договора“.

Ханша Джанъ, какъ только слышно стало о присылкѣ въ Астрахань Татищева, побоялась, какъ бы не вышло для нея худо, а потому, забравъ своихъ дѣтей, она бѣжала на Кубань къ брату своему, главному кабардинскому владѣльцу, Мухамеду Каргокину, и тамъ думала ожидать разрѣшенія изъ Петербурга, однако она вскорѣ вернулась въ свои улусы.

Пока эти событія совершались на Волгѣ, въ Петербургѣ не знали, что предпринять и какъ поступить. Докладъ министра заключался въ такихъ словахъ: „21 марта (1741 г.) ханъ Дондукъ-Омбо померъ, поруча по себѣ правленіе десятилѣтнему своему сыну Рандулу и женѣ Джанъ; передъ смертію, листомъ своимъ въ Петербургъ, доносилъ, что онъ о пожалованіи въ ханы изъ дѣтей своихъ просилъ Далай-Ламу“.

Русскому Правительству, конечно, не могло понравиться, что калмыцкій ханъ, безъ его согласія, назначаетъ себѣ пріемника, да къ тому же обращается о томъ не къ Императрицѣ, а къ Далай-Ламѣ. Вотъ почему было предписано полковнику Бабарыкину уговорить калмыцкихъ владѣльцевъ предоставить Русскому Двору выборъ для нихъ хана; но это, какъ мы уже говорили, не удалось. Едва ли въ то время Правительство даже имѣло кого-либо въ виду для калмыковъ, среди которыхъ началась серьезная междоусобная война. Вотъ почему только 13 Августа 1741 г., т. е. почти пять мѣсяцевъ послѣ смерти хана Дондукъ-Омбо, былъ отправленъ въ Астрахань Татищевъ, чтобы собрать положительныя свѣдѣнія по дѣлу. Когда же пришло въ Петербургъ прошеніе ханши Дар-

ма-Балы и другихъ владѣльцевъ съ просьбою о назначеніи Дондукъ-Даши, то Правительство, обрадовавшись такому выходу изъ своихъ затрудненій, поспѣшило, даже ранѣе отправки Татищева, а именно 31 іюля 1741 г., назначить Дондукъ-Даши, но не ханомъ, а только намѣстникомъ хана, взявъ у него заложникомъ сына его.

Система брать заложниковъ у горцевъ и кочевниковъ, давно практиковалась въ Россіи. При первоначальномъ принятіи русскаго подданства Шукуръ-Дайчиномъ, дѣдомъ Аюкъ-хана, отъ него былъ взятъ заложникъ; при Аюкѣ же, въ виду его положенія, оно было немыслимо; а Черенъ-Дондукъ и Дондукъ-Омбо не дали заложниковъ и отъ нихъ таковые не требовались,—отъ перваго въ виду прибытія китайскаго посольства, а отъ втораго потому, что боялись возбудить его неудовольствіе. Нынѣ-же Правительство, при назначеніи Дондукъ-Даши, рѣшилось обезпечить себя заложникомъ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти послѣднія распоряженія Русскаго Правительства, какъ-то: отправленіе въ Астрахань Татищева и назначеніе Дондукъ-Даши, не скоро начали приводиться въ исполненіе на Волгѣ, за дальностью разстоянія, а именно только подъ конецъ 1741 г.

Обманутая въ своихъ надеждахъ и недовольная назначеніемъ Дондукъ-Даши, Ханша Джанъ, въ 1742 г., вторично ушла на Кубань съ своими дѣтьми и приверженцами и, кажется, съ частью своихъ улусовъ. Она думала найдти помощь тамъ, у своихъ родственниковъ, и при помощи ихъ вернуть власть своему сыну Рандулу, но эта надежда не оправдалась, и она въ слѣдующемъ, 1743 году, вернулась на Волгу въ свои улусы, на что ее убѣдили русскія власти въ Астрахани. Но въ томъ же 1743 году ее велѣно было отправить вмѣстѣ со всѣми ея дѣтьми въ Петербургъ, что и было исполнено тогда же. И въ этомъ случаѣ Ханша Джанъ выказала свою настойчивость, ибо, отправляясь въ Петербургъ

съ своими малолѣтними сыновьями: Асарай, Додьби и Джю-Басаръ, она успѣла старшаго сына своего Рандула отправить къ своимъ родственникамъ на Кубань, и онъ лишь позже былъ доставленъ въ Петербургъ по требованію Правительства.

Въ Петербургѣ Ханшу Джанъ и ея дѣтей задержали, т. е. Ханшѣ дали приличное содержаніе, дѣтей ея опредѣлили въ корпусъ (они получали отъ казны, каждый по 1000 руб. въ годъ), но имъ не дозволяли отправиться на Волгу.

Относительно улусовъ умершаго хана Дондукъ-Омбо, былъ у Русскаго Правительства, еще въ 1742 г., возбужденъ вопросъ такого рода: слѣдуетъ ли эти улусы отдать новому намѣстнику хана, Дондукъ-Даши, чтобы придать ему силы и значенія въ калмыцкомъ народѣ, или же эти улусы слѣдуетъ раздѣлить такъ, чтобы одна часть изъ нихъ досталась не лично Дондукъ-Даши, а всѣмъ наслѣдникамъ его отца Чакдоръ-Джаба, а другая часть осталась бы наслѣдникамъ Дондукъ-Омбо. Другими словами, надлежало рѣшить, что̀ выгоднѣе для Русскаго Правительства: усилить намѣстника хана или же уравновѣсить силу всѣхъ владѣльцевъ калмыцкихъ? (Дѣло 1742 г. № 176). Правительство рѣшилось на послѣднюю мѣру, и указомъ отъ 12 января 1742 года, новый намѣстникъ хана, Дондукъ-Даши, былъ оставленъ при его собственныхъ улусахъ, и, дабы онъ былъ не многимъ сильнѣе прочихъ владѣльцевъ, ему были еще отданы улусы Церенъ-Дондука и Галданъ-Данджина. Улусы же Дондукъ-Омбо оставлены и нераздѣльными и неприкосновенными,—но такъ какъ Ханшѣ Джанъ и ее сыновьямъ не дозволено было отправиться на Волгу, то эти улусы управлялись лицами уполномоченными на ихъ управленіе.

Это распоряженіе было началомъ неудовольствія Дондукъ-Даши противъ Русскаго Правительства; у него началась ссора, перешедшая въ открытую вражду, съ Астрахапскимъ губернаторомъ Татищевымъ. Дѣло дошло до того, что Татищевъ,

желая ослабить власть Дондукъ-Даши, вошелъ съ представленіемъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ (дѣло 1745 г. № 237), а потомъ, чтобы кого либо изъ русскихъ чиновниковъ женить на крещеной дочери хана Дондукъ-Омбо, по имени Надежда (вѣроятно рожденной отъ калмычки Бужаки) и отпустить ихъ въ улусы. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ это предложеніе не приняла.

Въ Петербургѣ Ханша Джанъ окрестилась и въ крещеніи названа Вѣрою. Всѣ четверо дѣтей ея тоже окрещены и названы: Рандулъ—Петромъ, Додьби—Алексѣемъ, Асарай—Іоною, а Джю-Басаръ—Филиппомъ. Кажется, что окрещеніе ихъ всѣхъ состоялось въ 1743 году, вскорѣ послѣ прибытія ихъ въ Петербургъ.

Дондукъ-Даши-Ханъ.

Дондукъ-Даши (Дон- роб- раши) былъ сынъ Чакдоръ-Джаба, сына Аюка, отъ матери Габили, дочери Дербетевскаго Мунко-Темира. Самъ Дондукъ-Даши былъ женатъ на двухъ сестрахъ Хошоутовскаго владѣльца Замьянга; отъ одной Церенъ-Джалы, онъ имѣлъ сына Асарай, а отъ другой—Найджитаны, онъ имѣлъ сына Убуши. Замьянгъ же въ свою очередь, былъ женатъ на Данарѣ, сестрѣ Дондукъ-Даши.

Дондукъ-Даши назначенъ не ханомъ, а только намѣстникомъ хана 31 іюля 1741 г., а вступилъ въ управленіе калмыками нѣсколько позже.

Отъ Дондукъ-Даши былъ тогда же взятъ въ аманаты, т. е. заложники, старшій его сынъ Асарай; онъ содержался въ Астрахани; при немъ были дядьки и прислуга, и жилъ онъ въ великолѣпномъ домѣ, выстроенномъ для пріема хановъ и азіятскихъ владѣльцевъ. Неоднократно просилъ Дондукъ-Даши Россійскій Дворъ возвратить ему сына, но всегда ему въ этомъ былъ отказъ,—и вотъ, когда въ 1744 году, оставаясь заложникомъ, умеръ малолѣтній Асарай, то Дондукъ-Даши окончательно

озлобился противъ Русскаго Правительства, что имѣло весьма важныя послѣдствія.

Съ этого времени Дондукъ-Даши выказываетъ совершенно другое направленіе и полную недовѣрчивость къ Правительству, онъ даже пересталъ ѣздить въ города, опасаясь что его могутъ тамъ задержать. Объ этомъ было еще въ томъ же 1744 году донесено въ Петербургъ подполковникомъ Спицынымъ, замѣнившимъ состоявшаго при ханѣ Дондукъ-Омбо полковника Бабарыкина. Онъ прямо доносилъ, что по смерти Асарая, Дондукъ-Даши, Бодонгъ и Замьянгъ „находятся въ вредительномъ замыслѣ“. Вотъ какого рода были дѣйствія Дондукъ-Даши.

Хошоутовскій владѣлецъ Ончикъ, съ двумя сыновьями, съ семьею и зайсангами, пожелалъ окреститься, а Дондукъ-Даши задержалъ въ улусѣ его жену, дѣтей и имущество, вопреки правила, установленнаго еще при Аюкъ-ханѣ, „что желающему креститься по закону христіанскому отказывать нельзя, почему всякій желающій крещенія освобождается отъ вліянія хана“. Когда же губернаторъ Татищевъ по этому предмету заявилъ требованіе, то Дондукъ-Даши отвѣчалъ такъ: „когда кто уже крестился, мы его не требуемъ, а хотя кто креститься желаетъ и о томъ мы увѣдаемъ и отъ того его удержимъ или побьемъ до смерти, за то на насъ штрафа не взыскивалось, для того что онъ еще въ нашихъ рукахъ“.

Въ 1745 году, во время войны Россіи съ Персіею, Дондукъ-Даши хотѣлъ перейти на сторону послѣдней, но планъ этотъ былъ разстроенъ его братомъ Бодонгомъ. Астраханскій губернаторъ Татищевъ, на сторонѣ котораго была ханша Дарма-Балы, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заявить въ Петербургѣ о неблагонадежности Дондукъ-Даши, но тамъ посмотрѣли на дѣло иначе. На мѣсто Татищева былъ назначенъ Брылкинъ; къ калмыцкимъ дѣламъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Еропкинъ, а ханшу Дарма-Балы велѣно было отправить въ Воронежъ (дѣла 1745 г. №№ 227, 228, 230, 233).

До 1750 года крещеніе калмыковъ шло весьма успѣшно; Правительство объ этомъ заботилось и, какъ мы уже видѣли, еще при Аюкъ-ханѣ было выговорено, чтобы со стороны калмыковъ этому дѣлу не было препятствій. Послѣ же смерти сына своего Асарая, намѣстникъ Дондукъ-Даши началъ препятствовать этому дѣлу и его совершенно затормозилъ.

Въ 1752 году послѣ разоренія русскими Крыма, двое изъ сыновей крымскаго хана бѣжали въ Кабарду; имъ далъ убѣжище тамошній князь Арсламбекъ, который, попавшись въ руки Русскаго Правительства, содержался въ Кизлярѣ. Сынъ его Хамза, для освобожденія отца, обратился къ посредничеству Дондукъ-Даши, и тотъ не стѣснился написать Русскому Правительству, что онъ, Дондукъ-Даши, считаетъ задержаніе Арсламбека дѣломъ „незаконнымъ и противнымъ“ (Дѣло 1752 г. № 309).

Въ томъ же 1752 году Дондукъ-Даши сдѣлалъ распоряженіе, чтобы калмыки, кому бы сколько ни были должны, не платили своихъ долговъ и немедленно возвратились въ свои улусы. Калмыки по большей части работали на рыбныхъ ловляхъ, получая впередъ деньги; ихъ призывъ въ улусы составлялъ большое разстройство, а потому губернаторъ Брылкинъ пріостановилъ распоряженіе Дондука-Даши, но тотъ подтвердилъ свое прежнее приказаніе и велѣлъ калмыковъ гнать по улусамъ, чѣмъ значительно подорвалъ русскіе рыбные промыслы (Дѣло 1752 г. № 309).

Въ Самарской губерніи образовалось нѣсколько поселеній крещеныхъ калмыковъ, обратившихся къ осѣдлости, но Дондукъ-Даши устроилъ такъ, что почти всѣ эти поселенія уничтожились.

Вотъ какъ неблагопріятно для Россіи дѣйствовалъ намѣстникъ Дондукъ-Даши.

Не смотря на это, слабое въ то время Правительство, когда въ 1757 году Дондукъ-Даши просилъ Императрицу

Елисавету Петровну, чтобы по слабости его здоровья, сынъ его Убуши былъ назначенъ намѣстникомъ, не только уважило эту просьбу, но и самого Дондукъ-Даши назначила ханомъ надъ всѣми калмыками. Указъ о томъ воспослѣдовалъ 20 февраля 1758 года, и новому хану прислана жалованная грамата, сабля, шапка и шуба соболья, крытая парчею, и знамя. Любопытно то, что на этомъ знамени красовался между другими гербами, и гербъ Лифляндіи, собственно потому, что калмыки какъ-то участвовали въ походѣ русскихъ въ Лифляндію.

Дондукъ-Даши не пользовался довѣріемъ Русскаго Правительства, однако онъ Россіи оказалъ и нѣкоторыя услуги; такъ напримѣръ, въ 1756 году, 8000 калмыцкаго войска было послано въ Малороссію.

Умеръ же Дондукъ-Даши Ханъ 21 января 1761 года, скоропостижною смертію.

Убуши, намѣстникъ Хана.

Убуши былъ назначенъ намѣстникомъ хана еще въ 1758 году, при жизни отца своего Дондукъ-Даши Хана, а потому, послѣ смерти сего послѣдняго, онъ былъ только утвержденъ въ этомъ достоинствѣ Высочайшимъ Указомъ 12 августа 1762 г., т. е. болѣе полутора года послѣ кончины Дондукъ-Даши Хана.

Такое промедленіе не было дѣломъ случайности. Въ Петербургѣ, послѣ смерти Дондукъ-Даши, былъ серьезно поднятъ вопросъ о калмыцкихъ дѣлахъ. Слѣдуетъ полагать, что у Русскаго Правительства состоялся проектъ въ томъ смыслѣ, чтобы мало-по-малу всѣхъ калмыковъ обратить въ христіанскую вѣру и надъ этимъ народомъ поставлять начальниковъ только изъ крещеныхъ калмыковъ. На это можно найдти указаніе въ двухъ фактахъ, а именно слѣдующихъ:

Когда, послѣ хана Дондукъ-Омбо, вдова его Джанъ со

всѣми дѣтьми была вытребована въ Петербургъ въ 1743 году, то всѣ принадлежавшіе Дондукъ-Омбо улусы, т. е. подвластные ему по наслѣдству родовому калмыки, были временно отданы въ распоряженіе хана Дондукъ-Даши, но въ указѣ о томъ было сказано: „до востребованія“. Улусы эти назывались „*Бага-Цохуръ*“. И вотъ, по докладу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, 8 марта 1762 г. Высочайше повелѣно: „Княгинѣ Вѣрѣ Дондуковой (бывшей ханшѣ Джанъ), съ старшимъ ея сыномъ полковникомъ Алексѣемъ Дондуковымъ, возвратиться и вступить въ управленіе Багацохурскимъ улусомъ, но съ условіемъ жить въ Епотаевскѣ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано Намѣстнику Убуши возвратить Дондуковымъ подвластныхъ имъ калмыковъ. Меньшой сынъ, князь Іопа Дондуковъ, былъ оставленъ для постояннаго житья въ Петербургѣ. Другіе два сына Рандулъ (Петръ) и Джю-Басаръ (Филиппъ) ранѣе того умерли въ Петербургѣ отъ оспы.

Другое же подтвержденіе существованія сказаннаго проекта находится въ Указѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 15 сентября 1763 г., о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Когда умеръ ханъ Дондукъ-Даши, то сыну его, Убуши, признанному еще съ 1758 г. намѣстникомъ хана, было не болѣе 16-ти лѣтъ. Понятно, что онъ въ средѣ калмыковъ долженъ былъ встрѣтить себѣ противниковъ. Таковымъ оказался Цебекъ-Дорджи, сынъ Галданъ-Нормо и внукъ Дондукъ-Омбо. Родовой улусъ Дондукъ-Омбо назывался Бага-Цохуръ и былъ весьма значителенъ. Изъ этого улуса, по правамъ наслѣдства, одна часть досталась Цебекъ-Дорджи, а другая князьямъ Дондуковымъ, хотя, по случаю задержанія въ Петербургѣ Дондуковыхъ, эта часть была отдана во временное распоряженіе Дондукъ-Даши, а послѣ него перешла въ распоряженіе Убуши.

Хитрый Цебекъ-Дорджи, желая получить въ свои руки обѣ части улуса Бага-Цохуръ, безо всякой причины изъ сво-

его улуса бѣжалъ на Донъ, распространяя слухъ, что намѣстникъ Убуши намѣревается его умертвить и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ требовать въ Астрахани возвращенія ему улусовъ дѣда его, т. е. той части Багацохурскаго улуса, которая досталась Дондуковымъ. Съ этою цѣлью онъ даже отправился въ Петербургъ, причемъ имѣлъ замыселъ выхлопотать себѣ назначеніе намѣстника хана, на мѣсто юнаго Убуши. Онъ почему-то надѣялся на поддержку Дондуковыхъ, но въ этомъ ошибся. Такимъ образомъ, Цебекъ-Дорджи вернулся на Волгу ни съ чѣмъ, а Вѣра Дондукова и сынъ ея, Алексѣй Дондуковъ, вступили въ управленіе своей части Багацохурскаго улуса.

Въ слѣдующемъ 1763 году пошли у калмыковъ большіе безпорядки: въ народѣ было волненіе, образовалось нѣсколько партій. Багацохуры, подвластные Цебекъ-Дорджи распускали слухъ, что ихъ владѣлецъ будетъ главнымъ начальникомъ. Багацохуры Дондуковыхъ разглашали, что они отданы Вѣрѣ Дондуковой съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи всѣхъ калмыковъ обратить въ христіанство (изъ чего видно, что какое-то намѣреніе въ этомъ родѣ имѣлось у Правительства). Третья партія, удивленная возвращеніемъ Дондуковыхъ и предоставленіемъ права надъ некрещеными калмыками окрестившимся владѣльцамъ, говорила, что Русское Правительство намѣрено принудить калмыковъ креститься и что будетъ новое распоряженіе о раздѣленіи улусовъ. Вѣра Дондукова, съ своей стороны, начала заводить разныя интриги. Наконецъ, сынъ Лубжи, по имени Бамбаръ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми владѣльцами положили забрать своихъ калмыковъ и уйдти на Кубань, отдавшись Турціи, или уйдти въ степи за Яикъ.

Всѣ эти толки и волненія въ калмыцкомъ народѣ вынудили Русское Правительство, въ этомъ 1763 году, принять рѣшительныя мѣры. Велѣно было на Дону и въ Кизлярѣ приготовить войска противъ Крымскаго хана, а граматою 15

января 1763 года, къ калмыцкому намѣстнику Убуши и прочимъ владѣльцамъ, опровергались всѣ распространенные въ народѣ слухи. Къ бригадиру Бехтѣеву, находившемуся у калмыцкихъ дѣлъ, былъ отправленъ, на случай надобности, драгунскій полкъ, и граматою 15 января 1763 г. за № 86, ему предписывалось: что „если уговоръ не подѣйствуетъ, то употребить и воинскій поискъ, но сдѣлать такъ, чтобы не могло явиться причины къ бо̀льшему ихъ, калмыковъ, отчужденію и уходу за границу". Граматою же отъ 7 мая 1763 года велѣно Дондуковымъ успокоиться, въ противномъ случаѣ, они снова будутъ отозваны въ Петербургъ; но вслѣдъ же за тѣмъ, указомъ отъ 12 мая 1763 г., велѣно бригадиру Бехтѣеву обнадежить Дондукову съ сыномъ, что „Императрица (Екатерина II) соизволяетъ пожаловать обѣщанными прежде россійскими деревнями".

Всѣ эти распоряженія Правительства имѣли послѣдствіемъ то, что въ калмыцкомъ народѣ дѣйствительно все на время успокоилось.

Тогда же случилось одно обстоятельство, подавшее поводъ Правительству высказать свои намѣренія относительно Дондуковыхъ. Бригадиръ Бехтѣевъ донесъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о намѣреніи князя Дондукова жениться на калмычкѣ, дочери Дербетевскаго владѣльца Сампилъ-Норбо, въ чемъ онъ уже согласился съ главнымъ Дербетевскимъ владѣльцемъ. На это донесеніе послѣдовалъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ указъ отъ 15 сентября 1763 года за № 575, въ которомъ сказано такъ: „если это справедливо, то весь этотъ трудъ, каковъ до нынѣ употребленъ былъ чтобы сдѣлать изъ него (князя Алексѣя Дондукова) надежнаго человѣка къ употребленію впредь въ калмыцкомъ народѣ, для приведенія онаго въ познаніи христіанства, хотя исподволь, при могущихъ быть удобныхъ случаяхъ, или съ пріобученіемъ онаго (народа) имѣть надъ собою начальника, для здѣшней пользы, прямо и непри-

творно въ христіанскомъ законѣ находящагося,—долженъ пропасть". Поэтому Бехтѣеву предписывалось слѣдить какъ содержится Дондуковымъ христіанство и ни за что не допускать его жениться на калмычкѣ; если же онъ рѣшится, то „объявить ему указомъ". Это разстроило женитьбу князя Алексѣя Дондукова, и онъ остался холостякомъ. Изъ этихъ словъ ясно видно, что Русское Правительство имѣло въ виду обратить въ христіанство калмыковъ и поставить князя Алексѣя Дондукова во главѣ этого народа.

Однако, обманутый въ своихъ надеждахъ и озлобленный Цебекъ-Дорджи не успокоился. Отъ Русскаго Правительства онъ ничего не добился; къ партіи Дондуковыхъ онъ пристать не могъ, такъ какъ Вѣра Дондукова, бывшая ханша Джанъ, велѣла умертвить его отца; къ слабымъ владѣльцамъ пристать ему не было расчета, а съ сильнымъ Бамбаромъ, сыномъ Лубжи, онъ связываться не желалъ, зная, что онъ ему не подчинится, а потому онъ рѣшился сблизиться съ намѣстникомъ Убуши, который съ самаго начала искалъ его дружбы, но онъ ее отвергалъ. Цебекъ-Дорджи не только вошелъ въ дружбу съ Убуши, но отъ него получилъ назначеніе первоприсутствующаго въ народномъ калмыцкомъ судѣ, именуемомъ „Зарго", съ двойнымъ жалованьемъ противъ остальныхъ членовъ. Этотъ судъ состоялъ изъ восьми членовъ, избираемыхъ всѣми владѣльцами, а первоприсутствующій избирался ханомъ или его намѣстникомъ, и онъ разбиралъ всѣ спорныя дѣла между владѣльцами, безъ участія русскихъ властей; жалобы же на рѣшенія этого суда могли быть приносимы въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Цебекъ-Дорджи, сблизившись съ намѣстникомъ Убуши и оставаясь при немъ безотлучно, началъ настраивать его противъ Русскаго Правительства, которое начало въ то время болѣе заниматься калмыками, вводя у нихъ новые порядки. Калмыкамъ была сдѣлана перепись, вслѣдствіе жалобъ вла-

дѣльцевъ на то, что калмыки самовольно переходятъ отъ одного владѣльца къ другому; требовалось отъ калмыковъ, чтобы они, въ своихъ дѣлахъ съ русскими, заключали договоры и обязательства на русскомъ языкѣ; было еще много другихъ распоряженій, но Цебекъ-Дорджи все это истолковывалъ въ такомъ смыслѣ, что Русское Правительство угнетаетъ калмыковъ, и въ силу этого, въ 1767 году, зародилась мысль у калмыковъ покинуть Россію.

Первый объ этомъ донесъ Русскому Правительству Хошоутовскій владѣлецъ Замьянгъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ Дондукъ-Даши Хана, Данарѣ, которая поссорила его съ своимъ братомъ,—они сдѣлались непримиримые враги. Послѣ смерти Данары, Замьянгъ женился на другой женѣ,—вдовѣ, усыновивъ сына этой вдовы, Тюмень-Джиргалана, но сынъ его отъ Данары, Бокбонъ, искалъ себѣ защиты сперва у Дондукъ-Даши, а потомъ у Убуши, который особенно горячо за него вступился и послѣ семилѣтней распри отнялъ у Замьянга улусы, принадлежавшіе Бокбону. Замьянгъ былъ доведенъ до такой крайности, что долженъ былъ скрываться и не имѣлъ даже прислуги.

Этотъ Замьянгъ четыре раза писалъ къ Астраханскому губернатору Бекетову о томъ, что калмыцкіе владѣльцы вмѣстѣ съ намѣстникомъ Убуши и всѣми калмыками собираются уйти въ Китай, но Бекетовъ сначала ему не повѣрилъ, а послѣ, когда повѣрилъ, то писалъ къ состоявшему при калмыцкихъ дѣлахъ полковнику Кишенскому, а тотъ постоянно ему отвѣчалъ, что все это ложь. Кишенскій находился во все время въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ намѣстникомъ Хана, Убуши.

Заговоръ калмыцкихъ владѣльцевъ, въ которомъ до времени не принималъ никакого участія калмыцкій народъ, велся въ продолженіе двухъ лѣтъ, наконецъ было рѣшено уйти въ Китай въ зиму 1769 г., но пришлось это дѣло отложить

еще на годъ по слѣдующему обстоятельству. Чтобы пройти въ Китайскія владѣнія, калмыкамъ было необходимо отодвинуть съ своего пути киргизовъ, кочевавшихъ за рѣкою Яикомъ. Въ началѣ 1770 года два отряда калмыковъ, изъ улусовъ Бамбара, отогнали отъ Яика прикочевавшихъ туда на зиму киргизовъ и отбили у нихъ много скота. Киргизскій Нурали-Ханъ объявилъ командующему русскими войсками на Яикѣ Рейнсдорну, чтобы Русское Правительство отправило войска противъ калмыковъ и возвратило ему награбленный скотъ, или же чтобы было ему предоставлено самому расправиться съ калмыками. Рейнсдорнъ успѣлъ уговорить Нурали-Хана выждать распоряженія Правительства, а Астраханскій губернаторъ потребовалъ, чтобы калмыки возвратили похищенное и во избѣжаніе могущаго быть столкновенія между калмыками и киргизами, онъ велѣлъ калмыкамъ немедленно перекочевать на правую сторону Волги. Это послѣднее распоряженіе, лишающее калмыковъ возможности быстро уйти изъ Россіи, было причиною тому, что этотъ уходъ пришлось отложить до слѣдующаго года.

Осенью 1770 г. намѣстникъ Убуши, вернувшись съ похода на Кубань, вновь перешелъ на лѣвую сторону Волги, но не отходилъ отъ ея береговъ, а разбилъ кочевье свое тамъ, гдѣ нынѣ станица Ветлянка. Туда онъ стянулъ много войска, а оставшаяся на томъ берегу Волги жена Убуши, подъ разными предлогами, пересылала калмыковъ на другой берегъ.

Въ заговорѣ участвовали, кромѣ намѣстника Убуши, еще главные владѣльцы: Цебекъ-Дорджи, Бамбаръ, Шеаренгъ, Лама Лоузангъ Джалчинъ и зайсангъ Даши-Дондукъ, но объ немъ еще не зналъ калмыцкій народъ. Особенно тщательно все скрывалось отъ князя Алексѣя Дондукова, котораго, какъ христіанина и полковника русской службы, опасались главные заговорщики.

Состоявшій при намѣстникѣ полковникъ Кишенскій на

зиму переѣхалъ въ Енотаевскъ. Такъ какъ сборъ калмыковъ на лѣвомъ берегу Волги не могъ быть отъ него скрытъ, то намѣстникъ Убуши 26 декабря 1770 г. написалъ Кишенскому, что сборъ этотъ состоялся потому, что калмыки ожидаютъ нападенія на нихъ киргизовъ Нурали-Хана. Тутъ только полковникъ Кишенскій впервые усумнился и 3 января 1771 г. далъ приказъ оставшемуся при намѣстникѣ капитану Дудину слѣдить за дѣйствіями калмыковъ и послалъ ему въ помощь сотника Наботова съ толмачемъ и 15-ю казаками. Но этотъ приказъ былъ отданъ наканунѣ возмущенія и было поздно слѣдить за калмыками.

4 января 1771 года намѣстникъ Убуши, сопровождаемый владѣльцами его партіи, выѣхалъ къ войску и объявилъ съ большимъ прискорбіемъ и со слезами, что онъ получилъ повелѣніе отъ Государыни (Екатерины II), чтобы его собственнаго сына, равно какъ дѣтей пяти знатнѣйшихъ владѣльцевъ и ста зайсанговъ отправить въ Петербургъ, а изъ калмыцкаго народа ему велѣно набрать 10,000 человѣкъ и отправить въ Россію, для опредѣленія въ солдаты *), а потому онъ, для охраненія себя и всего калмыцкаго народа не находитъ другаго способа какъ удалиться изъ Россіи въ Китай. (Донесеніе Кишенскаго 10 февраля 1771 г. № 210, въ дѣлѣ 1771 г. № 397).

До этого времени калмыцкій народъ ничего не зналъ объ этомъ заговорѣ, но въ слѣдующій же день, 5 января 1771 г., калмыки напали на лагерь, гдѣ находился капитанъ Дудинъ и казаки, участь которыхъ осталась неизвѣстною, но команда, высланная Кишенскимъ на помощь Дудину, была почью вся перерублена калмыками,—изъ нея спасся только казакъ Иванъ Мордиковъ.

*) Изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ дѣйствительно былъ указъ къ полковнику Кишенскому, полученный имъ 12 Января, (слѣдовательно послѣ ухода калмыковъ), о нарядѣ 10,000 войска изъ калмыковъ для будущей кампаніи, но не сказано, чтобы ихъ обратить въ солдаты.

Вслѣдъ затѣмъ, намѣстникъ Убуши отправилъ на правый берегъ Волги отрядъ въ 500 человѣкъ, чтобы забрать свою жену и имущество и всѣмъ оставшимся калмыкамъ приказывалось идти немедленно на Уралъ, а если кто будетъ противиться, то велѣно уводить силою.

Со стороны-же Русскаго Правительства были приняты слѣдующія мѣры. Къ Донскому атаману Ефремову 9-го января былъ посланъ нарочный съ требованіемъ послать 5,000 казаковъ, но почему-то это требованіе не было выполнено, и только 13 февраля была выслана съ Дону команда въ 1,000 человѣкъ казаковъ, которой губернаторъ Бекетовъ, возвратившійся изъ Петербурга, приказалъ вернуться.

Одной изъ помѣхъ для ухода калмыковъ оказалась рѣка Волга: по ней въ 1771 году ледъ шелъ цѣлыхъ три мѣсяца, и были постоянно дожди и вѣтры. Волга покрылась льдомъ только 10 января, а 17 января она снова разошлась и замерзла только 27 января.

Отъ Волги калмыки шли въ такомъ порядкѣ, что впереди, съ войскомъ, были владѣльцы Бамбаръ и Шеарепгъ, по бокамъ шли другіе владѣльцы, а въ замкѣ находились намѣстникъ Убуши и Цебекъ-Дорджи съ 20,000 войска. По словамъ походнаго атамана Ивана Кулагина, войско калмыковъ было столь многочисленно, что и степи не было видно. (Дѣла 1771 г. №№ 397 и 406). На рѣкѣ Яикѣ, гдѣ была русская пограничная линія, калмыки разбили всѣ бывшія тамъ крѣпости и форпосты, забирая съ собою всѣхъ находившихся тамъ калмыковъ и угоняя весь разграбленный ими скотъ.

Оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ послалъ противъ калмыковъ войско подъ командою полковника Бейерена, а изъ Яика, съ 1,130 казаками, выступилъ старшина и походный атаманъ Митрясовъ. Они не захватили главныхъ отрядовъ калмыковъ, но успѣли возвратить въ Россію съ Яика двухъ владѣльцевъ Асарху и Машу, (улусы Харахусы и Ики Цоохуры),

уведенныхъ насильно намѣстникомъ, а также Эркетеневскій улусъ и 300 кибитокъ татаръ. Кромѣ того, губернаторъ Рейнсдорпъ далъ знать киргизскому Нурали-Хану, чтобы онъ не пускалъ калмыковъ далѣе, а на Сибирскую линію онъ послалъ увѣдомленіе, чтобы отрядить войско и возбудить противъ калмыковъ султана Средней Киргизской Орды, Аблая.

Калмыками былъ избранъ слѣдующій путь. Отъ Волги они пошли къ рѣкамъ Уралу, Эмбѣ, черезъ Могульджарскія горы, на Иргизъ, Сары-Торгой и Терсакапи. Оттуда, чтобы не попасть на русскую сибирскую линію, они круто повернули на юго-востокъ къ озеру Балхашъ, а затѣмъ вдоль рѣки Или и дошли до Китайскихъ владѣній. Весь этотъ переходъ калмыки совершили въ семь мѣсяцевъ и вступили въ предѣлы Китайскихъ владѣній въ августѣ мѣсяцѣ 1771 г.

Не легко дался калмыкамъ ихъ переходъ въ Китай. До рѣки Яика они уходили съ такою поспѣшностью, что шли днемъ и ночью; послѣ того они только днемъ шли; до Урала они не встрѣчали никакихъ препятствій, но затѣмъ начались для нихъ разныя бѣды. Отъ снѣга, отъ гололедицы и трудныхъ переходовъ началъ падать скотъ; за калмыками по пятамъ шелъ Нурали-Ханъ съ своими киргизами, нападая на нихъ, отбивая у нихъ скотъ и захватывая все что ему попадалось. Когда калмыки отъ Терсакапи свернули въ степь, то имъ пришлось отбиваться отъ Нурали-Хана и отъ Аблая, Хана Средней Киргизской Орды, и хотя они отбились, но потерпѣли значительный уронъ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи, киргизы, не вступая въ открытый бой, нападали на отдѣльныя части калмыцкаго народа, захватывая въ плѣнъ людей и отбивая скотъ гуртами. Въ этихъ степяхъ калмыки могли совсѣмъ погибнуть,—ихъ спасло одно то, что Нурали-Ханъ побоялся далеко уйдти въ степь, а Аблай, вслѣдствіе переговоровъ съ нимъ китайскихъ властей, пропустилъ калмыковъ къ рѣкѣ Или. Въ степи оказалось мало воды и корму,—отъ этого мно-

го погибло людей и скота. Когда-же калмыки подошли къ озеру Балхашъ, то съ жадностью бросились пить соленую воду, и отъ этого люди и скотъ гибли тысячами. Напослѣдокъ, только у намѣстника и у нѣкоторыхъ владѣльцевъ остались кибитки, народъ-же строилъ себѣ шалаши изъ хвороста, побросавъ всѣ тяжести по пути, а всѣ обозы, всѣ сокровища и весь скотъ были разграблены киргизами.

Въ виду крайне бѣдственнаго положенія калмыковъ, Китайское правительство на первыхъ порахъ поддерживало ихъ выдачею хлѣба и денегъ, а потомъ, разбивъ ихъ по сотнямъ, опредѣлило каждой сотнѣ мѣсто для жительства въ городахъ или въ поляхъ, для пріученія ихъ къ земледѣлію, для чего къ каждой сотнѣ было приставлено по семи китайскихъ надзирателей. Такимъ образомъ, несчастные калмыки, искони ведущіе жизнь кочевую, должны были обратиться къ занятію, имъ вовсе не свойственному. Выгодали отъ перехода въ Китай только намѣстникъ и главные владѣльцы, которые поѣхали къ Бохдыхану и выхлопотали себѣ большое денежное содержаніе.

Дабы дать полное понятіе о томъ, какое великое бѣдствіе составилъ для калмыковъ ихъ переходъ въ Китай, мы приведемъ почерпнутыя изъ офиціальныхъ источниковъ данныя.

Прибыло въ Россію калмыковъ:	*кибитокъ.*
Въ 1630 г. съ Хо-Орлюкомъ (торгоуты).	50,000
Съ 1667 „ по 1723 „ (хошоуты и дербеты) примѣрно. . . .	20,000
Въ 1755 „ съ вдовою Битѣ (Хойты) „	15,000
„ 1758 „ съ Держитомъ (Хойты).	800
„ 1759 „ изъ Зюнгаріи (торгоуты).	10,000
Итого кибитокъ. .	95,800

Примѣчаніе. Подъ словомъ *кибитка* у всѣхъ кочевыхъ народовъ, какъ-то: калмыковъ, киргизовъ, туркменъ,

разумѣется не войлочная палатка, а *семья*, такъ что каждая семья имѣетъ у себя не одну, а нѣсколько палатокъ или войлочныхъ кибитокъ, въ каждой-же семьѣ, называемой кибиткою, обыкновенно считаютъ по 5 человѣкъ мужскаго пола. Такимъ образомъ, можно считать, что *въ Россію перешло калмыковъ около 479,000 душъ* мужскаго пола.

Въ 1767 году Русское Правительство приказало сдѣлать всѣмъ калмыкамъ перепись. Ее составляли намѣстникъ и владѣльцы, безъ участія русскихъ чиновниковъ, и они показали, что всѣхъ калмыцкихъ кибитокъ 42,017.

Такъ какъ калмыцкіе владѣльцы знали, что Русское Правительство будетъ требовать войско по числу имѣющихся кибитокъ, то они съ намѣреніемъ скрыли точный расчетъ своимъ кибиткамъ, показавъ его въ меньшемъ количествѣ. Допустивъ, что они показали только половинное число кибитокъ калмыцкихъ (а это весьма правдоподобно), то выйдетъ, что въ 1767 году всѣхъ калмыцкихъ кибитокъ было числомъ. . . . . 84,214.

Цифра эта близко подходитъ къ той, которая имѣлась сначала прибытія въ Россію калмыковъ, а потому ее можно считать приблизительно вѣрною.

Вотъ еще другая провѣрка. У Русскаго Правительства всего калмыцкаго войска числилось 70,000 человѣкъ. Если считать, что отъ каждой кибитки, числомъ въ 5 человѣкъ мужскаго пола, брался на войну 1 калмыкъ, то выйдетъ, что всѣхъ калмыковъ мужскаго пола должно было быть 350,000 человѣкъ, что опять подходитъ къ вышеприведенной нами цифрѣ— 479,000 калмыковъ, хотя она оказывается менѣе, на болѣе чѣмъ сотню тысячъ людей.

За симъ слѣдуетъ другой расчетъ.

Если считать, что въ 1767 году всѣхъ калмыцкихъ кибитокъ было. 84,214

то, по сдѣланной 11 августа 1775 г. переписи оставшимся въ Россіи калмыкамъ, ихъ оказалось кибитокъ. 11,198

Значитъ ушло въ Китай. . . . . 73,016 кибитокъ калмыковъ. Приблизительная вѣрность этой цифры доказывается слѣдующимъ.

Нурали-Ханъ киргизскій преслѣдовалъ калмыковъ, имѣя при себѣ двѣ партіи,—одну въ 40,000 киргизовъ, другую въ 20,000 киргизовъ и съ этою силою онъ былъ дважды отраженъ калмыками, такъ что онъ писалъ къ генералъ-маіору фонъ-Траубенбергу, (посланному съ Сибирской линіи съ большимъ отрядомъ для пріостановленія калмыковъ), что „его силъ недостаетъ, чтобы одолѣть калмыковъ“ (Дѣло 1771 г. № 18).

Съ другой стороны мы видимъ, что отступавшіе къ Китаю калмыки шли четырьмя отрядами; въ заднемъ отрядѣ находился самъ намѣстникъ съ 20,000 войска, слѣдовательно, въ остальныхъ трехъ отрядахъ было приблизительно столько-же, а потому все войско калмыковъ могло быть отъ 70,000 до 80,000 человѣкъ, слѣдовательно, едва-ли будетъ ошибочно считать, что всѣхъ калмыковъ упило въ Китай кибитокъ. . . . 73,016

(Дѣла 1771 г. №№ 397 и 406).

И такъ мы знаемъ, что изъ Россіи въ Китай ушло калмыковъ, кибитокъ. 73,016

Но мы также знаемъ (дѣло 1772 г. № 12), что въ Китайскія владѣнія калмыки вступили въ составѣ кибитокъ не болѣе. 15,000

Значитъ въ пути погибло. . . . . 58,016 *калмыцкихъ кибитокъ*, что составитъ (считая на каждую кибитку по 5 человѣкъ мужскаго пола) *290,080 человѣкъ одного мужскаго пола.*

Такая громадная цифра убыли людей не должна удив-

лять, если вспомнить всѣ бѣдствія, которыя претерпѣвали калмыки во время ихъ долгаго странствованія. Скотъ и люди умирали въ большомъ количествѣ отъ трудныхъ переходовъ, отъ болѣзней, отъ недостатка корма и воды, отъ суровой погоды, а когда люди и скотъ испили соленой воды въ озерѣ Балхашъ, то тѣ и другіе умирали не сотнями, а тысячами. Сколько калмыковъ пало въ сраженіяхъ съ киргизами, сколько ихъ попалось въ плѣнъ къ тѣмъ-же киргизамъ, этого, конечно, считать нельзя. Несчастные калмыки дошли подъ конецъ до такого бѣдственнаго положенія, что они своихъ женъ и дѣтей продавали и вымѣнивали киргизамъ за небольшое количество зерна, чтобы только не умереть съ голоду (Дѣло 1772 г. № 12).

Такъ въ 1771 году въ теченіи семи мѣсяцевъ погибло въ степяхъ Средней Азіи одна четверть милліона людей. Это былъ какой-то судъ Божій надъ народомъ калмыцкимъ. Съ этого времени онъ въ Азіи совершенно изчезъ, а въ Россіи, на берегахъ Волги, небольшой остатокъ калмыцкаго народа медленно вымираетъ.

Князь Алексѣй Дондуковъ.

Вслѣдъ за уходомъ въ Китай большей части калмыцкаго народа, Русское Правительство обратило особенное вниманіе на оставшихся въ русскомъ подданствѣ калмыковъ, и о нихъ послѣдовалъ цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій. Указомъ отъ 19 октября 1771 г. уничтожена у калмыковъ ханская власть и „каждый владѣлецъ поставленъ въ независимость отъ другаго“; всѣ калмыки отданы подъ непосредственный надзоръ губернатора; калмыцкая канцелярія переведена изъ Енотаевска въ Астрахань; велѣно имѣть у калмыковъ народный судъ, именуемый Зарго, разрѣшенный еще съ 1763 года и приказано устроить калмыцкое правленіе, которое, за неуказаніемъ круга его дѣйствій, было устроено

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

только въ 1797 году. На долю владѣльцевъ выпала хозяйственная часть и разборъ частныхъ дѣлъ калмыковъ внутри улусовъ. Таковы были новые порядки, введенные у калмыковъ.

Не мало потребовалось времени и стараній, чтобы привести въ порядокъ калмыцкія степи, т. е. кочевья, покинутыя калмыками, такъ-какъ они, послушные приказанію своего намѣстника, уходили съ такою поспѣшностію, какъ будто за ними было преслѣдованіе и въ степи побросали часть своихъ кибитокъ, молодой и не надежный скотъ, людей больныхъ, старыхъ, малолѣтнихъ дѣтей и даже идоловъ своихъ. (Донесеніе Кишенскаго Давыдову за № 210). Этимъ дѣломъ занялся Астрахапскій губерпаторъ Бекетовъ; онъ приказалъ собрать оставшихся въ степи людей и скотъ; послѣдній былъ проданъ, и вырученныя деньги 2,620 руб. 30 коп. были розданы Ветлянскимъ казакамъ и жителямъ Красноярска, ограбленнымъ калмыками во время ухода ихъ въ Китай. Сами же виновники грабежей, Эркетеневскіе зайсанги Похо и Баарынгъ, участвовавшіе въ ограбленіи Царицына, были сосланы въ каторжныя работы.

Не смотря на строгія мѣры Правительства, калмыки Эркетеневскаго улуса продолжали волноваться, а потому улусъ былъ разбитъ на части и поселенъ въ разныя мѣста. Дербетовскій улусъ тоже волновался и намѣревался уйти въ Китай, на что онъ былъ подстрекаемъ своимъ духовенствомъ и письмами изъ Китая намѣстника Убуши, который даже выхлопоталъ, чтобы Китайское правительство выслало посольство къ Аблаю, хану средней киргизской орды, чтобы просить его пропустить черезъ степь Дербетовскихъ калмыковъ. Астраханскій губернаторъ Бекетовъ покончилъ и это дѣло тѣмъ, что калмыцкіе владѣльцы: Яндыкъ, Асарху и Цебекъ-Убуши были вытребованы въ Петербургъ, гдѣ они были задержаны и умерли въ началѣ 1774 г. Бекетовъ ввѣрилъ управленіе Дербетовскимъ улусомъ Цендену-Дорджи, но и этотъ не оправ-

далъ довѣрія Правительства, такъ какъ 17 августа 1774 г., когда Пугачевъ занялъ Дубовку, онъ призналъ его власть, за что получилъ жалованье, деньги и одежду. Когда же Пугачевъ былъ разбитъ Михельсономъ, то Цендснъ-Дорджи написалъ Астраханскому губернатору, что его сношенія съ Пугачевымъ были только хитрая уловка, чтобы онъ не разорилъ его улусъ и дѣло это немѣло послѣдствій.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что у оставшихся на Волгѣ калмыковъ, русскихъ подданныхъ, безпорядки не прекращались съ 1771 по 1774 г., и что на калмыковъ правительство не могло полагаться. Единственное на этотъ счетъ исключеніе представлялъ князь Алексѣй Дондуковъ, владѣлецъ Бага-Цохурскаго улуса. Какъ крещеный калмыкъ, и полковникъ русской службы, онъ не принималъ никакого участія въ дѣйствіяхъ прочихъ владѣльцевъ, враждебныхъ Россіи. Кромѣ того, улусъ, которымъ онъ владѣлъ, былъ самый значительный. Изъ переписи оставшимся въ Россіи калмыкамъ, сдѣланной 11 августа 1775 г., видно, что въ то время во всѣхъ калмыцкихъ улусахъ состояло 11,198 кибитокъ, а изъ этого числа князю Алексѣю Дондукову, вмѣстѣ съ его братомъ Іоною и матерью ихъ княгинею Вѣрою Дондуковыми, принадлежало 3086 кибитокъ, остальныя же 8112 кибитокъ были распредѣлены между многими владѣльцами.

Князь Алексѣй Дондуковъ во все время своей жизни, оставался вѣрнымъ Русскому Правительству, которое, въ виду неблагонадежности всѣхъ прочихъ калмыцкихъ вадѣльцевъ, сочло справедливымъ наградить его за его вѣрность. Указомъ отъ 15 сентября 1774 г. Императрица Екатерина II пожаловала князьямъ Алексѣю и Іонѣ Дондуковымъ имѣніе, мѣстечко Романово, при коемъ состояло 1984 ревизскихъ души, въ вѣчное потомственное владѣніе. Имѣніе это состояло въ Могилевской губерніи въ Оршанской провинціи (уѣздѣ); оно не задолго передъ этимъ было забрано въ казну отъ поль-

скаго магната князя Радзивилла, отказавшагося принять подданство Россіи.

О пожалованіи князей Дондуковыхъ имѣніемъ въ Россіи было обѣщаніе Императрицы еще за десять лѣтъ предъ этимъ, въ указѣ ея отъ 12 Мая 1763 года къ бригадиру Бехтѣеву, но осуществилось это обѣщаніе лишь въ 1774 году. Оно имѣло значеніе не столько для князя Алексѣя Дондукова, человѣка холостаго и занятаго управленіемъ своего калмыцкаго улуса на Волгѣ, сколько для князя Іоны Дондукова, проживавшаго безвыѣздно въ Петербургѣ.

Князь Алексѣй Дондуковъ проживалъ въ крѣпости Елотаевской по Волгѣ и оттуда управлялъ своимъ улусомъ Бага-Цохуръ. Съ нимъ же въ Елотаевскѣ проживала его мать, княгиня Вѣра Дондукова, бывшая Ханша Джанъ, которая, на старости лѣтъ, должно быть оставила заводить интриги противъ Правительства и калмыцкихъ владѣльцевъ, по крайней мѣрѣ, о таковыхъ ничего не извѣстно, а также нѣтъ свѣдѣній о князѣ Алексѣѣ Дондуковѣ до самой его кончины, послѣдовавшей въ 1781 г., на 49 году его жизни; позже смерти его брата, князя Іоны Дондукова. Княгиня Вѣра скончалась въ Елотаевскѣ еще въ 1777 году, 2 числа іюня мѣсяца.

Князь Алексѣй Дондуковъ былъ привезенъ въ Петербургъ въ 1743 году, когда ему было 9 лѣтъ, и его вскорости, вмѣстѣ съ братьями, отдали въ такъ называемый первый шляхетскій корпусъ (нынѣ первый кадетскій корпусъ), гдѣ онъ воспитывался. Послѣ того, онъ и братъ его, князь Іоша Дондуковъ, поступили въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ, но затѣмъ, неизвѣстно въ какое именно время, князь Алексѣй Дондуковъ былъ переведенъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ (нынѣ конногвардейскій полкъ), изъ котораго онъ выбылъ въ 1762 г. съ чиномъ полковника, для проживанія въ гор. Елотаевскѣ и управленія Бага-Цохурскимъ калмыцкимъ улусомъ.

Въ семействѣ князей Дондуковыхъ-Карсаковыхъ не со-

хранилось никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ князь Алексѣй Дондуковъ жилъ въ Петербургѣ, а потомъ на Волгѣ, но портретъ его, масляными красками, хорошей живописи, имѣется въ имѣніи Романово, князя Алексѣя Михайловича Дондукова-Карсакова, а копія съ него—въ имѣніи Полопая, князя Александра Михайловича Дондукова-Карсакова.. На этомъ портретѣ князь Алексѣй представленъ въ бѣломъ мундирѣ съ золотыми галунами на обшлагахъ, съ желѣзными латами на груди и шпагою стариннаго образца. Лицо очень красивое и вовсе не напоминающее калмыцкій типъ плосколицыхъ людей, напротивъ, черты лица правильны, но выдающіяся кости надъ щеками свидѣтельствуютъ о калмыцкомъ его происхожденіи.

Князь Алексѣй Дондуковъ собою обновилъ новую систему, введенную Русскимъ Правительствомъ по отношенію къ калмыцкимъ владѣльцамъ. Онъ не былъ ни ханъ, ни намѣстникъ хана, а просто владѣлецъ, хотя и главный владѣлецъ, „управлявшій улусомъ“. Его улусъ, называемый Бага-Цохуръ, составлялъ родовое наслѣдіе, передаваемое въ потомствѣ хана Дондукъ-Омбо на томъ же самомъ основаніи, на которомъ въ Россіи помѣщичье имѣніе переходило отъ отца къ сыну, оставаясь неотъемлемо въ одномъ родѣ владѣтелей. Вотъ почему, послѣ смерти хана Дондукъ-Омбо, когда его вдова и дѣти были отправлены въ Петербургъ, Русское Правительство не сочло себя въ правѣ отнять у послѣднихъ ихъ родовое владѣніе, улусъ Бага-Цохуръ, и отдало его лишь во временное управленіе—какъ сказано въ указѣ: „до востребованія“—Дондукъ-Даши Хану, а въ 1762 г. отдало этотъ улусъ въ полное владѣніе князьямъ Алексѣю и Іоѳѣ Дондуковымъ. Когда первый изъ нихъ скончался въ 1781 г., то, по распоряженію Астраханскаго губернатора, для управленія улусомъ Бага-Цохуръ былъ временно назначенъ одинъ изъ калмыцкихъ зайсанговъ, такъ какъ этотъ улусъ продолжалъ состоять во владѣніи князей Дондуковыхъ и ихъ наслѣдниковъ; хотя еще ранѣе того, князь

Іона Дондуковъ скончался въ томъ же 1781 г., но онъ оставилъ послѣ себя 18-ти лѣтнюю вдову и дочь одного года, такъ что сдѣланное на время распоряженіе на счетъ улуса Бага-Цохуръ сохранилось до 1786 года, когда былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ о немъ.

Князь Іона Дондуковъ.

Князь Іона Дондуковъ, вмѣстѣ съ братомъ Алексѣемъ, воспитывался въ Петербургѣ, въ первомъ шляхетскомъ корпусѣ (первомъ кадетскомъ корпусѣ) и вмѣстѣ съ братомъ поступилъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ.

Когда въ 1762 году, князь Алексѣй Дондуковъ, съ матерью своей, былъ отпущенъ на Волгу для управленія родовымъ обоихъ братьевъ улусомъ, то князь Іона Дондуковъ, по волѣ Императрицы, долженъ былъ оставаться въ Петербургѣ какъ бы въ качествѣ заложника, и онъ продолжалъ служить въ Преображенскомъ полку.

Когда же въ 1774 году Императрица Екатерина II пожаловала князьямъ Алексѣю и Іонѣ Дондуковымъ имѣніе Романово, въ Могилевской губерніи, то управленіе этимъ имѣніемъ всецѣло выпало на долю князя Іоны Дондукова, который въ этомъ году, или вскорѣ послѣ того, вышелъ въ отставку съ чиномъ Бригадира. Сохранилось преданіе о его образѣ жизни въ Романовѣ, показывающее до какой степени онъ былъ добръ и благороденъ. Князь Іона Дондуковъ, какъ говорили, былъ очень вспыльчивъ, качество весьма часто присущее людямъ съ добрымъ сердцемъ. Въ Романовѣ у него былъ двухъ-этажный не большой домъ; жилъ онъ во второмъ этажѣ и занимался хозяйствомъ; въ то время онъ былъ холостой. Когда, бывало, случится, что онъ кѣмъ либо недоволенъ и начинаетъ сердиться, то, зная свой вспыльчивый характеръ и не желая сказать или сдѣлать что либо худое, онъ поспѣшно бѣжалъ въ свой домъ во второй этажъ, снутри запрется на ключъ, а

ключъ выброситъ изъ окна, чтобы лишить себя возможности выйти и кого либо наказать. Когда же его сердце успокоится, онъ въ окно позоветъ кого либо изъ людей своихъ, велитъ подобрать брошенный ключъ и освободить себя изъ заключенія.

У князя Іоны Дондукова былъ въ Петербургѣ свой домъ, въ Подъяческой улицѣ и небольшая дача съ садомъ по дорогѣ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, такъ что онъ не постоянно жилъ въ Романовѣ, а жилъ также въ Петербургѣ и на своей лѣтней дачѣ.

Самый страшный эпизодъ въ жизни князя Іоны случился подъ конецъ его жизни. Когда онъ служилъ въ Преображенскомъ полку, онъ состоялъ въ близкой дружбѣ съ своимъ ближайшимъ начальникомъ, кажется капитаномъ, Василіемъ Васильевичемъ Карсаковымъ, принадлежавшимъ къ одной изъ многочисленныхъ линій рода Карсаковыхъ. Такъ какъ родъ князей Дондуковыхъ трижды сроднялся съ родомъ Карсаковыхъ, то необходимо показать и эту линію Карсаковыхъ безъ ея боковыхъ линій, въ прямомъ нисходящемъ потомствѣ.

Родъ всѣхъ находящихся въ Россіи Корсакъ-Карсаковыхъ и Римскихъ-Корсаковыхъ получилъ свое начало отъ литвина Венцеслава Жигмондовича Корсака, выѣхавшаго изъ Литвы въ Москву въ свитѣ дочери Литовскаго князя, Софьи Витовтовой, невѣсты Московскаго Великаго Князя Василія Дмитріевича, и съ нимъ обрученной 9 января 1390 года.

Отъ *Венцеслава Корсака* сынъ его *Федоръ*, сынъ *Михаилъ*, сынъ *Василій*, сынъ *Семенъ*, сынъ *Елизаръ*, сынъ *Степанъ*, сынъ *Василій*, по прозвищу *Борисъ*, сынъ *Савва*, (арміи поручикъ, имѣлъ помѣстье село Ганчуево, въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Обонежской пятины, и въ 1690 году еще верстанъ угодьемъ), сынъ *Василій*, а у этого послѣдняго сынъ тоже *Василій*, тотъ самый, который служилъ въ Преображенскомъ полку.

Василій Васильевичъ Карсаковъ, другъ князя Іоны Дон-

дукова, въ 1780 г. былъ вдовецъ; при немъ было четверо малолѣтнихъ мальчиковъ: Василій, Петръ, Дмитрій, Савва и одна дочь 17 лѣтъ, по имени Марія. Будучи тяжко боленъ и предчувствуя свою кончину (случившуюся въ томъ же 1780 году), Василій Васильевичъ Карсаковъ, почему-то недовѣрявшій своей роднѣ, просилъ князя Іону Дондукова взять къ себѣ всѣхъ его дѣтей и быть имъ вторымъ отцомъ. Князь Іона, по дружбѣ къ Карсакову, сказалъ, что онъ готовъ съ радостью принять на свое попеченіе всѣхъ четырехъ мальчиковъ, но что дочь Марію онъ принять къ себѣ не можетъ, потому что онъ человѣкъ холостой и не согласенъ на то, чтобы было какое либо нареканіе на него или на дѣвицу Марію. Тогда Василій Васильевичъ Карсаковъ *) предложилъ ему жениться на его дочери Маріи. Князь Іона отвѣтилъ, что и это невозможно, ибо Маріи Карсаковой всего 17 лѣтъ, а онъ уже не молодой, ему 47 лѣтъ. Отецъ рѣшился спросить дочь, и юная Марія Карсакова, знавшая и любившая князя Іону съ дѣтства, объявила, что она согласна выйти за него замужъ. Такимъ неожиданнымъ образомъ состоялся бракъ князя Іоны Дондукова.

Промыслъ Божій однако устроилъ это дѣло не совсѣмъ такъ, какъ на то надѣялся Василій Васильевичъ Карсаковъ. Въ 1781 году князь Іона Дондуковъ скончался въ Петербургѣ, оставивъ послѣ себя 18-ти лѣтнюю вдову и недавно родившуюся дочь, названную Вѣрою. Князь Іона похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Вотъ всѣ свѣдѣнія, какія имѣются о князѣ Іонѣ Дондуковѣ; портрета его не имѣется, и должно быть его не было никогда, а изъ вещей его осталась только его печать, гравированная на камнѣ сердоликѣ, въ старинной серебряной оправѣ.

---

*) Портретъ его, писанный масляными красками въ 1759 г., имѣется въ селѣ Полоцкомъ, у князя Александра Михайловича Дондукова-Карсакова.

Княгиня Марія Дондукова.

Не легко было княгинѣ Маріи Дондуковой, 18-ти лѣтней вдовѣ, жить и воспитывать свою единственную дочь, малолѣтняго ребенка, Вѣру. Но княгиня Марія была женщина вѣрующая, набожная, и ея Богъ не оставилъ. Вся ея долгая жизнь прошла въ томъ, что она прекрасно выполнила задачу воспитанія своей дочери, всегда была любима своими родными и всѣми, кто ее зналъ; она была очень благочестива и добра: ея жизнь, даже въ старости, никому не была въ тягость, много она дѣлала добра. Княгиня Марія главною задачею въ жизни своей поставила воспитаніе своей дочери, но прежде чѣмъ объ этомъ говорить, слѣдуетъ упомянуть о томъ обстоятельствѣ, которое едва не дало совсѣмъ иное направленіе ея жизни.

Князь Іона Дондуковъ умеръ нѣсколькими мѣсяцами ранѣе своего брата, князя Алексѣя. Послѣ смерти послѣдняго некому было управлять на Волгѣ Бага-Цохурскимъ улусомъ, составлявшимъ родовое имѣніе обоихъ братьевъ Дондуковыхъ. Къ этому имѣнію, по распоряженію Астраханскаго губернатора, былъ на первое время приставленъ кто-то изъ калмыцкихъ зайсанговъ для управленія этимъ улусомъ. Но улусъ Бага-Цохуръ приносилъ довольно значительный доходъ *); этотъ доходъ сдавался въ Астраханское Казначейство впредь до распоряженія Правительства, и княгиня Марія Дондукова и ея дочь этими доходами не пользовались. Вслѣдствіе этого, въ 1782 году княгиня Марія Васильевна Дондукова подала на Высочайшее Имя прошеніе, въ коемъ она просила, чтобы всѣ бывшіе за ея мужемъ и деверемъ калмыцкіе улусы (Бага-Цохурскій улусъ) повелѣно было числить за нею и за ея дочерью,

*) Ежегодный доходъ отъ Бага-Цохурскаго улуса, арендою земель и повинностями, платимыми подвластными калмыками, составлялъ, какъ слышно было, до десяти тысячъ руб. ассигнаціями въ годъ.

какъ прямыхъ наслѣдницъ князей Алексѣя и Іоны Дондуковыхъ. Прошеніе это было передано на разсмотрѣніе въ Правительствующій Сенатъ, и изъ сенатскаго дѣла видно, что о томъ просили княгиню Марію и письменно ее убѣждали всѣ калмыцкіе зайсанги, но что княгиня не могла этого сдѣлать безъ Высочайшаго соизволенія.

Просьба юной вдовы Маріи Дондуковой объ утвержденіи ея и дочери ея въ правахъ наслѣдства калмыцкими улусами могла, конечно, быть ей внушена ея родственниками и друзьями, такъ какъ ей угрожало лишиться значительнаго ежегоднаго дохода, но эта просьба могла составлять и желаніе калмыцкихъ владѣльцевъ и зайсанговъ, вотъ почему. Въ теченіи десяти лѣтъ, съ 1771 по 1781 г., между калмыцкими владѣльцами и зайсангами шли безпрестанные споры и ссоры; всѣ владѣльцы были безъ силы и значенія, и Русское Правительство на нихъ смотрѣло съ недовѣріемъ. Только одинъ улусъ князя Алексѣя Дондукова наслаждался полнымъ спокойствіемъ, и въ немъ хорошо жилось калмыкамъ. Очень можетъ быть, что калмыцкіе владѣльцы разсчитывали на то, что вдова князя Іоны Дондукова или дочь его, выйдя замужъ за крещенаго калмыка и управляя главнымъ калмыцкимъ улусомъ, упрочатъ положеніе калмыковъ и улучшатъ его.

Сенатъ, получивши переданное на его разсмотрѣніе прошеніе княгини Марьи Васильевны Дондуковой, потребовалъ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣнія о томъ, что именно было сдѣлано Русскимъ Правительствомъ по калмыцкимъ дѣламъ, и какіе порядки существуютъ у калмыковъ. Только 23 декабря 1785 г. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ представила въ Сенатъ подробную докладную записку, въ которой была изложена вся исторія калмыковъ, начиная съ Аюкъ-Хана, и всѣ распоряженія, какія дѣлались Правительствомъ въ отношеніи Дондукъ-Омбо и его дѣтей, а заканчивалась эта записка такъ, что Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, по вопросу о порядкѣ наслѣдства и

раздѣла подданныхъ калмыковъ послѣ смерти ихъ владѣльцевъ, извѣстно только то, что по древнему обычаю калмыковъ, жены, послѣ мужей, управляли съ дѣтьми улусами только до полнаго возраста дѣтей; что бездѣтныя жены улусами не управляли и не владѣли ими, и что дочерямъ никакого наслѣдства въ улусахъ не давалось.

Сенатъ, разсмотрѣвъ эту докладную записку, нашелъ, что вдова князя Іоны Дондукова, княгиня Марія Дондукова и ея дочь Вѣра не имѣютъ права на владѣніе калмыцкимъ улусомъ, какъ потому, что такой порядокъ наслѣдія не существуетъ ни въ положеніи о великороссійскихъ имѣніяхъ, ни въ обычаѣ у калмыцкаго народа, такъ и потому, что еще въ 1774 г. князья Алексѣй и Іона Дондуковы Всемилостивѣйше пожалованы въ предѣлахъ Россіи имѣніемъ Романово, при коемъ считалось 1984 души, въ вѣчное потомственное владѣніе. Но къ тому Сенатъ нужнымъ считаетъ добавить, что, помимо Романовскаго имѣнія, князья Алексѣй и Іона Дондуковы, по Высочайшему повелѣнію отъ 12 августа 1762 года, владѣли наслѣдственнымъ своимъ улусомъ Бага-Цохуръ и пользовались его доходами, количество которыхъ Сенату не извѣстно, и что въ этомъ улусѣ, какъ видно изъ представленія генералъ-поручика Потемкина, значится 3086 кибитокъ *), то Сенатъ представляетъ, не благоугодно-ли будетъ Ея Величеству и за эти улусы чѣмъ ни есть пожаловать вдову Дондукову и ея дочь. Улусъ же Бага-Цохуръ принять въ казну и оставить государственнымъ.

На сей докладъ Сената послѣдовала 1786 г., августа въ 19-й день, Высочайшая конфирмація слѣдующаго содержанія: „Оставшіеся послѣ потомковъ Дондукъ-Омбо улусы, согласно мнѣнію Сената, отдать въ казенное вѣдомство, и хотя потомки помянутаго владѣльца отъ щедроты Нашей надлежащее удов-

*) 3086 кибитокъ, считая въ каждой кибиткѣ по пяти душъ мужскаго пола, составитъ всего 15,430 душъ мужскаго пола калмыковъ.

летвореніе получили пожалованіемъ имъ Могилевской губерніи мѣстечка Романово съ деревнями въ вѣчное и наслѣдственное владѣніе, но Мы при семъ случаѣ, изъ особливой милости Нашей, повелѣваемъ вдовѣ покойнаго бригадира князя Іоны Дондукова производить по смерть пенсію по 1000 руб. на годъ; дочери же его жалуемъ 50,000 руб., кои отдать въ Дворянскій Банкъ, для раздачи въ проценты къ приращенію капитала до совершеннаго ея возраста.“

Такимъ образомъ княгинѣ Маріи Васильевнѣ не пришлось ѣхать на Волгу и управлять калмыцкимъ улусомъ, а потому она продолжала жить въ Петербургѣ и занялась воспитаніемъ своей дочери.

Тотъ-часъ послѣ смерти мужа, она распорядилась постройкою въ мѣстечкѣ Романовѣ второй церкви, деревянной, двухъ-этажной, съ тремя придѣлами. Архитектура этой церкви была вполнѣ сходна съ тою, какая имѣлась въ другой, рядомъ стоящей церкви, выстроенной во времена Бориса Годунова. Неизвѣстно, присутствовала-ли княгиня при освященіи этой церкви; надпись на лѣвомъ клиросѣ, гласившая, что эта церковь выстроена иждивеніемъ княгини и освящена въ 1782 году, о томъ умалчивала. Кажется, что Императрица Екатерина II и свою дань принесла этой новой церкви, потому что и по настоящее время въ Романовской новой каменной церкви имѣется мѣдное паникадило такой же формы, какъ паникадила, находящіяся въ Московской Грановитой Палатѣ, съ мѣднымъ литымъ двухглавымъ орломъ на верху.

Кстати, объ этой церкви приходится разсказать весьма странный случай, доказывающій справедливость поговорки: „Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.“ Въ мѣстечкѣ Романово стояли рядомъ двѣ церкви, одна старая, съ великолѣпнымъ иконостасомъ, временъ Бориса Годунова, вполнѣ прочная, другая, построенная княгинею Маріею Васильевной Дондуковой въ 1782 году, тоже хорошая, но менѣе надеж-

ная. Въ 1865 году, послѣ польскаго возстанія, вышло циркулярное предписаніе о томъ, чтобы въ городахъ и мѣстечкахъ въ Западномъ краѣ Россіи строить каменныя церкви на счетъ казны, при чемъ такую каменную церковь положено было выстроить и въ мѣстечкѣ Романовѣ, гдѣ въ приходѣ числится до 3000 душъ. Въ началѣ іюля 1865 года съ этимъ предписаніемъ пришелъ къ пишущему эти строки, владѣльцу Романова, мѣстный Благочинный за разрѣшеніемъ: какую именно изъ двухъ церквей уничтожить, чтобы на мѣсто ея поставить новый каменный храмъ. Дорожа старпною болѣе, чѣмъ памятникомъ благочестія предковъ, владѣлецъ рѣшилъ уничтожить церковь, выстроенную его прабабушкою, и сохранить церковь временъ Бориса Годунова. Нѣсколько дней спустя, въ ильинскую пятницу, подъ вечеръ, была страшная гроза, не надѣлавшая въ имѣніи никакого вреда, но молнія упала прямо на крестъ старой церкви: загорѣлся куполъ и вся церковь сгорѣла до тла, а стоявшая отъ нея не болѣе какъ въ восьми саженяхъ деревянная церковь прабабушки уцѣлѣла. Въ настоящее время и она разобрана, такъ какъ около нея красуется великолѣпная каменная церковь новой постройки.

Княгиня Марія Васильевна Долгорукова получила воспитаніе дома, что̀, по тогдашнему времени, значило, что она собственно никакого не получила воспитанія, въ смыслѣ наученности. Изъ оставшихся ея писемъ видно, что она писала съ нѣкоторымъ трудомъ, дѣлая ошибки всякаго рода, такъ, что она была, такъ сказать, полуграмотная. Этотъ недостатокъ она чувствовала, а потому дочь свою Вѣру она воспитывала совсѣмъ иначе. Неизвѣстно, были ли при княжнѣ Вѣрѣ гувернантки и учителя, или какъ велось ея воспитаніе, но дѣло въ томъ, что молодая княжна Вѣра вышла дѣвушка образованная, хорошо говорила по французски, чему никогда не выучилась ея мать; что она оказалась вполнѣ на своемъ мѣстѣ, когда стала выѣзжать въ общество высшаго круга въ

Петербургѣ; что ея разговоръ всегда былъ пріятенъ и занимателенъ, и что она была въ своемъ домѣ прекрасная и милая хозяйка. Конечно, многому изъ того она научилась послѣ замужества, во время своего обращенія въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ и во время путешествія за-границу, но все же ей слѣдуетъ поставить въ заслугу то, что она такъ чутко понимала свое положеніе въ обществѣ и въ семьѣ. Нельзя умолчать о ея талантахъ: она была очень ловка и рукодѣльна; она сама выдѣлывала и раскрашивала искуственные цвѣты, шила и вышивала великолѣпно; умѣла шить дѣтскіе башмачки изъ кожи не хуже настоящаго дамскаго башмачника; она рисовала и красила; она даже дѣлала мозаики, чему выучилась въ Италіи. Въ то время всѣ эти искуства и рукодѣлія были въ большомъ ходу въ петербургскомъ высшемъ обществѣ, и едва ли не превосходила всѣхъ въ этомъ отношеніи Вѣра Дондукова.

Княгиня Марія Васильевна Дондукова, какъ мы уже сказали, прекрасно выполнила задачу воспитанія своей дочери, для чего она пожертвовала и собою. Будучи молодою вдовой, красивой наружности *), она не вступила во второй бракъ, хотя, безъ сомнѣнія, были искатели ея руки. Когда же дочери ея Вѣрѣ минула пора, она для нея отыскала блестящую партію, и въ 1802 году Вѣра вступила въ замужество съ Никитою Ивановичемъ Карсаковымъ, офицеромъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка.

Княгиню Марію Васильевну Дондукову я помню хорошо и видалъ ее за нѣсколько лѣтъ до ея кончины. Она въ то время лѣто и зиму проводила въ своей дачѣ, между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, въ окрестностяхъ Петербурга.

*) Одинъ портретъ масляными красками княгини Маріи Васильевны Дондуковой, писанный въ 1774 г., когда ей было 12 лѣтъ находится въ сел. Полонная, князя Александра Михайловича Дондукова-Карсакова, а другой портретъ ея, сдѣланный чернымъ карандашомъ, снятъ съ нея въ старости; онъ находится въ мѣстечкѣ Романово, у князя Алексѣя Михайловича Дондукова-Карсакова.

На этой дачѣ она себѣ выстроила очень маленькую домовую церковь близъ дома; по праздникамъ и воскреснымъ днямъ служилъ въ этой церкви монахъ изъ Троицко-Сергіевской пустыни близъ Стрѣльны; за причетника былъ ея лакей Спиридонъ; на клиросѣ пѣли тотъ же Спиридонъ и двое другихъ дворовыхъ людей; сама княгиня имѣла мѣсто у окна, съ молитвенникомъ въ рукѣ; за нею стояло старомодное кресло, подъ ноги ставилась желѣзная скамеечка на четырехъ птичьихъ лапахъ, держащихъ мѣдные шары, и ни одной службы не пропускала благочестивая старушка. Дочь ея, княгиня Вѣра Іоновна Дондукова-Карсакова, и внучка ея, княгиня Марія Никитишна Дондукова-Карсакова, равно какъ мужья обѣихъ, ее часто посѣщали и относились къ ней съ большимъ почтеніемъ. Когда же привозили къ ней правнучатъ ея, тогда еще малыхъ, то старушка всячески ихъ баловала; имъ позволялось вертѣть органъ, стоявшій въ столовой, имъ разрѣшалось пустить фонтанъ, бывшій въ саду; а въ домѣ имъ давали вдоволь яблоковъ и варенья. Дѣти очень любили старушку, но за то боялись къ ней подходить: у ней въ правомъ карманѣ ея капота, помѣщались платокъ и табакерка, а въ лѣвомъ карманѣ помѣщалась самая маленькая собачка, какую мнѣ случилось видѣть въ моей жизни; она была очень злая и, выскакивая изъ кармана, отчаянно лаяла на дѣтей, подходившихъ цѣловать ручку у своей прабабушки, неизмѣнно сидѣвшей на правой сторонѣ своего дивана. Она любила говорить про калмыковъ и про калмыцкія дѣла, и хотя она себя считала обиженною Правительствомъ, не давшимъ ей надлежащаго вознагражденія за отобранные улусы, но разсказывала про это съ такимъ добродушіемъ, что видно было, что въ ея сердцѣ не таилось злобы.

Княгиня Марія Васильевна Дондукова скончалась на своей дачѣ въ 1831 г., будучи отъ роду 68-ми лѣтъ, и похоронена въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, близъ Стрѣльны.

Князь Никита Ивановичъ Дондуковъ-Карсаковъ.

Никита Ивановичъ Карсаковъ, впослѣдствіи принявшій княжескій титулъ и фамилію Дондуковыхъ, принадлежалъ къ совершенно другой линіи рода Карсаковыхъ, чѣмъ та линія, отъ которой происходила княгиня Марія Васильевна Дондукова, урожденная тоже Карсакова, хотя обѣ линіи происходили отъ одного корня, отъ Венцеслава Жигмунтовича Корсака. Для полноты свѣдѣній, мы укажемъ на эту линію въ прямомъ нисходящемъ потомствѣ, безъ боковыхъ линій.

Венцеславъ Жигмунтовичъ, *Федоръ*, *Михаилъ*, *Василій*, *Семенъ*, *Филиппъ*, *Илья*, *Венедиктъ*, по прозванію *Ждань*, *Лукьянъ*, по прозвищу *Богданъ*, *Афонасій*, *Герасимъ*, *Иванъ* большій, *Иванъ* и *Никита*, тотъ самый, о которомъ идетъ рѣчь.

Обѣ линіи Карсаковыхъ разошлись между собою въ пятомъ поколѣніи, отъ начала рода.

На долю отца Никиты Ивановича Карсакова вышала довольно странная судьба. Иванъ Ивановичъ Карсаковъ въ раннихъ лѣтахъ лишился отца и жилъ и воспитывался при матери, Ириніе Алексѣевніе Карсаковой, урожденной Аничковой. Она была женщина строгая и деспотичная: предъ нею всѣ трепетали, въ томъ числѣ и сынъ ея Иванъ, который былъ характера кроткаго, добраго, мягкаго, и во всю жизнь свою оставался въ полномъ послушаніи у своей матери. Онъ былъ очень благочестивъ. Иванъ Ивановичъ Карсаковъ жилъ съ матерью въ родовомъ селѣ Полоная, близъ города Порхова, и когда ему было около двадцати лѣтъ, мать вздумала опредѣлить его въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ, но вскорѣ послѣ своего поступленія онъ, по ея требованію, вышелъ въ отставку, съ чиномъ поручика, и снова сталъ жить въ селѣ Полоная. Ему уже было 29 лѣтъ когда мать его спохватилась, что его нужно женить и тотъ-часъ отправила его съ письмомъ отъ себя

въ Гдовскій уѣздъ, къ своимъ знакомымъ Григорію Ивановичу Коновницыну и женѣ его Афимьѣ Кирилловнѣ, сватать дочь ихъ Агафью Григорьевну Коновницыну.

Григорій Ивановичъ Коновницынъ жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи Верхоляне, въ шести верстахъ отъ города Гдова. Иванъ Ивановичъ Карсаковъ остановился въ этомъ городѣ и послалъ нарочнаго къ Коновницынымъ, прося позволенія съ ними познакомиться. Его сперва пригласили къ завтраку; когда же онъ явился, то подошелъ къ Афимьѣ Кирилловнѣ и поцѣловалъ ея ручку, а Григорія Ивановича онъ трижды поцѣловалъ въ лицо, послѣ чего онъ подошелъ къ ручкѣ Агафьи Григорьевны и поцѣловалъ ее; по тогдашнимъ обычаямъ, дѣвицѣ слѣдовало поцѣловать и его въ щеку, но Агафья Григорьевна этого не сдѣлала, потому что женихъ ей не понравился, за что она отъ матери получила строгій выговоръ. Ивана Ивановича Карсакова пригласили къ обѣду на слѣдующій день; онъ тогда же просилъ руки Агафьи Григорьевны, у которой родители не спрашивали о согласіи, и тутъ же состоялась помолвка. Вотъ какъ въ то время совершались брачные союзы. Свадьба Ивана Ивановича съ Агафьею Григорьевной совершилась въ томъ же 1765 г., въ церкви села Кярева, близъ Верхолянъ; мать жениха почему-то не присутствовала на свадьбѣ, но къ ней, въ село Полоная, переѣхали жить молодые. Иванъ Ивановичъ и Агафья Григорьевна имѣли характеры и привычки во всемъ противуположные, хотя искренно любили одинъ другаго. Первый былъ человѣкъ тихій, добродушный, любилъ скромную семейную жизнь,—вторая, 16-ти лѣтняя Агафья Григорьевна, была красавица собою, любила наряжаться, танцовать и веселиться. Жизнь въ селѣ Полоная, при строгой и взыскательной Ириѣ Алексѣевнѣ Карсаковой, не представляла Агафьѣ Григорьевнѣ желанныхъ условій, а потому она позже устроила себѣ образъ жизни по своему вкусу, но кажется, что это

было послѣ кончины Ирины Алексѣевны. Дѣло въ томъ, что Коновницыны были въ большей силѣ при Императорскомъ Дворѣ; одинъ изъ нихъ, Петръ Петровичъ Коновницынъ, былъ губернаторомъ Петербурга съ 1786 по 1793 г. Онъ очень любилъ Агафью Григорьевну, свою родственницу; она стала каждую зиму пріѣзжать въ Петербургъ, танцовала на всѣхъ балахъ, которые неизмѣнно начинались съ полонеза, гдѣ, въ первой парѣ, выступали Петръ Петровичъ Коновницынъ съ красавицею Агафьей Григорьевной Карсаковой. Въ свою очередь, Иванъ Ивановичъ Карсаковъ хотя не обратился въ свѣтскаго человѣка, но сталъ служить дворянству. Съ 1777 года онъ былъ предводителемъ дворянства въ Новгородскомъ уѣздѣ, его тамъ очень любили, такъ что, когда онъ въ 1789 г. оставилъ свою должность, Новгородское дворянство поднесло ему письменный адресъ съ благодарностью, который сохранился въ семейныхъ бумагахъ. Не смотря на то, что жизнь супруговъ Карсаковыхъ была, какъ бы, разрознена—они всякое лѣто проводили дома, въ селѣ Полоная, и любили другъ друга искренно, чему доказательствомъ можетъ служить и слѣдующее обстоятельство. Однажды, послѣ родовъ, у Агафьи Григорьевны бросилось молоко въ голову; нѣкоторое время она была какъ помѣшанная, и пунктомъ ея помѣшательства была ревность. Она вездѣ видѣла любовницъ своего мужа, хотя честный и богобоязливый Иванъ Ивановичъ никогда не имѣлъ и помысла любить другую женщину. Былъ случай такой, что Иванъ Ивановичъ вынулъ свою табакерку чтобы понюхать табаку, а Агафья Григорьевна въ своемъ помѣшательствѣ вырвала у него изъ рукъ табакерку, говоря, что въ ней сидитъ любовница мужа. Болѣзнь эта продолжалась не долго: въ Петербургѣ Агафью Григорьевну вылечили, и у нея было много дѣтей, въ томъ числѣ Никита Ивановичъ, о которомъ будетъ рѣчь, и Алексѣй Ивановичъ; изъ дочерей же одна, по имени Анна, вышла замужъ за Петра Петрови-

ча Коновницына, сына петербургскаго губернатора, а другая, Марія, вышла за гвардіи поручика Лореръ.

Намъ показалось не лишнимъ передать нѣкоторыя подробности о родителяхъ Никиты Ивановича Карсакова, такъ какъ они могутъ разъяснить, почему онъ вышелъ тѣмъ типомъ русскаго дворянина, который составилъ, такъ сказать, звѣно между старымъ и новымъ поколѣніемъ русскихъ дворянъ.

Благодаря высокому положенію въ Петербургѣ Коновницыныхъ, какъ Никита Ивановичъ Карсаковъ, такъ и братъ его, Алексѣй Ивановичъ Карсаковъ, тотъ-часъ послѣ рожденія ихъ, были записаны сержантами въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ,—таковъ былъ обычай относительно дѣтей дворянъ, приближенныхъ къ Императорскому Двору. Когда же обоимъ братьямъ минуло десять лѣтъ, къ нимъ были приставлены гувернеры или воспитатели: ученый нѣмецъ Шредеръ и французскій эмигрантъ Монтандръ. При такихъ условіяхъ, изъ Никиты Ивановича Карсакова выработался блестящій молодой человѣкъ, съ манерами французскаго маркиза, съ достаточною по тогдашнему времени ученостію, съ рыцарскими порывами,—вполнѣ дамскій кавалеръ,—но рядомъ съ этимъ, русскій помѣщикъ, проникнутый идеею крѣпостнаго права. Онъ зналъ древнюю греческую мифологію едва ли не лучше, чѣмъ библейскую исторію; онъ сочинялъ стихи и куплеты весьма не дурно; онъ былъ въ душѣ музыкантъ; разговоръ его на французскомъ языкѣ былъ самый утонченный.

Когда Никита Ивановичъ Карсаковъ вступилъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ на службу, то онъ во всемъ и вездѣ имѣлъ успѣхъ. Онъ былъ красивъ собою, былъ отличный ѣздокъ, въ полку у него были лучшія лошади, онъ гарцовалъ на парадахъ, его любили начальники, товарищи и самъ Государь Павелъ Петровичъ. Когда Государемъ былъ установленъ въ Петербургѣ орденъ Мальтійскихъ кавалеровъ, то и Никита Ивановичъ Карсаковъ былъ членомъ этого ордена. Въ

великосвѣтскомъ обществѣ Никита Ивановичъ игралъ не послѣднюю роль; его изящное французское воспитаніе давало ему право быть однимъ изъ самыхъ блестящихъ кавалеровъ.

О холостой жизни Никиты Ивановича, за отдаленностью времени не имѣется большихъ подробностей; извѣстно лишь то, что онъ жилъ на широкую ногу. Никита Ивановичъ никогда не былъ ни игрокомъ, ни пьяницею, ни развратникомъ, не слѣдуя обычаямъ той среды, въ которой онъ находился; ему случалось, и то только въ молодости, продѣлывать всѣ шалости тогдашней молодежи. Онъ самъ разсказывалъ, какъ ему случалось принимать участіе въ кутежахъ и попойкахъ; какъ онъ, однажды, будучи вовлеченъ въ азартную игру, поставилъ на карту свою любимую лошадь, которую ни за какія деньги не соглашался продать и проигралъ эту лошадь; какъ въ другой разъ, сидя верхомъ на лошади, онъ по ступенямъ вскочилъ на балконъ, оттуда въ столовую, гдѣ обѣдали знакомые ему мужчины и дамы, какъ онъ кругомъ объѣхалъ столъ, со всѣми поздоровался и, не сходя съ лошади, выпрыгнулъ въ садъ и ускакалъ. Всѣ эти проявленія молодыхъ силъ Никиты Ивановича Карсакова не мѣшали, однако, ему остаться добрымъ, честнымъ и богобоязливымъ юношей; у него и въ старости сохранилось доброе, чувствительное сердце, вѣроятно унаслѣдованное имъ отъ отца.

Этотъ фазисъ въ жизни Никиты Ивановича Карсакова закончился со смертію Императора Павла Петровича. Въ Петербургѣ стали жить тише, скромнѣе; многіе товарищи Никиты Ивановича разбрелись въ разныя стороны; самъ онъ, кажется, не задолго до смерти Государя, былъ переведенъ изъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка въ Кавалергардскій полкъ; ему было 26 лѣтъ, и онъ женился. Невѣста его была княжна Вѣра Іоновна Дондукова, единственная представительница своего рода, богатая и благовоспитанная дѣвушка.

Побудило Никиту Ивановича къ женитьбѣ, должно быть,

слѣдующее обстоятельство. Онъ очень любилъ своихъ сестеръ и брата, но въ особенности свою сестру Анну, годомъ старше его; а та, въ 1801 году, 17 апрѣля, вышла замужъ въ Петербургѣ, за Петра Петровича Коновницына, сына бывшаго петербургскаго коменданта, Петра Петровича Коновницына. Эта свадьба въ его семьѣ могла подать ему мысль самому жениться, что онъ и сдѣлалъ,—но вотъ странность: въ старой записной книжечкѣ, гдѣ рукою трехъ прабабушекъ отмѣчались дни рожденія, крещенія и кончины членовъ семейства Карсаковыхъ и Коновницыныхъ, стоитъ написано, правда, въ двухъ отдѣльныхъ статьяхъ, что свадьба Анны Ивановны Карсаковой съ Петромъ Петровичемъ Коновницынымъ и свадьба Никиты Ивановича Карсакова съ княжною Вѣрою Дондуковой состоялись въ Петербургѣ, 17 апрѣля 1801 г.,—значитъ въ одинъ и тотъ же день.

Мы не беремся съ точностью сказать, были ли обѣ эти свадьбы одновременно, или же вышла ошибка при написаніи числа.

Съ этаго времени начинается новый фазисъ жизни Никиты Ивановича Карсакова съ такимъ оттѣнкомъ, что будучи женатъ на княжнѣ Дондуковой, послѣдней представительницѣ своего рода, онъ возымѣлъ желаніе къ своей фамиліи „Карсаковъ“ присоединить фамилію „Дондуковъ“ и княжескій титулъ. Это желаніе его было исполнено, но впослѣдствіи, черезъ 17 лѣтъ,—что не помѣшало, однако, Никитѣ Ивановичу Карсакову, вскорѣ послѣ свадьбы не только именоваться Дондуковымъ-Карсаковымъ, но и носить княжескій титулъ. Въ Петербургѣ, въ обществѣ, въ семьѣ и въ деревнѣ вскорѣ всѣ начали его называть княземъ Дондуковымъ-Карсаковымъ, хотя не состоялось о томъ никакого Императорскаго указа. Болѣе того: у насъ передъ глазами лежитъ паспортъ, выданный ему для отправленія заграницу, и вотъ какъ тамъ написано: „Показатели сего—уволенный отъ службы полковникъ и кавалеръ

князь Никита Ивановичъ Дондуковъ-Карсаковъ съ супругою, княгинею Вѣрою Іоновною, съ малолѣтнею дочерью княжною Маріею, и при нихъ умершаго печнаго мастера Эллін жена, Шарлотта Элліева, французская уроженка Анна Велфиръ, крѣпостные его служители Григорій Кучковскій и малолѣтній Матвѣй Зайцевъ—отправляются изъ Россіи въ чужіе краи сухимъ путемъ на четыре года.“ Паспортъ этотъ выданъ въ С.-Петербургѣ гражданскимъ губернаторомъ 7 мая 1804 года, а Никитѣ Ивановичу Карсакову Всемилостивѣйше разрѣшено именоваться княземъ Дондуковымъ-Карсаковымъ лишь указомъ отъ 10 сентября 1820 года.

Послѣ свадьбы своей въ 1801 г., Никита Ивановичъ Карсаковъ три года жилъ въ Петербургѣ зимою, а лѣтомъ у своихъ родителей въ селѣ Полоная. 12 апрѣля 1803 г. у него родилась дочь Марія, но послѣ этихъ родовъ здоровье его жены нѣсколько разстроилось, и доктора совѣтывали свезти ее заграницу. Никита Ивановичъ вышелъ изъ Кавалергардскаго полка въ чистую отставку, съ чиномъ полковника, и собрался ѣхать за-границу.

Это путешествіе совершилось при такихъ условіяхъ, что о немъ слѣдуетъ поговорить. Въ то время за-границу ѣздили въ своемъ собственномъ экипажѣ, но на почтовыхъ лошадяхъ, какъ по Россіи, такъ и за-границею. У Никиты Иваповича Карсакова была своя великолѣпная четырехъ-мѣстная карета съ высокими козлами, а на нихъ надѣтъ фигурный чехолъ изъ сукна съ галунами, съ кистями и бахрамою, и на чехлѣ большой гербъ, на дверцахъ кареты тоже гербы, а выкрашена была карета масляною краскою съ золотыми ободочками. Въ каретѣ сидѣлъ Никита Ивановичъ съ Вѣрою Іоновной на заднемъ сидѣніи, на переднемъ же сидѣніи была дѣвушка, и рядомъ съ нею стояла желѣзная, ватой и зеленой шелковой матеріей обтянутая овальная корзинка, служившая кроватью для годовой Маріи. На запяткахъ кареты былъ

привязанъ большой кожанный чемоданъ съ подушками и матрацами, а на немъ сидѣлъ, спиною къ каретѣ, крѣпостной лакей; сзади слѣдовалъ другой экипажъ съ остальною прислугою и вещами; но такъ какъ русскіе дворяне того времени всегда имѣли въ числѣ своей прислуги кого либо, чтобы быть, какъ говорилось, „на побѣгушкахъ," т. е. исполнять всякія порученія, при чемъ неизмѣнно произносились слова: „сбѣгай мнѣ за платкомъ," или: „подыми мнѣ съ пола платокъ", то для исполненія этихъ обязанностей былъ нарочно взятъ заграницу 14-ти лѣтній мальчикъ, Матвѣй Зайцевъ.

Легко себѣ представить, что такой поѣздъ по всему пути производилъ большое впечатлѣніе, въ особенности за-границею, въ Италіи. Въ гостинницахъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только показывался знатный русскій путешественникъ, котораго называли княземъ, масса людей всякаго рода спѣшила предлагать свои услуги. Никита Ивановичъ бросалъ деньги направо и налѣво съ свойственною всякому русскому человѣку широкою натурой, такъ что въ концѣ концовъ это путешествіе было чистое раззореніе для кармана Никиты Ивановича и ничѣмъ не отличалось отъ путешествія какого либо лица изъ царской фамиліи. Вся эта обстановка и княжескій титулъ, которымъ пользовался Никита Ивановичъ, дѣлали то, что онъ во всѣхъ государствахъ, гдѣ только проѣзжалъ, былъ принимаемъ во всѣхъ аристократическихъ домахъ и въ царскихъ Дворахъ, и надобно сказать, что вездѣ онъ съ полнымъ тактомъ, умѣніемъ и любезностію поддерживалъ свое положеніе и даже не надѣлалъ за-границею долговъ.

Въ старости своей Никита Ивановичъ любилъ разсказывать про это путешествіе, такъ что многія подробности о немъ извѣстны отъ него самого. Объ этихъ подробностяхъ мы распространяться не будемъ, а укажемъ лишь на то, что въ настоящее время представляетъ интересъ какъ прошлое, нынѣ уже не встрѣчающееся. Такъ, напримѣръ, Никита Ива-

новичъ едва ли не цѣлый годъ прожилъ въ Венеціи, гдѣ занималъ какой-то древній дворецъ; у него была своя гондола съ гербами, гребцы которой были одѣты въ его ливреи; у него была своя ложа въ театрѣ, что не легко имѣть въ Венеціи, гдѣ ложи составляютъ собственность аристократіи и передаются по наслѣдству. Въ Неаполѣ, въ Пизѣ, во Флоренціи и въ Римѣ Никита Ивановичъ тоже жилъ по мѣсяцамъ, и въ Римѣ былъ съ нимъ тотъ случай, о которомъ онъ любилъ разсказывать и который мы передаемъ съ его словъ.

Однажды въ Римѣ онъ увидѣлъ у подъѣзда богатаго дома карету, на которой красовался гербъ, схожій съ гербомъ Карсаковскаго рода; онъ спросилъ: чья это карета?—ему сказали, что она принадлежитъ одному изъ римскихъ аристократовъ, Корсини. Никита Ивановичъ тотъ-часъ отправляется къ этому аристократу, который принимаетъ его любезно, и на спросъ его, какимъ образомъ гербъ рода Карсаковыхъ достался роду Корсини, онъ далъ слѣдующее объясненіе. Предки рода Корсини были выходцы изъ Литвы; было два брата Корсака, чуть-ли даже не три, которые, придя въ Римъ, находились на военной службѣ; по прошествіи нѣкотораго времени, одинъ изъ нихъ или двое вернулись въ Литву и стали прозываться Римскими-Корсаковыми, а одинъ братъ остался въ Римѣ и былъ родоначальникомъ рода Корсини. Вотъ почему у рода Корсини имѣется Корсаковскій гербъ.

Въ родѣ Римскихъ-Корсаковыхъ это преданіе не сохранилось,—извѣстно только то, что при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, нѣкоторыя лица изъ рода Карсаковыхъ просили о дозволеніи имъ именоваться Римскими-Корсаковыми, что имъ было разрѣшено указомъ отъ 15 мая 1677 года. По спискамъ герольдіи родоначальникомъ Римскихъ-Корсаковыхъ считается Осипъ Михайловъ Корсакъ, который жилъ ранѣе 1500 г., и этотъ Осипъ Корсакъ, съ кѣмъ либо изъ братьевъ своихъ или сродниковъ

быть можетъ и находился на военной службѣ въ Римѣ, а потомъ вернулся въ Россію, почему и прозывался Римскимъ Корсаковымъ. Мы не беремъ на себя рѣшить этотъ вопросъ окончательно, но мы не сочли себя въ правѣ умолчать о томъ, что слышалъ въ Римѣ Никита Ивановичъ Карсаковъ о происхожденіи рода Корсини.

Въ Италіи Никита Ивановичъ Карсаковъ сдѣлался особеннымъ любителемъ художествъ и музыки. Онъ тамъ накупилъ нѣсколько хорошихъ картинъ, масляными красками писанныхъ, мозаики и другихъ вещей и старой бронзы. Княгиня Вѣра Іоновна даже брала уроки и выучилась дѣлать мозаики. Изъ Италіи Никита Ивановичъ проѣхалъ въ Баварію и Швейцарію, а во Францію онъ не ѣздилъ, такъ какъ послѣ французской революціи аристократамъ не безопасно было отправляться въ эту страну, особенно въ каретахъ съ гербами.

Изъ за-границы Никита Ивановичъ Карсаковъ вернулся въ августѣ 1806 года, и съ этого времени начинается еще новый фазисъ въ его жизни.

За годъ передъ тѣмъ, 12 марта 1805 г., умеръ отецъ Никиты Ивановича, а вдова покойника, его мать, переѣхала жить изъ села Полопая, въ Порховскомъ уѣздѣ, въ село Верхоляне, Гдовскаго уѣзда, такъ какъ ея, Агафьи Григорьевны, отецъ умеръ еще въ 1776 г., а мать въ 1781 г., и село Верхоляне ей досталось. Такимъ образомъ, Никитѣ Ивановичу Карсакову тотчасъ по возвращеніи его изъ-заграницы, пришлось хозяйничать въ своемъ родовомъ имѣніи Полоная. Кажется, что въ это же время теща его, княгиня Марія Васильевна Дондукова, окончательно передала ему же управленіе имѣніемъ Романово и домъ въ Петербургѣ, сама переѣхавъ жить на свою дачу близъ Петергофа.

Никита Ивановичъ Карсаковъ никогда не былъ любителемъ сельскаго хозяйства, ни знатокомъ въ этомъ дѣлѣ, а

потому онъ предоставлялъ управляющимъ въ имѣніяхъ вести хозяйство на прежнемъ положеніи, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы они не мѣшали ему исполнять свои фантазіи и давали ему обычные доходы. Фантазіи же его, между прочимъ, заключались въ томъ, что, страстно любя лошадей, онъ сряду завелъ три конскихъ завода: одинъ въ сел. Верхолянахъ, другой въ сел. Полоная, третій въ мѣстечкѣ Романово. Для этихъ конныхъ заводовъ покупались дорогою цѣной англійскія и арабскія чистокровныя лошади, въ Полоной и въ Верхолянахъ были выстроены великолѣпныя каменныя конюшни съ манежемъ и всякими сараями и службами, только въ Романовѣ не было каменнаго зданія. Этимъ дѣломъ на столько дорожилъ Никита Ивановичъ, что когда, въ 1812 году, французы проходили черезъ Романово и, конечно, увели съ собою всѣхъ лошадей конскаго завода, то, послѣ ухода французовъ, заводъ былъ возобновленъ. Заводъ былъ дѣйствительно хорошъ и далъ много очень хорошихъ лошадей, но прибыли онъ не приносилъ, содержаніе его дорого обходилось каждому имѣнію, кромѣ Романова, гдѣ было много покосовъ и овесъ дешевый; за то Никита Ивановичъ въ своихъ конскихъ заводахъ, въ теченіи всей своей жизни, находилъ интересъ и занятіе ему пріятное; его состояніе даже позволяло ему устроить себѣ такую прихоть.

Если взять эпоху жизни Никиты Ивановича Карсакова со времени его возвращенія изъ за-границы до замужества его дочери, т. е. съ 1806 по 1819 г., то въ эту эпоху вмѣщаются слѣдующія событія.

Въ это время Петербургъ былъ наводненъ французскими эмигрантами, которыхъ почему-то принимало въ свои объятія высшее русское общество. Увлекся ими и Никита Ивановичъ Карсаковъ, воспитанный въ уваженіи всего французскаго. У него живмя жили разные французы, въ томъ числѣ Г. Лафитъ или Лавитъ, выдававшій себя за доктора. Этотъ авантюристъ съумѣлъ вкрасться въ довѣріе Никиты Ивановича; онъ сдѣ-

лался домашнимъ докторомъ и неизвѣстно почему посадилъ на самую строгую, имъ же изобрѣтенную, діэту восьми-лѣтнюю дочь Никиты Ивановича Марію; ребенокъ началъ сохнуть, слабѣть и едва не умеръ; за ребенка вступились обѣ бабушки, доктора Лавита прогнали, и ребенокъ, всегда пользовавшійся прекраснымъ здоровьемъ, ожилъ. При дѣвочкѣ Маріи была гувернантка, тоже француженка, мадамъ Балле (M-me Ballet), и еще дѣвочка англичанка Маргарита, ровестница дѣвочкѣ Маріи. Мадамъ Балле, достойная женщина, очень строгая, прекрасно воспитывала дѣвочку, которая сохранила о ней хорошую память. Это воспитаніе въ послѣдствіи дополнилось развитіемъ всѣхъ талантовъ юной Маріи: она выучилась рисовать чернымъ карандашемъ, на что тогда была мода; ея издѣлія сохранились (нѣсколько большихъ картинъ, срисованныхъ съ оригиналовъ масляными красками); она играла на фортопіано, на арфѣ, на какой-то лирѣ и пѣла. Такъ какъ изъ тогдашней Маріи Никитишны Карсаковой вышла прекрасная жена, отличная мать и всѣми ея знавшими любимая и въ обществѣ пріятная женщина, то можно сказать, что ея воспитаніе вполнѣ было удачно.

Пока Никита Ивановичъ занимался устройствомъ хозяйства въ своихъ имѣніяхъ, устройствомъ своего дома въ Петербургѣ и устройствомъ купленной дачи Рощинской близъ Петербурга и жилъ на широкую ногу, наступилъ страшный для Россіи 1812 годъ съ нашествіемъ французовъ. Никита Ивановичъ въ это время не былъ на дѣйствительной службѣ, а состоялъ въ сформированной милиціи, а такъ какъ эта милиція, составленная изъ помѣщичьихъ крестьянъ, была въ Петербургской и Псковской губерніяхъ, куда не заходилъ непріятель, то ни этой милиціи, ни Никитѣ Ивановичу не пришлось имѣть дѣла съ французами. За то имѣніе его Романово, въ Могилевской губерніи, черезъ которое дважды проходили французы, было безцеремоннымъ образомъ ограблено.

Когда кончилась война, Никита Ивановичъ Карсаковъ обратился къ прежнимъ своимъ занятіямъ, которымъ не помѣшало и то, что онъ былъ выбранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ городѣ Гдовѣ, въ каковой должности онъ служилъ, кажется, три трехлѣтія. Эта эпоха жизни Никиты Ивановича была самая переполненная разнообразными занятіями. Въ Петербургѣ онъ устраивалъ въ своемъ домѣ картинную галлерею, Китайскій музей, коллекцію Помпеевскихъ вазъ и собраніе всѣхъ возможныхъ рѣдкостей. На дачѣ Рощинской онъ устроилъ красивый каменный домъ въ италіанскомъ вкусѣ, огромныя каменныя оранжереи, а такъ какъ жена его была большая любительница цвѣтовъ, то само собою разумѣется, были также выстроены каменныя конюшни и сараи для экипажей: лѣса обращались въ парки; ежегодно на дачѣ проводился лѣтній мѣсяцъ, для какого времени туда переводились экипажи и лошади, и гости на дачѣ не переводились. Въ селѣ Верхолянахъ проводилось тоже по мѣсяцу лѣтнему, а иногда и зимнему, такъ какъ Никита Ивановичъ былъ любимый сынъ своей матери, Агафьи Григорьевны, и онъ всегда былъ къ ней почтителенъ. Но главная кутерьма происходила въ сел. Полоная ежегодно осенью, съ 1 сентября. По сосѣдству съ Полоной имѣли свои помѣстья друзья Никиты Ивановича и его сослуживцы—князья Васильчиковы. Въ родѣ Карсаковыхъ, Васильчиковыхъ, и можно сказать, всѣхъ помѣщиковъ того края, даже мелкопомѣстныхъ, отъ отца къ сыну передавалась страсть къ псовой охотѣ. У каждаго помѣщика, смотря по его достоянію, были болѣе или менѣе значительныя своры собакъ, борзыхъ и гончихъ,—всѣ конюха, лакеи, дворня были записные охотники, для нихъ держался болѣе или менѣе значительный комплектъ лошадей, были щегольскія охотничьи сѣдла и нарядъ для охотниковъ.

Ежегодно, съ 1 сентября, въ помѣстьи Никиты Ивановича или князя Васильчикова собирались охотники-помѣщи-

ки, приводя съ собою своихъ людей, собакъ и лошадей, которые кормились на счетъ того, у кого останавливалась охота. Съ ранняго утра всѣ выѣзжали въ отъѣзжее поле и не возвращались на ночь домой, но для охоты составлялась цѣлая программа: въ теченіи мѣсяца нужно было обойти часть Псковской и Новгородской губерній, гоняясь за зайцами, за лисицами и волками. Ночь проводили по пути у помѣщиковъ, и даже въ деревняхъ; при охотѣ были фургоны съ поварами, съ посудою, съ винами. Въ настоящее время трудно себѣ представить какъ и чѣмъ могли, при этихъ условіяхъ, продовольствоваться господа, прислуга, собаки, лошади, но все это было; остатки этихъ охотъ мы помнимъ, разсказы про эти охоты мы слышали отъ лицъ, въ нихъ участвовавшихъ. Никита Ивановичъ Карсаковъ не могъ оставаться равнодушнымъ или непричастнымъ къ псовой охотѣ, которая съ давнихъ временъ водилась въ его родѣ. Прадѣдъ его, Герасимъ Ивановичъ Карсаковъ, тоже страстный любитель этой охоты, однажды находясь въ отъѣзжемъ полѣ почувствовалъ сильную зубную боль, мѣшавшую ему охотиться. Онъ призвалъ находившагося при охотѣ кузнеца и приказалъ ему выдернуть больной зубъ. Напрасно кузнецъ отказывался неумѣніемъ и отсутствіемъ инструмента, Герасимъ Ивановичъ приказалъ ему пустить въ дѣло имѣвшіяся при немъ клещи для ковки лошадей,—больной зубъ былъ выдернутъ, но вмѣстѣ съ нимъ была вывороченa вся челюсть, отъ чего Герасимъ Ивановичъ вскорѣ умеръ.

Въ эту же эпоху жизни Никиты Ивановича Карсакова слѣдуетъ включить два обстоятельства, имѣвшія для него большое значеніе по послѣдствіямъ, а также замужество его дочери Маріи.

Во первыхъ, вновь выступили на очередь калмыки, и вотъ какимъ образомъ. Въ 1812 году, когда французы вознамѣрились завоевать Россію, Правительство выставило противъ нихъ всѣ воинскія силы, какими оно располагало, въ томъ

числѣ и калмыковъ, которые дали отъ себя нѣсколько полковъ. Одинъ изъ калмыцкихъ владѣльцевъ, князь Тюмень, очень богатый, въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, содержалъ на свой собственный счетъ цѣлый полкъ калмыковъ, набранныхъ изъ подвластныхъ ему людей. Вмѣстѣ съ русскими войсками князь Тюмень вступилъ въ Парижъ, гдѣ для своего полка онъ нанялъ цѣлый домъ и своихъ калмыковъ содержалъ въ такой дисциплинѣ, что ею удивлялись и русскіе, и иностранцы. Князь Тюмень въ Парижѣ накупилъ себѣ много вещей изъ бронзы, матеріи, часы и многое другое и вернувшись на Волгу, выстроилъ себѣ великолѣпный домъ, гдѣ помѣстилъ всѣ привезенныя имъ дорогія вещи. Такая заслуга князя Тюменя имѣла послѣдствіемъ то, что Русское Правительство особенно благосклонно относилось къ князьямъ Тюменевымъ. И вотъ, приблизительно около 1816 года (быть можетъ и нѣсколько позже), пріѣхали въ Петербургъ нѣсколько калмыцкихъ владѣльцевъ, имѣя во главѣ князя Тюменя, ходатайствовать о какихъ-то дѣлахъ калмыцкихъ. Само собою разумѣется, что эти калмыки, на основаніи прежнихъ связей, сдѣлались постоянными гостями въ домѣ княгини Маріи Васильевны Дондуковой, равно какъ и въ домѣ ея дочери Вѣры Іоновны, жены Никиты Ивановича Карсакова. Калмыки, смѣкнувъ, что они могутъ найдти себѣ большую поддержку въ Никитѣ Ивановичѣ, начали его подбивать на то, чтобы онъ просилъ Государя о возвращеніи ему и его женѣ отобраннаго въ казну Бага-Цохурскаго калмыцкаго улуса, наслѣдственнаго въ родѣ князей Дондуковыхъ, а имѣніе Романово возвратить въ казну. Пылкій Никита Ивановичъ поддался на это дѣло—ему улыбалась мысль быть владѣтельнымъ княземъ, хотя бы и калмыцкимъ, скакать по степи,—вообще его воображеніе разыгралось, и онъ подалъ въ сказанномъ смыслѣ прошеніе на Высочайшее Имя, а калмыки, выдавъ себя за депутацію отъ калмыцкаго народа, отдѣльно просили о возвращеніи Бага-

Цохурскаго улуса князю Никитѣ Ивановичу Дондукову-Карсакову, ибо таково было названіе, какое уже давно усвоилъ себѣ Никита Ивановичъ Карсаковъ. Это ходатайство поставило Правительство въ нѣкоторое затрудненіе, но такъ какъ усиленіе калмыковъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ, или дѣланіе имъ уступокъ считалось опаснымъ, то былъ придуманъ исходъ изъ этого положенія, а именно: дѣло это затянули, дали время калмыкамъ вернуться на Волгу, а Никитѣ Ивановичу Карсакову въ возвращеніи ему калмыцкихъ улусовъ отказали, но было разрѣшено ему принять фамилію князя Дондукова-Карсакова, съ присвоеніемъ ему княжескаго титула. Этимъ дѣло на время кончилось; Высочайшій указъ состоялся 10 сентября 1820 года, и тогда же въ Герольдіи былъ составленъ гербъ фамиліи князей Дондуковыхъ-Карсаковыхъ.

Основаніемъ для новаго герба, конечно, послужилъ гербъ рода Карсаковыхъ; въ немъ, помимо разныхъ украшеній, было четыре отдѣленія: въ первомъ представленъ медвѣдь, во второмъ два якоря, въ третьемъ двѣ скрещенныя сабли, въ четвертомъ крѣпость, и вотъ къ нимъ прибавлено еще два отдѣленія: въ пятомъ представлена рука съ булавою (символъ власти, бывшій у казаковъ), въ шестомъ всадникъ на конѣ (гербъ Литовскій). Всѣ шесть отдѣленій представляютъ видъ щита, на который опираются съ одной стороны фантастическій калмыкъ съ саблею, лукомъ и колчаномъ, а съ другой стороны воинъ въ шишакѣ съ мечемъ и копьемъ—онъ долженъ изъ себя изображать Литвина. Все это вмѣщается въ пунцовой бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, а надъ мантіею княжеская корона. Снизу подъ щитомъ виситъ Мальтійскій крестъ.

Обращаясь снова къ исторіи князя Никиты Ивановича Дондукова-Карсакова, приходится разсказать про замужество его дочери Маріи.

Въ четырехъ верстахъ отъ сел. Полонал, въ Порховскомъ уѣздѣ, куда ежегодно пріѣзжалъ князь Никита Ивано-

вичъ, находилось село Буриги, принадлежавшее помѣщику, отставному Лейбъ-Гвардіи прапорщику, Александру Степановичу Карсакову. Онъ принадлежалъ къ совсѣмъ другой линіи Карсаковыхъ, чѣмъ родъ князя Никиты Ивановича. Вотъ эта третья линія Карсаковыхъ въ прямомъ нисходящемъ потомствѣ, безъ боковыхъ линій:

Венцеславъ Карсакъ, *Федоръ*, *Михаилъ*, *Василій*, *Семенъ*, *Филиппъ*, *Илья*, *Никита*, *Гаврило*, *Александръ*, *Тимофей*, *Степанъ* и *Александръ* Степановичъ Карсаковъ, владѣлецъ села Буриги.

Исторія Александра Степановича Карсакова весьма странная. Онъ служилъ въ Петербургѣ, въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскомъ полку. Однажды онъ со взводомъ солдатъ шелъ по улицѣ и внезапно остановился, потому что ничего не видѣлъ глазами: онъ ослѣпъ—долженъ былъ выйти въ отставку и лечиться. Кажется, лѣтъ шесть онъ ничего не видѣлъ, потомъ его вылечилъ какой-то еврей, и онъ сталъ видѣть; но по прошествіи трехъ лѣтъ онъ снова ослѣпъ и остался такимъ до конца жизни. Еще до первой своей слѣпоты Александръ Степановичъ Карсаковъ женился на дѣвицѣ Рязановой, дочери одного изъ главныхъ учредителей сѣверо-Американской компаніи. Отъ этого брака родились сыновья: Петръ, Александръ, Михаилъ, Николай и дочери: Екатерина и Варвара. Позже Александръ Степановичъ былъ женатъ вторично, у него отъ втораго брака были дѣти: Тимофей и Елена. Личность почтеннаго старца Александра Степановича Карсакова была весьма замѣчательна; онъ былъ въ семьѣ настоящій патріархъ, но рѣчь идетъ не о немъ, а объ его сынѣ Михаилѣ.

Гдѣ именно получилъ свое воспитаніе Михаилъ Александровичъ Карсаковъ намъ неизвѣстно; знаемъ мы только то, что онъ любилъ вспоминать своего перваго наставника въ грамотѣ, дьячка села Буригъ, имѣвшаго какую-то весьма замысловатую методу для обученія дѣтей чтенію, такъ что онъ

самъ впослѣдствіи дивился, какъ можно было при такой методѣ чему либо выучиться. Изъ формулярнаго же списка Михаила Александровича Карсакова видно слѣдующее:

23 апрѣля 1809 г. (ему въ то время было 15 лѣтъ), онъ опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ, какъ сказано: „для наученія порядка службы.“ 22 февраля 1810 г. онъ произведенъ въ прапорщики съ опредѣленіемъ въ Томскій пѣхотный полкъ.

2-го марта 1810 года, слѣдовательно 8 дней спустя, онъ переведенъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ.

26-го октября 1811 г. онъ произведенъ въ чинъ подпоручика.

20-го января 1813 г. онъ произведенъ въ поручики.

23-го сентября 1813 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны, съ назначеніемъ адъютантомъ при Корпусномъ Командирѣ, генералъ-лейтенантѣ баронѣ Розенѣ.

Михаилъ Александровичъ Карсаковъ продѣлалъ всю кампанію 1812—1814 г., за что получилъ ордена: Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, Прусскій орденъ „Pour le mérite“ и Прусскій орденъ Желѣзнаго Креста;—онъ участвовалъ въ сраженіи при Кульмѣ—и кромѣ того получилъ медаль за кампанію 1812 г. и медаль за взятіе Парижа.

16 марта 1816 г. онъ былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ Преображенскаго полка.

8 ноября 1816 г. былъ произведенъ въ капитаны.

20 декабря 1819 г. переведенъ во фронтъ съ производствомъ въ полковники.

Такова была военная карьера Михаила Александровича Карсакова. Въ 1819 г. въ чинѣ капитана, онъ былъ блестящій офицеръ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, членъ высшаго аристократическаго общества въ Петербургѣ и къ тому же весьма образованный человѣкъ, такъ какъ въ теченіи своей службы, онъ постоянно сближался съ людьми обра-

зованными, читалъ серьезныя и ученыя книги, дѣлалъ себѣ выписки изъ всего прочитаннаго, вообще, какъ самъ о томъ выражался, онъ пополнялъ всѣ недостатки своего первоначальнаго воспитанія. Можно сказать, что онъ самъ себя воспиталъ, и его старанія не остались безъ пользы, потому что онъ еще въ ранней молодости занялъ почетное мѣсто между образованными людьми.

По случаю близкаго сосѣдства села Буригъ съ селомъ Полоная, Михаилъ Александровичъ Карсаковъ былъ какъ свой человѣкъ въ домѣ князя Никита Ивановича Дондукова-Карсакова, а потому, когда Михаилъ Александровичъ рѣшился просить руки княжны Маріи Никитишны Дондуковой-Карсаковой, то это предложеніе составило общую радость. Михаилъ Александровичъ вошелъ въ семью не какъ новый человѣкъ, а какъ давнишній другъ, котораго всѣ знали и любили. Скажемъ сразу, что для княгини Вѣры Іоновны Михаилъ Александровичъ во всю свою жизнь былъ не только добрый сынъ, но и другъ,—она его очень любила и цѣнила. Обѣ бабушки, Агафья Григорьевна и Марія Васильевна Дондуковы любили его безъ памяти, онъ всегда былъ съ ними добръ, сердеченъ и почтителенъ.

Свадьба Михаила Александровича Карсакова съ княжною Маріей Никитишной Дондуковой-Карсаковой состоялась 5 ноября 1819 г., и, какъ уже было сказано, черезъ мѣсяцъ новобрачный былъ произведенъ въ полковники Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.

Казалось бы, что военная карьера Михаила Александровича Карсакова обѣщала самую блестящую будущность, такъ какъ въ 25 лѣтъ онъ былъ уже въ чинѣ полковника, но судьба устроила его будущность иначе. Вскорѣ послѣ своей свадьбы Михаилъ Александровичъ началъ сильно страдать глазами, невольно возникло опасеніе, какъ бы онъ не ослѣпъ подобно отцу своему; пришлось покинуть военную службу, и 3 декаб-

ря 1820 года Михаилъ Александровичъ Карсаковъ уволенъ, за болѣзнію, отъ службы, а позже, въ 1826 г., когда его глаза совсѣмъ поправились, назначенъ ко Двору Его Императорскаго Величества Камергеромъ.

Въ промежутокъ съ 1820 по 1826 г. случился весьма важный переворотъ въ жизни, какъ у князя Никиты Ивановича Дондукова-Карсакова, такъ и у Михаила Александровича Карсакова. Вотъ что случилось.

Князю Никитѣ Ивановичу, кажется тотчасъ послѣ его женитьбы досталось въ полное распоряженіе имѣніе Романово, составлявшее наслѣдственное помѣстье его жены, княгини Вѣры Іоновны. Романово было мѣстечко, иначе сказать большое селеніе на манеръ маленькаго города, въ которомъ жили и крестьяне, и мѣщане, и шляхтичи, но по преимуществу евреи. Въ то время въ мѣстечкѣ Романово насчитывалось до 500 душъ. Тамъ были двѣ деревянныя церкви, при нихъ два священника, дьяконъ и два комплекта причта, богадѣльня, польскій костелъ со старымъ ксендзомъ и, конечно, еврейская молельня, именуемая школою. Господскаго дома, въ смыслѣ помѣщичьихъ усадьбъ, тамъ не было, а были небольшія деревянныя строенія для конторы и службъ и домъ, въ которомъ прежде жилъ князь Іона Дондуковъ, но онъ былъ и старъ, и неудобенъ. Былъ и садъ съ вѣковыми липами, но небольшой. Князь Никита Ивановичъ никогда не любилъ Романово; онъ тамъ бывалъ только наѣздомъ, для осмотра устроеннаго имъ тамъ конскаго завода. Когда въ 1812 г. французы разорили Романово и увели лошадей конозаводскихъ, то князь Никита Ивановичъ окончательно разлюбилъ Романово. Этимъ воспользовался одинъ мѣстный шляхтичъ, полудворянинъ, по имени Одинецъ; онъ предложилъ князю Никитѣ Ивановичу взять у него въ аренду Романовское имѣніе съ обязательствомъ платить ему вдвое болѣе того, что онъ доселѣ получалъ отъ имѣнія. Князь Никита Ивановичъ этому обрадовался и безъ возраже-

нія подписалъ доставленный Одинцемъ контрактъ на долгій срокъ. Бѣлоруссія—страна, въ которой такъ называемое крючкотворство было сильно развито, а потому контрактъ впослѣдствіи оказался написаннымъ такъ ловко и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, что его уничтожить было невозможно, и Одинецъ на много лѣтъ сдѣлался полнымъ властелиномъ надъ всѣми людьми и всѣмъ имуществомъ, и всею землей въ имѣніи Романово.

Само собою разумѣется, что Одинецъ воспользовался своими правами, и вотъ какимъ образомъ онъ началъ распоряжаться. Въ Романовѣ была запашка небольшая, сѣялось всего сто четвертей ржи, что, конечно, составляло слишкомъ малый посѣвъ для имѣнія въ 1900 душъ. Онъ посѣвъ ржи увеличилъ отъ 450 до 500 четвертей, по какимъ образомъ? Онъ перевелъ на другія мѣста семь деревень, а на готовыхъ деревенскихъ поляхъ устроилъ свою запашку; устроилъ пять фольверковъ, т. е. приселковъ съ господскимъ скотомъ; отобралъ у крестьянъ ихъ лучшіе покосы, однимъ словомъ, нисколько не стѣснялся въ раззореніи крестьянъ, которые должны были подчиняться этимъ порядкамъ. Затѣмъ онъ устроилъ три винокуренныхъ завода; на барщину крестьяне ходили безъ всякаго расчета, трудно даже перечислить всѣ злоупотребленія, какія дѣлались этимъ арендаторомъ.

Жадность его къ наживѣ не ограничивалась на крестьянахъ; онъ забралъ въ свои руки и евреевъ, стѣснилъ ихъ торговлю до того, что еврей не могъ ничего ни купить, ни продать въ Романовѣ безъ того, чтобы заплатить десятину арендатору. Необузданное своеволіе этого жестокаго и алчнаго человѣка дошло до того, что онъ въ священный для евреевъ день шабаша (субботы) и въ ихъ праздничные дни не позволялъ имъ зажигать обязательныя для нихъ свѣчи безъ того, чтобы они не уплатили ему за то денежную повинность.

Выведенные изъ терпѣнія евреи, не находя себѣ защиты

у мѣстныхъ властей, конечно стоявшихъ на сторонѣ арендатора Одинца, прибѣгли къ особенной мѣрѣ, съ цѣлью добыть себѣ самостоятельность. Имѣніе Романово искони принадлежало Литовскимъ князьямъ Радзивиллъ, которые его бросили въ то время, когда Императрица Екатерина требовала, чтобы всѣ польскіе и литовскіе помѣщики Бѣлоруссіи приняли русское подданство. У князя же Радзивилла были огромныя имѣнія на Волыни, поэтому онъ пожертвовалъ Романовымъ. Могилевскіе поляки любятъ поэтому случаю вспоминать слова тогдашняго князя Радзивилла, который, будто бы, сказалъ посланному отъ Императрицы: „скажите ей, что я ей дарю Романово на шпильки....“ Какъ бы то ни было, но имѣніе Романово было взято въ казну; при отсутствіи документовъ, ему была составлена опись, а когда это имѣніе было пожаловано князю Іонѣ Доидукову, то по этой же описи было сдано имѣніе. Евреи это знали и вдругъ начали увѣрять, что вся земля подъ м. Романово,—та земля, на которой были выстроены ихъ дома,—имъ была подарена князьями Радзивиллами. Эта претензія была не на словахъ, а обратилась въ законный искъ въ судебныхъ инстанціяхъ, и изъ-за этого завязалось огромное дѣло.

Вопросъ этотъ имѣлъ большую важность, ибо евреи по закону не пользовались правомъ владѣнія землею, и по поводу Романово евреями была сдѣлана первая попытка добиться этого права. Обстоятельства благопріятствовали евреямъ: нельзя было надѣяться получить отъ князей Радзивиллъ какихъ бы то ни было документовъ, а у евреевъ были какіе-то документы, ими-же сфабрикованные, которые они пустили въ ходъ. Дѣло это имѣло такую важность для евреевъ всей Россіи, что для поддержки этого дѣла производился денежный сборъ съ евреевъ по всей Россіи, собирались деньги и за границею, и на этотъ предметъ сдѣлалъ большое денежное пожертвованіе самый богатый въ мірѣ еврей, Лондонскій банкиръ Мон-

тефіори. Если бы только удалось Романовскимъ евреямъ добиться признанія за ними права владѣнія землею въ м. Романово, то навѣрное во всѣхъ концахъ Россіи были бы возбуждены евреями дѣла подобнаго рода.

Очень можетъ быть, что при помощи подкупа, евреи какъ нибудь, безъ шума, провели бы благополучно свое дѣло, но Михаилъ Александровичъ Карсаковъ, имѣя связи въ Петербургѣ, успѣлъ разъяснить этотъ вопросъ; на него стали смотрѣть очень серьезно, и не смотря на всѣ старанія и деньги евреевъ, 31 мая 1826 года за № 3171, воспослѣдовало рѣшеніе Могилевскаго главнаго суда 2-го Департамента о томъ, что евреи не имѣютъ права осѣдлости въ м. Романово. Евреи попытались обжаловать это рѣшеніе, но указомъ Правительствующаго Сената въ Могилевское губернское правленіе отъ 24 ноября 1827 г. за № 3955, апелляціонная жалоба Романовскихъ евреевъ была оставлена безъ уваженія. Земля м. Романово была признана принадлежащею княгинѣ Вѣрѣ Іоновнѣ Дондуковой-Карсаковой, а евреямъ велѣно оттуда выселиться. Само собою разумѣется, что лишь только евреи проиграли дѣло, они смирились и выпросили у Михаила Александровича Карсакова позволеніе остаться въ Романовѣ, платя ежегодно владѣльцу такъ называемыя Пляцевыя деньги (по 1 коп. за квадратную сажень занятой евреями земли подъ строеніе или огородъ).

Съ другой стороны, Михаилу Александровичу Карсакову удалось развязаться и съ арендаторомъ Одинцемъ, который согласился уничтожить свой контрактъ. На это побудило его главнымъ образомъ то, что озлобленные противъ него евреи и крестьяне хотѣли его убить. Съ уходомъ арендатора, въ Романово былъ поставленъ хорошій управляющій, и въ имѣніи были устроены хорошіе порядки.

Все это дѣло съ Романовскими евреями и съ арендаторомъ Одинцемъ даетъ поводъ къ обвиненію князя Никиты

Ивановича Дондукова-Карсакова и въ крайнемъ легкомыслiи, и въ равнодушiи къ участи людей, находившихся въ его зависимости; но такое обвиненiе было бы вполнѣ несправедливо. Князь Никита Ивановичъ дѣйствительно попалъ въ обманъ подписаннымъ имъ съ арендаторомъ контрактомъ, онъ очень соболѣзновалъ о томъ, что дѣлалось въ Романовѣ съ крестьянами и евреями, но помочь этому онъ не могъ. Князь Никита Ивановичъ, при душевной добротѣ своей, былъ все-таки помѣщикъ съ понятiями и привычками того времени и той среды, въ которыхъ онъ жилъ; а каковы были понятiя той среды, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа.

Когда по поводу устройства вышеупомянутыхъ дѣлъ Михаилъ Александровичъ Карсаковъ прибылъ въ Романово, то онъ счелъ нужнымъ познакомиться съ ближайшимъ по Романовскому имѣнiю сосѣдомъ, княземъ Евгенiемъ Любомiрскимъ, у котораго въ той мѣстности было до 10.000 душъ крестьянъ. Этотъ князь Любомiрскiй былъ настоящiй польскiй магнатъ, около котораго ухаживало все мелкое дворянство польское и всѣ мѣстные чиновники. Князь Любомiрскiй принялъ Михаила Александровича Карсакова очень любезно, посадилъ его возлѣ себя за обѣдомъ, гдѣ было до тридцати персонъ всякаго разбора, такъ какъ князь жилъ открыто. За обѣдомъ онъ спросилъ своего гостя: зачѣмъ онъ собственно пріѣхалъ въ Романово? Михаилъ Александровичъ отвѣтилъ, что онъ пріѣхалъ заняться хозяйствомъ въ имѣнiи. Услышавъ это, польскiй магнатъ разразился громкимъ смѣхомъ и сказалъ: „Что вы дѣлаете, любезный князь, ужели вы намѣрены хозяйничать? вѣдь на то есть управляющiе...“ Всѣ гости одобрили эти слова князя громкимъ смѣхомъ. Вотъ какъ въ то время понимались обязанности помѣщиковъ. Можно ли послѣ этого винить князя Никиту Ивановича, за то, что онъ имѣлъ лишь пониманiя своего вѣка?

За то князь Никита Ивановичъ сдѣлалъ то, что на его

мѣстѣ едва ли бы сдѣлалъ другой человѣкъ. Онъ просто, честно и добродушно сознался свое неумѣнье вести дѣла по управленію имѣніями и добровольно передалъ это дѣло Михаилу Александровичу Карсакову, выговоривъ себѣ, чтобы ему не мѣшали имѣть конскій заводъ и чтобы ему давали сколько нужно денегъ на его собственныя надобности, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказался и отъ заботъ по содержанію дома и лицъ всего семейства. Князь Никита Ивановичъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ во всю жизнь свою выдержалъ свой характеръ—никогда и ни въ чемъ онъ не мѣшалъ Михаилу Александровичу, никогда онъ не дѣлалъ ему непріятностей, а въ отношеніи денегъ, онъ былъ такъ деликатенъ, что приходилось удивляться тому, какъ мало онъ тратилъ на себя денегъ,—онъ, который прежде расходовалъ деньги безъ счета. Вообще должно сказать, что онъ въ домѣ поставилъ себя такъ, чтобы никому не быть въ тягость, онъ горячо любилъ свою семью и своихъ родственниковъ, всегда со всѣми былъ добръ и любезенъ.

Въ тотъ же промежутокъ времени, о которомъ мы разсказывали, т. е. съ 1820 по 1826 г. князь Никита Ивановичъ подвергся еще новому искушенію со стороны калмыковъ. У нихъ, на Волгѣ, вводились новые порядки, которые имъ не совсѣмъ нравились, и вотъ, однажды, прибыла въ Петербургъ настоящая депутація калмыковъ Бага-Цохурскаго улуса, того самаго, который составлялъ родовое наслѣдіе князей Дондуковыхъ,—съ цѣлью убѣдить князя Никиту Ивановича исходатайствовать у Государя Императора о возвращеніи этого улуса въ родъ князей Дондуковыхъ.

Къ этому дѣлу примѣшивалось еще другое дѣло, весьма щекотливое, а именно: Ханъ-Дондукъ-Омбо былъ очень богатъ; богатство это, по восточному обычаю заключалось въ золотыхъ и серебряныхъ деньгахъ и вещахъ, а также въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ; все это хранилось у князя

Алексѣя Дондукова въ Енотаевской крѣпости, задѣлапное въ боченкахъ; кромѣ того было много оружія, сѣделъ, уздечекъ въ дорогихъ оправахъ, а также много ковровъ и другихъ богатствъ. Послѣ смерти князя Іоны Дондукова, Марія Васильевна, вдова его, вмѣстѣ съ малою дочерью Вѣрою, ѣздила въ Енотаевскъ къ деверю своему, князю Алексѣю Дондукову, который принялъ ее хорошо и показалъ ей всѣ свои богатства, завѣщая ихъ своей племянницѣ, княжнѣ Вѣрѣ Дондуковой, имѣвшей тогда два года отъ роду. Послѣ того, Марія Васильевна вернулась въ Петербургъ; князь Алексѣй Дондуковъ въ скорости умеръ; его улусъ былъ отобранъ въ казну, а богатства его оставались въ Енотаевской крѣпости. Они составляли законное наслѣдство для юной княжны Вѣры Іоновны Дондуковой, такъ какъ кромѣ нея, другихъ наслѣдниковъ не было въ родѣ Дондуковыхъ. Бывшій въ то время Астраханскій губернаторъ, черезъ довѣренное лицо, предложилъ княгинѣ Маріи Васильевнѣ Дондуковой уступить ему все имущество, оставшееся послѣ князя Алексѣя Дондукова, какъ не подходящее для женщины, и далъ за это одинъ милліонъ рублей ассигнаціями; покупку эту онъ совершалъ кажется не для себя, а для другаго лица. Княгиня Марія Васильевна не согласилась на это предложеніе, долго хлопотала о признаніи ея правъ на наслѣдство, отправила за полученіемъ его своего брата Василія Васильевича Карсакова, который и принялъ это наслѣдство по какой-то описи, давъ въ томъ росписку, но когда открыли боченки и сундуки, то въ нихъ, вмѣсто брилліантовъ, оказались граненыя стекла, вмѣсто жемчуга—бусы, вмѣсто серебряныхъ блюдъ и кубковъ—посуда изъ олова,—однимъ словомъ всѣ вещи были подмѣнены; жаловаться на это дѣло было некому; это происходило въ царствованіе Императрицы Екатерины II, когда въ силѣ былъ князь Потемкинъ, а Астраханскій губернаторъ приходился ему родственникомъ. Во всю жизнь свою княгиня Марія Ва-

сильевна Дондукова не могла равнодушно говорить про это дѣло; она сама видѣла тѣ дорогія вещи, какія были у ея деверя, а ей достались вещи другія и безцѣнныя. И послѣ 1820 г., когда не стало князя Потемкина, старушка была готова возбудить дѣло о наслѣдствѣ послѣ князя Алексѣя Дондукова, но не знала какъ, а тутъ, какъ нарочно, появились калмыки съ приглашеніемъ просить о возвращеніи въ родъ князей Дондуковыхъ Бага-Цохурскаго улуса—значитъ, кстати, можно было возбудить дѣло о наслѣдственномъ имуществѣ. Князь Никита Ивановичъ Дондуковъ-Карсаковъ и княгиня Марія Васильевна Дондукова сильно желали снова поднять оба дѣла, и не мало трудовъ стоило Михаилу Александровичу Карсакову чтобы отговорить ихъ отъ этого неблагодарнаго процесса, однако онъ въ этомъ успѣлъ и родъ князей Дондуковыхъ-Карсаковыхъ окончательно распростился съ калмыками.

Итакъ князь Никита Ивановичъ Дондуковъ-Карсаковъ пересталъ быть дѣятелемъ въ дѣлахъ своего семейства, передавъ всѣ о томъ заботы Михаилу Александровичу Карсакову. Мы не можемъ сказать въ какомъ именно году это состоялось, а потому мы отнесли это къ періоду времени между 1820 и 1826 годами. За то можемъ указать съ достовѣрностію на время, когда совершились два слѣдующія событія. 1 февраля 1827 г. на дворянскихъ выборахъ, князь Никита Ивановичъ отказался отъ должности Гдовскаго Предводителя дворянства, которую онъ, такъ сказать, передалъ Михаилу Александровичу Карсакову, конечно съ согласія дворянъ. Этимъ самымъ Михаилъ Александровичъ получилъ вѣсъ и значеніе въ губерніи и уѣздѣ.

Другое дѣло князя Никиты Ивановича состояло въ слѣдующемъ. Въ 1820 г. онъ самъ, вмѣстѣ съ исходящимъ отъ него потомствомъ, былъ пожалованъ титуломъ князя, съ правомъ принять фамилію „Дондуковъ-Карсаковъ“. Но его потомство состояло изъ единственной дочери Маріи, которая вы-

шедшій замужъ за Михаила Александровича Карсакова, этимъ самымъ утратила и княжескій титулъ, и фамилію Дондуковыхъ-Карсаковыхъ. Когда у этой дочери его родилось нѣсколько сыновей, то князь Никита Ивановичъ просилъ у Государя Императора разрѣшенія, дабы какъ княжескій титулъ, такъ и фамилія „Дондуковъ-Карсаковъ“ перешли къ Михаилу Карсакову со всѣмъ исходящимъ его потомствомъ, на что и воспослѣдовало Всемилостивѣйшее разрѣшеніе, указомъ отъ 26 іюня 1829 г.

5 августа 1826 г. скончалась въ сел. Верхоляне Агафья Григорьевна Карсакова, мать князя Никиты Ивановича Дондукова-Карсакова; она уже нѣсколько лѣтъ не вставала съ постели, будучи разбита параличемъ. Съ ея смертью прекратилось пребываніе всей семьи въ сел. Верхоляне. Всѣ переѣхали жить въ Петербургъ, въ собственный домъ на Большой Подъяческой улицѣ, а лѣтомъ жили на дачѣ Рощинской, близъ Ораніенбаума. Съ этого времени вся дѣятельность въ семьѣ досталась на долю князя Михаила Александровича Дондукова-Карсакова, а князь Никита Ивановичъ Дондуковъ-Карсаковъ устроилъ себѣ жизнь совершенно самостоятельную, отвѣчающую его вкусамъ, и этотъ новый фазисъ его жизни мы будемъ описывать.

Около тысяча восемьсотъ тридцатыхъ годовъ аристократическія привычки были еще въ большой силѣ въ Петербургѣ, гдѣ любили щеголять экипажами, прислугою въ ливреяхъ и всякими барскими затѣями. Въ Петербургѣ въ то время насчитывалось много знатныхъ домовъ, гдѣ жизнь велась на широкую ногу, гдѣ гостепріимство было радушное, гдѣ за обѣдъ садилось человѣкъ двадцать гостей, которыхъ весьма часто почти и не знали хозяева, а званы они были только потому, что эти чисто русскіе хлѣбосолы съ ними гдѣ нибудь встрѣтились и тотчасъ же звали ихъ къ себѣ на обѣдъ. Таковы были тогдашніе нравы русскаго дворянства, которые

строго осуждать нельзя, потому что они замѣнились худшимъ обычаемъ—эгоизмомъ.

Князь Никита Ивановичъ Дондуковъ-Карсаковъ по своему нраву и привычкамъ былъ настоящій представитель этого типа русскихъ дворянъ того времени. У него былъ домъ открытый для всѣхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ—обѣдать къ нему приходили безъ зову, сами хозяева никогда не знали сколько лицъ будутъ кушать за столомъ. Домъ князя Никиты Ивановича былъ изъ тѣхъ домовъ высшаго петербургскаго общества, куда охотно пріѣзжали къ обѣду и на вечеръ; княгиня Вѣра Іоновна Дондукова-Карсакова была очень любезная хозяйка, ее любили и цѣнили въ обществѣ. Мы говоримъ о князѣ Никитѣ Ивановичѣ и о княгинѣ Вѣрѣ Іоновнѣ, какъ о хозяевахъ дома, потому собственно, что они были старшіе, и при жизни княгини, какъ князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ, такъ и жена его, никогда себя не считали хозяевами дома.

Вотъ образчикъ тогдашнихъ аристократическихъ обычаевъ. Князь Никита Ивановичъ требовалъ, чтобы жена его не выѣзжала иначе какъ въ большой каретѣ съ гербами, запряженной четверкою красивыхъ лошадей своего завода, кучеръ и форейторъ, щегольски одѣтые, а на запяткахъ два лакея въ треугольныхъ шляпахъ съ галунами, въ красныхъ ливреяхъ съ галунами же, на которыхъ былъ вытканъ гербъ князей Дондуковыхъ-Карсаковыхъ. Самъ же князь Никита Ивановичъ ѣздилъ въ колескѣ или въ дрожкахъ, безъ лакея, или верхомъ. Существовалъ въ Петербургѣ обычай, который нынѣ вывелся, а именно: 1 мая каждаго года было большое гулянье въ Екатерингофѣ, предмѣстьи Петербурга,—оно было заведено еще Петромъ Великимъ,—вся Петербургская знать, купечество и простой народъ считали какъ бы долгомъ принять участіе въ этомъ гуляньи. У князя Никиты Ивановича былъ обычай къ этому дню и къ этому гулянью приводить изъ де-

ревни новыхъ, красивыхъ лошадей, заказывать новые экипажи и щеголять ими; въ этотъ день за каретою стояли два лакея въ ливреяхъ, въ чулкахъ и башмакахъ и съ напудренными волосами. Мы сами, будучи дѣтьми, ѣздили на это гулянье при такой обстановкѣ. Въ тысяча восемьсотъ сороковыхъ годахъ всѣ эти затѣи начали изчезать, и въ настоящее время можно, безошибочно, сказать, что онѣ совсѣмъ изчезли.

Въ 1831 г. скончалась старушка княгиня Марія Васильевна Долгорукова, будучи 68 лѣтъ отъ роду, а два года спустя, въ 1833 г., скончалась и дочь ея, княгиня Вѣра Іоновна Долгорукова-Карсакова, на 52 году своей жизни.

Съ этого времени у князя Никиты Ивановича установилась жизнь съ новыми оттѣнками въ его нравахъ и привычкахъ. Вся его прежняя аристократическая обстановка изчезла, быть можетъ потому, что на нее прошла мода. Князь Никита Ивановичъ держалъ экипажъ обыкновенный, иногда ѣздилъ на извощикахъ, небрежно относился къ своимъ платьямъ, такъ что дочь его замѣтивъ на немъ что либо поношенное, тотчасъ заказывала ему новое, за что онъ иногда сердился, потому что изъ деликатности не хотѣлъ чтобы на него были лишніе расходы. Онъ въ домѣ устроилъ цѣлый музей разныхъ рѣдкостей, какъ-то: картинъ, китайскихъ вещей, римскихъ древностей, этрусскихъ вазъ и всякихъ вещей, которыя онъ покупалъ по-случаю и всегда по дешевой цѣнѣ; очень дорогихъ картинъ и вещей онъ не покупалъ. Въ Петербургѣ его часто можно было встрѣтить на толкучемъ рынкѣ, гдѣ онъ дѣйствительно пріобрѣталъ замѣчательныя рѣдкости и за безцѣнокъ. Какъ знатокъ въ живописи, князь Никита Ивановичъ попалъ въ члены Академіи Художествъ и былъ, въ полномъ смыслѣ, покровителемъ и меценатомъ для начинающихъ художниковъ. Много ихъ вышло въ люди благодаря добрымъ совѣтамъ по части живописи имъ даваемымъ или по

рекомендаціи его, или въ силу того, что онъ имъ доставлялъ работу и даже помогалъ деньгами. Въ кружкѣ артистовъ и художниковъ дѣятельность князя Никиты Ивановича выказалась самымъ благодѣтельнымъ образомъ; всѣ артисты и художники его любили искренно, и со всѣми онъ былъ добръ, ласковъ и обходителенъ.

Приведемъ для образца, одинъ изъ многихъ эпизодовъ доброты князя Никиты Ивановича.

То было въ 1835 году; однажды, на почтовой станціи Ямкино, увидалъ онъ молодаго юношу, ожидавшаго, чтобы ему подали лошадей. Князь спросилъ его: куда онъ ѣдетъ? тотъ отвѣтилъ: въ Петербургъ. Зачѣмъ? спрашиваетъ князь. Опредѣлиться въ университетъ, отвѣчаетъ юноша,—буду держать экзаменъ. Надѣетесь ли вы выдержать экзаменъ? спрашиваетъ князь. Я вышелъ первымъ ученикомъ изъ Смоленской гимназіи, а потому думаю и надѣюсь, что выдержу экзаменъ. Есть у васъ аттестатъ? Есть. Покажите его. Юноша вынулъ изъ чемодана свой аттестатъ. Князь его прочелъ и похвалилъ юношу, а затѣмъ спросилъ его: есть ли у него въ Петербургѣ родные или знакомые? Отвѣтъ былъ таковъ, что ни родныхъ ни знакомыхъ нѣтъ. Какъ же вы, молодой человѣкъ, рѣшились ѣхать въ Петербургъ,—этотъ опасный для молодежи городъ,—не имѣя тамъ ни родныхъ ни знакомыхъ? Хочется получить высшее образованіе, отвѣчаетъ юноша. „Эй, человѣкъ!“ закричалъ князь, „принеси сюда мою шкатулку.“ Князь сѣлъ къ столу, вынулъ изъ шкатулки бумагу, перо, чернильницу и началъ что-то писать, а юноша стоялъ предъ нимъ, не зная что подумать. Окончивъ свое писаніе, князь отдалъ юношѣ одно письмо, говоря: „это письмо къ Помощнику Попечителя Петербургскаго учебнаго округа, князю Волконскому, отдайте его лично; я его прошу обратить вниманіе на васъ и помочь вамъ при вступленіи въ университетъ. Другое же письмо я написалъ къ управляющему моимъ домомъ въ Петер-

бургѣ и поручилъ ему, на все время моего отсутствія, т. е. на два мѣсяца, помѣстить васъ въ моихъ комнатахъ и кормить васъ, а такъ какъ мои лошади и коляска въ Петербургѣ, то я пишу, чтобы васъ отвозили въ университетъ и оттуда привозили,—вѣдь мои лошади ничего не дѣлаютъ. Но вотъ еще что, вы отправляетесь въ Петербургъ, тамъ безъ денегъ быть нельзя, вамъ еще нужно себѣ сдѣлать студенческую форму, а есть ли у васъ деньги"?—Не безпокойтесь, есть деньги, сказалъ сконфуженный и тронутый юноша. Покажите, сколько у васъ денегъ, сказалъ князь. Пришлось показать деньги; ихъ оказалось только 25 руб., да немного серебра и мѣди. Вамъ этого мало, сказалъ князь, и тутъ же вынулъ изъ бумажника 50 руб., которые съ улыбкой отдалъ юношѣ, а тотъ, тронутый до слезъ его отеческою заботливостью, поцѣловалъ его руку. Князь Волконскій оказалъ юношѣ ласковый пріемъ и во многомъ ему помогъ; юноша два мѣсяца жилъ въ домѣ князя Никиты Ивановича, а когда князь вернулся, то онъ его потребовалъ къ себѣ и съ участіемъ его распрашивалъ.

Этотъ поступокъ князя Никиты Ивановича оставался неизвѣстнымъ въ его семействѣ. Его намъ разсказалъ, лишь 3 декабря 1885 года, самъ, нѣкогда бывшій юноша, а нынѣ 66-ти лѣтній старикъ, помѣщикъ Павелъ Александровичъ Лидовъ, который на столько чтитъ память князя, что и онъ и вся его семья считаютъ его своимъ благодѣтелемъ. Вотъ каковъ былъ князь Никита Ивановичъ.

Князь Никита Иваповичъ, пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ, каждый день, не смотря на погоду, выѣзжалъ кататься, или дѣлалъ визиты, по утрамъ же сидѣлъ дома, въ своемъ музеѣ, и читалъ какую нибудь книгу и газеты. По вечерамъ онъ не любилъ читать, а потому у него установилась привычка, сохранившаяся до самаго конца его жизни, а именно каждый вечеръ быть въ театрѣ. Онъ съ одинаковымъ удо-

вольствіемъ слушалъ оперу или пьесу въ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ театрѣ или смотрѣлъ балетъ; любилъ онъ бывать и въ циркѣ, въ звѣринцахъ, въ панорамахъ; все его интересовало, все ему доставляло удовольствіе. Какая противоположность съ нынѣшнимъ поколѣніемъ, гдѣ молодые люди вездѣ скучаютъ и всѣмъ наскучены. Если бы князь Никита Ивановичъ сохранилъ свои прежнія аристократическія замашки, то, конечно, онъ въ театрахъ рисовался бы въ первомъ ряду, но нѣтъ, деликатный старикъ не хотѣлъ много тратить денегъ на себя: у него было въ каждомъ театрѣ его завѣтное кресло въ четвертомъ ряду, гдѣ плата была ниже, чѣмъ въ первыхъ трехъ рядахъ. То было второе кресло отъ средняго прохода, подъ самою люстрою. Часто, подъ конецъ жизни своей, въ этомъ креслѣ добродушный старикъ предавался сну, но всетаки для него было необходимостію каждый вечеръ проводить въ театрѣ. Не пропускалъ онъ и концертовъ, и надобно отдать ему справедливость,—въ музыкѣ онъ былъ знатокъ.

Вотъ еще достойная черта князя Никиты Ивановича. Люди въ его положеніи всегда имѣютъ въ себѣ нѣсколько честолюбія и по возможности пріискиваютъ себѣ какую нибудь дѣятельность, могущую ихъ выставить передъ людьми. У него же не было такого честолюбія; онъ себѣ добывалъ дѣятельность служебную, но весьма скромную. Онъ былъ членъ Тюремнаго Комитета и Комитета для призрѣнія нищихъ. Про эту дѣятельность его никто не зналъ, а между тѣмъ она была въ высшей степени благотворна. Князь Никита Ивановичъ усердно посѣщалъ тюрьмы, слушалъ жалобы арестантовъ, старался о томъ, чтобы ихъ хорошо кормили и одѣвали, разговаривалъ съ заключенными, назидалъ ихъ и утѣшалъ. Когда же отправлялась партія арестантовъ въ Сибирь, то князь Никита Ивановичъ непремѣнно присутствовалъ при ихъ отправкѣ и наблюдалъ, чтобы они были хорошо одѣты и чтобы тю-

ремный священникъ ихъ благословилъ въ путь. Старикъ любилъ эту дѣятельность, она была ему по сердцу, по его доброму сердцу.

За то когда ему приходилось разбирать нищихъ, арестованныхъ полиціею на улицахъ, то роль князя Никиты Ивановича измѣнялась: тутъ онъ являлся строгимъ, укорялъ здоровыхъ тунеядцевъ, давалъ совѣты на счетъ пріисканія работы, иногда брался отыскивать нищимъ работу, и, конечно, все это необходилось безъ того, чтобы онъ кому нибудь изъ нищихъ не сунулъ въ руку сколько нибудь денегъ. Особенно грознымъ онъ бывалъ въ отдѣленіи нищихъ дѣтей и маленькихъ бродягъ; онъ ихъ журилъ безъ церемоніи и если услышитъ отъ смотрителя тюрьмы жалобу на проказы котораго либо изъ заключенныхъ, то онъ его слегка, для острастки, выдеритъ за уши; но дѣти его не боялись, а любили,—онъ усядется, бывало, у нихъ въ камерѣ, ласково разговариваетъ съ ними и смѣется отъ души, слушая ихъ разсказы.

Однажды былъ съ нимъ такой случай. Приходитъ онъ въ отдѣленіе заключенныхъ малолѣтнихъ въ тюрьмѣ, ему показываютъ только что приведеннаго изъ полиціи четырнадцати-лѣтняго мальчика, взятаго за прошеніе милостыни на улицѣ, мальчика глухонѣмаго, ни слова не говорящаго. Пробовалъ онъ съ нимъ говорить, но тотъ не отвѣчаетъ. По выходѣ изъ этого отдѣленія, смотритель тюрьмы высказалъ подозрѣніе, что этотъ мальчикъ притворяется. Князь Никита Ивановичъ придумалъ вотъ-что: онъ позвалъ двухъ мальчиковъ изъ того отдѣленія, гдѣ былъ глухонѣмой, и обѣщалъ имъ по гривенничку, если они заставятъ заговорить притворщика. И что же? На другой день мальчики объявляютъ князю, что глухонѣмой заговорилъ; онъ спрашиваетъ какъ они этого добились, и ловкіе мальчуганы разсказываютъ ему, что они нарочно передъ глухонѣмымъ завели долгій споръ о томъ, откуда онъ родомъ? Одинъ говорилъ, что онъ похожъ на чу-

хонца и должно быть изъ подъ Выборга, другой говорилъ, что онъ должно быть изъ нѣмцевъ. Выведенный изъ терпѣнія этимъ споромъ, глухонѣмой заговорилъ и сказалъ: „что вы врете, я русскій!“ Мальчики получили за это по гривеннику, а князь Никита Ивановичъ отправился въ камеру и строгимъ голосомъ спросилъ у мнимо глухонѣмаго: „Откуда ты?“ Каково же было его удивленіе, когда онъ услышалъ такой отвѣтъ: „я крѣпостной Вашего Сіятельства, изъ села Верхолянъ.“ Этого мальчика надлежало отправить по этапу на родину, и князь Никита Ивановичъ взялся самъ его туда свезти, такъ какъ онъ долженъ былъ ѣхать туда черезъ нѣсколько дней. Такъ и сдѣлалось: князь Никита Ивановичъ вскорѣ выѣхалъ изъ Петербурга въ своей коляскѣ; на козлахъ сидѣлъ его лакей, на запяткахъ былъ привязанъ мягкій кожанный чемоданъ, на который посадили бывшаго глухонѣмаго; но не доѣзжая села Верхолянъ, по пріѣздѣ на одну почтовую станцію, не оказалось ни глухонѣмаго, ни чемодана, на которомъ онъ сидѣлъ, и тутъ только старый князь догадался, что онъ благодѣтельствовалъ ловкому воришкѣ.

Вотъ еще случай изъ его жизни. Въ сороковыхъ годахъ весь Петербургъ плѣняла танцовщица Тальони; доступъ въ балетъ въ то время былъ настолько труденъ, что на русскомъ театрѣ былъ поставленъ смѣшной водевиль, гдѣ было представлено, какъ лица, приходящія въ кассу театра за билетомъ, приходятъ въ отчаяніе потому что не могутъ ничего получить и поэтому поводу было много смѣшныхъ сценъ. Вотъ однажды, одинъ изъ актеровъ взялъ пальто кн. Никиты Ивановича, его фуражку, калоши и прошелъ по сценѣ, такъ ловко подражая походкѣ и осанкѣ кн. Никиты Ивановича, что вся публика, знавшая стараго князя (въ Петербургѣ, впрочемъ, почти всѣ его знали), не утерпѣла и закричала „браво“, и добродушный князь Никита Ивановичъ, едва-ли не громче всѣхъ, тоже кричалъ: „браво!“

Князь Никита Ивановичъ былъ большой охотникъ до верховой ѣзды, ѣздилъ верхомъ онъ и въ старости и лишь за нѣсколько лѣтъ передъ смертью онъ долженъ былъ отказаться отъ этого удовольствія. Въ замѣнъ его онъ создалъ себѣ другой интересъ: лѣтомъ, живя въ имѣніи Глубокое, въ Опочецкомъ уѣздѣ, вмѣстѣ со всею семьею, онъ въ рощахъ расчищалъ дорожки, копалъ канавы, исправлялъ дороги, и вообще интересовался земляными работами; въ его полномъ распоряженіи было четыре человѣка рабочихъ, съ которыми онъ разговаривалъ, которыхъ онъ иногда награждалъ, иногда побранивалъ, но эти работы занимали его до конца жизни и надобно сказать, что эти работы сами по себѣ были полезны, а прочищенныя въ рощахъ дорожки были пріятны для прогулки.

Въ семьѣ своей князь Никита Ивановичъ всегда старался никому не быть въ тягость; онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, читалъ книги и газеты, всегда былъ радъ, когда кто нибудь подсядетъ къ нему для разговора; онъ былъ всегда веселаго нрава, любилъ шутить, умѣлъ разговаривать съ дѣтьми, въ осенніе вечера въ деревнѣ любилъ съ ними играть въ карты, въ дурачки, и въ семьѣ всѣ любили добраго старика, который никому не мѣшалъ, а всѣхъ любилъ и гордился своими внуками и внучками, потому что родственныя и семейныя связи были дороги его сердцу.

До самаго конца жизни, онъ пользовался необыкновенно крѣпкимъ здоровьемъ, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить то, что онъ всегда имѣлъ привычку ужинать холодною окрошкою съ квасомъ, съ лукомъ, съ крутыми яйцами; его желудокъ хорошо переваривалъ, и излишнее обремененіе его нисколько не тревожило его сна.

Кажется въ концѣ сороковыхъ годовъ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ праздновалъ свой юбилей. По этому случаю въ Петербургѣ, во Дворцѣ, былъ парадный обѣдъ для служащихъ и

служившихъ въ этомъ полку. Князь Никита Ивановичъ оказался самымъ старшимъ офицеромъ этого полка и долженъ былъ сидѣть по правую руку Государя Императора, но онъ эту честь предоставилъ Государственному Канцлеру, графу Нессельроде, который въ этомъ полку былъ немногимъ его моложе и, что весьма курьезно, Государемъ Павломъ Петровичемъ былъ изъ этого полка исключенъ и опредѣленъ къ штатскимъ дѣламъ, какъ сказано въ приказѣ: „за безобразную фигуру.“ Дѣйствительно, графъ Нессельроде былъ очень малаго роста и не красивъ собой.

Князь Никита Ивановичъ Дондуковъ-Карсаковъ скончался 3 іюля 1857 г. и погребенъ въ родовомъ склепѣ, въ сел. Полоная. Онъ умеръ 81 года отъ роду, оставивъ по себѣ добрую память въ семьѣ, у родныхъ, у друзей и у всѣхъ, кто только зналъ его.

Князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Карсаковъ.

Первую половину жизни князя Михаила Александровича Дондукова-Карсакова мы уже разсказали, потому что она была въ тѣсной связи съ событіями, касающимися жизнеописанія князя Никиты Ивановича Дондукова-Карсакова, а въ силу этого мы будемъ передавать то, что было съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, начиная съ 1826 года.

Онъ находился въ отставкѣ съ 3-го декабря 1820 г., а 22 августа 1826 г. онъ вновь поступилъ на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, состоя чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Съ 1-го же февраля 1827 г. по 1830 г. онъ служилъ по выборамъ, состоя уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Гдовскомъ уѣздѣ. Въ 1830 г. князь Михаилъ Александровичъ былъ опредѣленъ Совѣстнымъ Судьею, съ состояніемъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Должность эта въ настоящее время упразднена, но въ прежнее время

она имѣла большое значеніе. Совѣстный Судъ—было учрежденіе, въ которомъ, съ согласія спорящихъ, безъапеляціонно разрѣшались всѣ ссоры между дворянами, какъ тяжебныя, такъ и семейныя. Къ этому суду любили прибѣгать дворяне во всѣхъ своихъ семейныхъ щекотливыхъ дѣлахъ. Судъ этотъ по закону замѣненъ Третейскимъ Судомъ, но онъ почему-то не привился и остается почти мертвою буквою закона. Совѣстныхъ Судей избирало само дворянство на губернскихъ выборахъ, а насколько князь Михаилъ Александровичъ оказался годнымъ для столь благородной дѣятельности, видно изъ того, что по прошествіи трехлѣтія онъ былъ вновь избранъ дворянствомъ на эту должность. Эта дѣятельность, которую очень любилъ князь Михаилъ Александровичъ, дала ему возможность сдѣлать много добра; онъ никогда не тяготился употреблять всѣ усилія для примиренія недовольныхъ другъ другомъ супруговъ, или спорящихъ между собою родственниковъ; много онъ обезпечилъ сиротъ и вдовъ, и мы помнимъ случай, когда судившіеся приходили его благодарить за его праведный судъ. Благодаря этой должности, за которую не полагалось никакого жалованья, князь Михаилъ Александровичъ могъ жить не въ Гдовѣ, а въ Петербургѣ, гдѣ воспитаніе его старшихъ сыновей дѣлало это пребываніе необходимымъ.

Въ 1832 году въ Петербургѣ свирѣпствовала сильная холера; князь Михаилъ Александровичъ отправилъ свою семью на дачу въ Ораніенбаумъ, а самъ, оставшись въ Петербургѣ, съ полнымъ самоотверженіемъ принялъ на себя должность попечителя адмиралтейской части, для надзора и ухода за больными, за что и былъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст.

Въ томъ же году, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ назначенъ членомъ Общества для поощренія лѣснаго хозяйства, такъ какъ онъ былъ очень свѣдущъ по всѣмъ отрас-

лямъ сельскаго хозяйства и слѣдилъ за всѣми по этой части заграничными изданіями.

Въ это же время Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ назначенъ графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, человѣкъ необыкновенно умный и просвѣщенный, почитатель древнихъ классическихъ наукъ. Ему досталось совершить въ Россіи тотъ замѣчательный переворотъ въ воспитаніи юношества, который чувствуется доселѣ, давъ Россіи людей съ даровитыми способностями по всѣмъ отраслямъ наукъ и людей государственныхъ. До графа Уварова существовали и университеты, и гимназіи, и школы, но въ какомъ видѣ? Вотъ что такое былъ Петербургскій университетъ, который мы хорошо помнимъ въ его тогдашнемъ видѣ. Зданіе университета помѣщалось на одной изъ улицъ, примыкающихъ къ Семеновскому плацу; оно стояло на углу двухъ улицъ,—то былъ старый двухъ-этажный деревянный домъ, очень непригляднои наружности,—комнаты въ немъ были тѣсныя, домъ давно не ремонтировался, внутри и снаружи онъ былъ просто грязенъ. Профессора университета всѣ были люди старые, имѣвшіе отчасти нѣкоторыя заслуги, но въ давно минувшее время, а въ то время они могли, по справедливости, называться людьми отсталыми: въ дѣлѣ науки и педагогики, кто не идетъ впередъ, тотъ, конечно, отстаетъ. Студенты были преимущественно люди бѣдные, голодные, одѣтые въ форменные сюртуки съ краснымъ воротникомъ, часто въ лохмотьяхъ; они почти всѣ принадлежали къ тому классу общества, который смотрѣлъ на университетъ ни какъ на средство сдѣлаться человѣкомъ развитымъ и образованнымъ, но какъ на средство добыть себѣ казенное мѣсто учителя и тѣмъ обезпечить свое существованіе. Молодые дворяне, дѣти сколько нибудь состоятельныхъ родителей, получали воспитаніе дома или въ военныхъ корпусахъ, а въ университетъ не поступали или были въ такомъ, можно сказать, меньшинствѣ, что будто ни для нихъ существо-

валъ С.-Петербургскій университетъ. Мы сами въ то время воспитывались въ первой гимназіи, преобразованной изъ такъ называвшагося Благороднаго Пансіона; въ ту гимназію принимались только дѣти дворянъ и лицъ первыхъ четырехъ классовъ, и мы помнимъ какъ одинъ изъ тамошнихъ учителей, старичекъ, говорилъ воспитанникамъ: „ты дуракъ, ты свинья,“ и тому подобное, а другой учитель физики, у котораго одинъ изъ воспитанниковъ спросилъ: отчего рыба въ водѣ кажется больше? далъ такой отвѣтъ: „а кто её знаетъ.“ Про училища уже нечего говорить: въ нихъ былиучителя, были ученики, а ученіе шло плохо.

Вотъ въ какомъ видѣ принялъ Министерство Народнаго Просвѣщенія графъ Уваровъ; мы говорили только о Петербургскомъ учебномъ округѣ, положеніе котораго намъ было извѣстно, а что происходило въ округахъ: Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, о томъ мы ничего не знаемъ. Графъ Уваровъ рѣшился совершить полный переворотъ по части университетовъ, гимназій и школъ, обновить ихъ людьми новыми, а людей отсталыхъ или не понимающихъ значенія воспитанія удалять. Графу Уварову нужны были помощники въ его трудномъ дѣлѣ; онъ зналъ князя Михаила Александровича Дондукова-Карсакова, какъ человѣка умнаго и образованнаго, онъ ему предложилъ быть Попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа; князь согласился, и здѣсь начался тотъ родъ его дѣятельности, который онъ продолжалъ до конца своей службы. На эту должность князь былъ опредѣленъ по Высочайшему повелѣнію 21 апрѣля 1833 г.

Князь Михаилъ Александровичъ состоялъ Попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа девять лѣтъ; въ этотъ сравнительно краткій періодъ времени совершились по учебной части слѣдующія преобразованія: Для зданія университета отдано было прекрасное помѣщеніе на Васильевскомъ Островѣ, такъ называемыхъ Двѣнадцати Коллегій; въ немъ все

было устроено болѣе чѣмъ прилично, даже изящно, аудиторіи были свѣтлыя, просторныя, залы и коррндоръ великолѣпные, порядокъ былъ образцовый, однимъ словомъ, то былъ университетъ въ полномъ значеніи этого слова. Ректоръ, деканы, профессора, были всѣ люди новые, ученые, образованные; изъ прежнихъ профессоровъ остался, кажется, только одинъ, извѣстный во всемъ ученомъ мірѣ профессоръ математики Остроградскій,—по своей части знаменитость. При самомъ своемъ вступленіи на службу по ученой части, князь Михаилъ Александровичъ настоялъ на томъ, чтобы нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ и выдававшихся по своимъ способностямъ, были на три года отправлены за-границу, на казенный счетъ, для изученія своихъ спеціальностей и ознакомленія съ заграничными методами преподаванія. По возвращеніи ихъ изъ-за границы, всѣмъ имъ были даны каѳедры въ университетѣ, и слѣдуетъ сказать, что всѣ они оправдали возложенныя на нихъ надежды. Съ ихъ появленіемъ началась новая эра въ университетѣ,—это скажутъ всѣ лица, имѣвшія счастіе въ то время слушать университетскіе курсы.

Съ другой стороны, съ преобразованіемъ университета начали туда поступать дѣти всѣхъ высшихъ сановниковъ и всего высшаго петербургскаго общества, что сразу придало университету привычки, пониманіе и обращеніе болѣе порядочное чѣмъ то, какое было прежде. Студенты, въ ихъ красивой формѣ, въ треугольныхъ шляпахъ и при шпагахъ, начали появляться и въ обществѣ; на балахъ, на вечерахъ, въ театрахъ, въ концертахъ, они сряду заняли въ обществѣ то положеніе, какое въ немъ занимаютъ офицеры и при томъ гвардейскіе. Многія лица изъ этой молодежи впослѣдствіи обратились въ государственныхъ людей и высшихъ сановниковъ и своими способностями доказали насколько правильно давалось имъ развитіе въ Петербургскомъ университетѣ. Тогдаш-

ніе студенты занимали почетное мѣсто въ обществѣ, а прежніе носили на себѣ отпечатокъ того типа, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ бурсы.

Князь Михаилъ Александровичъ любилъ молодежъ, онъ ее понималъ и умѣлъ съ нею обращаться, за что его молодежь любила и слушалась. Его система заключалась въ томъ чтобы въ молодыхъ людяхъ отличать тѣ проявленія молодости, которыя составляютъ явленія временныя и сами по себѣ безвредны, отъ тѣхъ замашекъ буйства, своеправія и безпорядочности, которыя такъ легко усвоиваются молодежью и оставляютъ въ ней корни, весьма вредные для будущности. Въ первомъ случаѣ онъ являлъ снисходительность и наставлялъ, во второмъ онъ былъ строгъ и, при упорствѣ, исключалъ виновныхъ изъ университета, чтобы не допустить ихъ заразить другихъ.

Такъ напримѣръ, студенты преобразованнаго университета задумали завести порядки, существовавшіе въ Дерптскомъ университетѣ: завели попойки, называемыя комершами, завели дуэли на шпагахъ, завели и тотъ порядокъ, что студентъ перваго курса, называвшійся фуксомъ почему-то былъ обязанъ набивать трубки студентамъ старшаго курса,—и много было еще иныхъ студенческихъ фантазій. Князь Михаилъ Александровичъ все это вывелъ безъ особенно строгихъ мѣръ, дѣйствуя болѣе наставленіями чѣмъ строгостью, онъ собиралъ студентовъ, держалъ имъ рѣчи, и эти рѣчи правились молодежи, онѣ не оскорбляли никого, въ этомъ заключалось умѣнье обращаться съ молодыми людьми. Эта заслуга была не малая въ такое время, когда напримѣръ за дуэль, участвовавшія въ ней лица безъ суда отправляемы были солдатами на Кавказъ.

Помимо университета существовалъ еще главный Педагогическій Институтъ, имѣвшій назначеніемъ готовить для Россіи профессоровъ и учителей, но этотъ институтъ почему-то не исполнилъ своего назначенія въ томъ смыслѣ, что онъ

почти-что не далъ отъ себя людей, чѣмъ либо себя выказавшихъ, и это учрежденіе было вскорѣ закрыто. Князь Михаилъ Александровичъ заботился и о Педагогическомъ Институтѣ, который онъ перевелъ въ зданіе Двѣнадцати Коллегій совмѣстно съ университетомъ, но въ этомъ дѣлѣ онъ почему-то не могъ принести большой пользы.

Дѣло гимназій, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ губернскихъ городахъ Петербургскаго округа, получило благодѣтельный толчекъ собственно потому, что на должности директоровъ и инспекторовъ гимназій князь Михаилъ Александровичъ умѣлъ выбирать людей; ему было мало того, что человѣкъ былъ ученый по части наукъ, онъ еще требовалъ, чтобы такой человѣкъ былъ добрый, дѣльный и безупречный, и такихъ людей онъ находилъ не въ одной средѣ учителей, а въ разныхъ вѣдомствахъ, даже въ военномъ. Онъ зналъ почти всѣхъ учителей гимназій, всячески поощрялъ ихъ, но за то многимъ директорамъ, инспекторамъ и учителямъ приходилось побывать въ кабинетѣ Попечителя, гдѣ онъ, глазъ на глазъ, безъ свидѣтелей, пушилъ этихъ господъ, дѣлая имъ строгія замѣчанія, но никогда не оскорбляя никого. Онъ зналъ все, что дѣлается въ гимназіяхъ его Округа, онъ часто посѣщалъ эти заведенія, онъ имъ давалъ надлежащее направленіе, и они преуспѣвали. Въ Петербургѣ было три гимназіи, онъ открылъ четвертую.

Князь Михаилъ Александровичъ обращалъ вниманіе и на училища; онъ для нихъ сдѣлалъ все, что могъ, а именно: директорами училищъ онъ назначалъ людей лично ему извѣстныхъ, избранныхъ изъ среды учителей, и благодаря этой мѣрѣ, училища тоже улучшились. Князь Попечитель хорошо зналъ свой Округъ, онъ былъ вездѣ, гдѣ существовали гимназіи и училища, былъ даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ какъ Вологда и Архангельскъ. Объѣзды свои онъ совершалъ добросовѣстно, осматривалъ заведенія не наскоро, бе-

сѣдовалъ съ учителями и начальниками, поощрялъ воспитанниковъ.

Такова была дѣятельность князя Михаила Александровича по части университета, гимназій и училищъ.

Замѣчательно то, что при столь обширной и многосложной дѣятельности князь Михаилъ Александровичъ не покидалъ той должности, которая ему досталась по выборамъ дворянства; онъ выслужилъ и второе трехлѣтіе въ качествѣ Совѣстнаго Судьи; онъ не тяготился этимъ занятіемъ, доставлявшимъ ему много радостей, когда удавалось ему примирять враждовавшихъ между собою дворянъ. Онъ эту должность оставилъ лишь въ Декабрѣ 1836 года.

Два года спустя, 20 Декабря 1838 г., ему, взамѣнъ того, досталась болѣе трудная дѣятельность: по Высочайшему повелѣнію онъ былъ назначенъ присутствовать въ Главномъ Управленіи Цензурою или, проще говоря, онъ сдѣлался главнымъ отвѣтчикомъ за все то, что выходило въ печати. Задача эта въ то время была весьма щекотливая: съ одной стороны Государь Николай Павловичъ не допускалъ, чтобы печать высказывала свои взгляды на правительственныя распоряженія или обнаруживала какіе либо безпорядки и неустройства въ предѣлахъ Россіи,—Онъ не давалъ печати права быть критикомъ или судьею въ дѣлѣ управленія государствомъ,—съ другой стороны печать всячески порывалась добыть себѣ тѣ права, какими пользовалась она заграницей. Цензура должна была стараться, по возможности, удовлетворять обоимъ требованіямъ; задача эта была трудно-исполнима, но князь Михаилъ Александровичъ, при своемъ умѣньи обращаться съ людьми, эту задачу разрѣшилъ къ удовольствію власти и безъ особеннаго стѣсненія печати. При немъ была цензура строгая, но разумная, въ этомъ заключалась его заслуга.

Князю Михаилу Александровичу было суждено служить развитію науки въ Россіи во всѣхъ ея видахъ. Въ 1835 го-

ду по Высочайшему повелѣнію онъ былъ назначенъ вторымъ Вице-Президентомъ Императорской Академіи Наукъ и Предсѣдательствующимъ въ Комитетѣ Правленія сей Академіи, а въ 1841 г. онъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Комитета, учрежденнаго для новаго устройства Академіи Наукъ.

Дѣло въ томъ, что Академія Наукъ было учрежденіе, о которомъ, кажется, никто не заботился; она была предоставлена самой себѣ, жила своими скудными средствами, почти ничего не печатала, въ ней было что-то сонное, которое надлежало оживить. Этимъ занялся князь Михаилъ Александровичъ и усилія его не остались безъ послѣдствій. Выходившія въ его время изданія Трудовъ Императорской Академіи Наукъ содержатъ въ себѣ массу интересныхъ свѣдѣній и матеріаловъ по всѣмъ отраслямъ наукъ,—едва ли то не было лучшее время этого изданія. При князѣ были устроены при Академіи Наукъ зоологическій кабинетъ и нѣкоторые другіе кабинеты въ новомъ роскошномъ помѣщеніи на Васильевскомъ островѣ. Наконецъ, при немъ же и благодаря его заботамъ, пришла въ цвѣтущее состояніе Пулковская обсерваторія, занявшая сразу почетное мѣсто въ ряду главныхъ обсерваторій въ Европѣ. Великолѣпное зданіе Пулковской обсерваторіи ему обязано своимъ существованіемъ. Мы здѣсь указали только на главныя улучшенія, введенныя княземъ Михаломъ Александровичемъ въ дѣлѣ Академіи Наукъ, но ихъ было много; самое его назначеніе Предсѣдателемъ Комитета, учрежденнаго для новаго устройства Академіи Наукъ, доказываетъ его дѣятельное участіе во всѣхъ совершенныхъ въ Академіи преобразованіяхъ.

Такова была дѣятельность князя Михаила Александровича Долгорукова-Карсакова по ученой и учебной части. Достигнутые его ревностной службою результаты показываютъ, что онъ былъ на своемъ мѣстѣ, и дѣйствительно онъ былъ

въ свое время—и былъ бы въ настоящее время—однимъ изъ самыхъ образованныхъ и умныхъ людей въ Россіи. Его образованность заключалась не столько въ знаніи римскихъ и греческихъ классиковъ, сколько въ пониманіи и оцѣнкѣ исторіи прошлаго и настоящаго поколѣній; онъ понималъ въ чемъ заключается развитіе человѣчества, онъ зналъ что для этого нужно дѣлать и къ тому велъ новое поколѣніе. Въ русской литературѣ встрѣчаются похвалы людямъ сороковыхъ годовъ,—какъ ихъ называютъ,—въ нихъ признаютъ высокія качества, впослѣдствіи утратившіяся, но эти люди были отчасти, если не всецѣло, питомцы князя Михаила Александровича, они были плодъ его трудовъ и, слѣдуетъ прибавить, трудовъ Министра Народнаго Просвѣщенія графа Уварова. Оба они дѣйствовали съ единомыслiемъ, но приведеніе въ исполненіе всѣхъ совершившихся преобразованій всецѣло пало на долю князя Михаила Александровича.

Мы не можемъ съ точностью указать, когда именно постъ Министра оставилъ графъ Уваровъ, но мы знаемъ, что предвидя его удаленіе, князь Михаилъ Александровичъ пожелалъ оставить должность Попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и Цензурный Комитетъ и получилъ въ томъ увольненіе 7 Мая 1842 г., съ оставленіемъ въ должности Вице-Президента Академіи Наукъ. Эту же послѣднюю должность онъ покинулъ лишь въ 1852 году.

Съ 1842 г. князь Михаилъ Александровичъ часто ѣздилъ за границу лечиться и нѣсколько зимъ провелъ въ южной Франціи, но проживалъ и въ Россіи. Когда же въ 1853 году вся Европа возстала противъ Россіи изъ-за Турціи и громила Севастополь, то въ каждой изъ русскихъ губерній было составлено ополченіе ратниковъ, набранное изъ крестьянъ, наскоро обученныхъ на манеръ солдатъ. Два изъ такихъ ополченій храбро сражались подъ стѣнами Севастополя, остальныя ополченія подверглись небольшому передвиженію. Псков-

ское же ополченіе не выходило изъ предѣловъ своей губерніи. Этимъ ополченіемъ, по единодушному выбору Псковскаго дворянства, командовалъ князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Карсаковъ. Ожила въ немъ военная жилка, патріотъ онъ былъ въ душѣ, и вотъ онъ, не щадя своихъ трудовъ, занялся своимъ дѣломъ, объѣзжалъ всю губернію, дѣлалъ смотры, неусыпно заботился объ одеждѣ и содержаніи людей, и Псковское ополченіе оказалось однимъ изъ лучшихъ въ Россіи. Эта дѣятельность была послѣднею его дѣятельностью на поприщѣ общественной службы.

Князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Карсаковъ былъ въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, имѣлъ ордена: Св. Станислава 1 степени, Св. Анны 1 степени съ короною, св. Владиміра 2 степени и знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ, кромѣ медалей за войны, а также былъ Всемилостивѣйше пожалованъ табакеркою съ портретомъ Государя Императора Николая I съ брилліантами.

За исключеніемъ послѣднихъ годовъ жизни своей, князь Михаилъ Александровичъ постоянно былъ свѣтскимъ человѣкомъ, онъ любилъ общество, постоянно вращался въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, гдѣ его любили какъ человѣка умнаго, любезнаго и пріятнаго собесѣдника. У него была еще одна спеціальность: во всемъ Петербургѣ онъ считался лучшимъ игрокомъ въ карты, въ смыслѣ умѣнья правильной игры, такъ что всякій считалъ за особенное удовольствіе съ нимъ играть. Онъ игралъ только въ вистъ, преферансъ, ералашъ; его интересовалъ не выигрышъ, а правильный ходъ игры, никогда не было у него ни большихъ выигрышей, ни большихъ проигрышей, только благодаря правильной игрѣ; въ азартныя же игры или въ игру на большія деньги онъ не пускался. За карточнымъ столомъ, играя съ высшими сановниками, онъ имѣлъ возможность узнавать все, что дѣлалось въ Россіи, обсуждать политическіе вопросы, узнавать на счетъ

этихъ вопросовъ воззрѣніе разныхъ лицъ, въ томъ числѣ всѣхъ иностранныхъ дипломатовъ, съ которыми онъ былъ знакомъ и вездѣ встрѣчался. Все это его интересовало, и онъ не тяготился ѣздить въ большой свѣтъ, на всѣ балы, на всѣ парадные обѣды, все это необходилось безъ его присутствія, а у Государственнаго Канцлера, графа Нессельроде, съ которымъ онъ былъ близокъ, онъ бывалъ постоянно, это былъ его любимый салонъ. Въ высшемъ обществѣ и между сановниками у князя было много друзей настоящихъ, и его обществомъ очень дорожили дамы, считая его пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ ѣздилъ и въ театры, но не увлекался этимъ развлеченіемъ.

Имѣя огромный кругъ знакомыхъ, почти все петербургское общество, князь Михаилъ Александровичъ долженъ былъ самъ жить открыто. У него всегда былъ домъ роскошно убранный, у него были семейные обѣды съ гостями; были парадные или званые обѣды, были вечера, были иногда и балы, на которые пріѣзжалъ Государь и лица Царской фамиліи. Съ выходомъ же князя въ полуотставку, въ 1842 г., и при его поѣздкахъ за границу всѣ эти пріемы прекратились, а только самъ князь продолжалъ ѣздить въ свѣтъ, хотя рѣже чѣмъ прежде, онъ началъ болѣе жить семейной жизнью, и объ этой жизни нельзя умолчать.

Не смотря на многосложныя свои занятія и на свѣтскую жизнь, князь Михаилъ Александровичъ всегда былъ отличный семьянинъ, и этою жизнью онъ болѣе всего дорожилъ. Онъ искренно любилъ жену свою, ея мать, ея бабушку, Агафью Григорьевну, всегда былъ къ нимъ добръ и почтителенъ; когда же послѣднихъ трехъ не стало, то онъ обратилъ всѣ свои заботы на своихъ дѣтей. Пока послѣднія были малы, при нихъ были хорошіе дядьки и гувернеры, у дочерей были няньки англичанки, тоже хорошія, но умѣлое веденіе дѣтей въ маломъ возрастѣ всецѣло принадлежитъ ихъ доброй и лю-

бящей матери. Нельзя сказать, что дѣтей баловали, т. е. исполняли всѣ ихъ прихоти, но имъ никогда не отказывали въ тѣхъ желаніяхъ, которыя были безвредны и удобоисполнимы. Послѣ переѣзда семьи въ Петербургъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, трехъ старшихъ мальчиковъ опредѣлили въ гимназію, при дѣвочкахъ были гувернантки, и тутъ начали проявляться отеческія заботы князя Михаила Александровича. Помимо дѣтей малаго возраста, было въ то время три сына гимназиста и двѣ дочери, уже сидѣвшія за уроками, за ними нужно было строго наблюдать и ихъ направлять. Задачу эту отецъ выполнилъ какъ нельзя лучше. Между нимъ и дѣтьми его завязались отношенія искреннія, дѣти его слушались, ему довѣрялись, ничего отъ него не скрывали, и онъ получилъ надъ ними авторитетъ, оставшійся за нимъ на всю жизнь. Припоминая эту систему воспитанія, мы находимъ, что она отличалась отсутствіемъ строгости и отсутствіемъ тѣхъ криковъ и возгласовъ, какіе у многихъ родителей замѣняютъ недостающій надъ ихъ дѣтьми авторитетъ. Мы помнимъ только одинъ случай разумной строгости, гдѣ пришлось переборотъ весьма трудный дѣтскій характеръ, и дѣло это увѣнчалось успѣхомъ, самое же наказаніе состояло во временномъ одиночномъ заключеніи.

Проходили года, три старшихъ мальчика были въ университетѣ, съ ними отцу нельзя было обращаться какъ съ дѣтьми, они были юноши, и отецъ нѣсколько измѣнилъ свою систему воспитанія, но въ основѣ отношеній между отцомъ и сыновьями осталось тоже довѣріе и уваженіе къ отцу, тѣ же откровенныя отношенія, съ тою только разницею, что отецъ началъ съ ними обращаться какъ съ друзьями, любилъ съ ними говорить, и незамѣтно для нихъ онъ ихъ наставлялъ всегда, стараясь не обидѣть ихъ самолюбія. Умѣлъ онъ и поощрять своихъ дѣтей, доставляя имъ все что могло ихъ интересовать. Такъ напримѣръ, старшему сыну было обѣщано,

ито если онъ кончитъ курсъ университетскій хорошо, то онъ поѣдетъ путешествовать за-границу, и дѣйствительно путешествіе это онъ совершилъ вмѣстѣ съ нимъ, объѣхавъ часть Европы. Не желая, чтобы другія дѣти могли завидовать этому путешествію, онъ имъ обѣщалъ то же самое и это обѣщаніе исполнилъ.

Князь Михаилъ Александровичъ считалъ, что для молодаго человѣка, окончившаго курсъ наукъ, необходимо побывать за-границей, конечно если на то позволяли средства, для ознакомленія съ иностранными порядками, дабы не быть въ европейской семьѣ, такъ сказать, отсталымъ провинціаломъ. Онъ считалъ нужнымъ также, чтобы дѣти его были знакомы съ Россіей; съ двумя изъ своихъ сыновей онъ, съ этимъ расчетомъ, вошелъ въ такое соглашеніе, что надѣясь на ихъ способности, онъ имъ предложилъ сопутствовать ему въ его объѣздахъ по дѣламъ Учебнаго Округа съ тѣмъ, чтобы отъ этого не пострадали ихъ экзамены. Сыновья обѣщались и выполнили обѣщаніе; одинъ изъ нихъ вмѣстѣ съ отцомъ былъ въ Архангельскѣ, другой былъ въ Вологдѣ.

Своими правильными и умѣлыми отношеніями съ дѣтьми князь Михаилъ Александровичъ разрѣшилъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ въ семейной жизни. Когда дѣти его возмужали, были на государственной службѣ, переженились, то между отцомъ и дѣтьми сохранились прежнія чувства любви, уваженія, свободы отношеній,—мы это не можемъ лучше объяснить, какъ сказавъ, что никогда дѣти не тяготились отцомъ, не скучали съ нимъ и отецъ никогда не скучалъ съ дѣтьми,—они были ему друзья.

Князь Михаилъ Александровичъ былъ настоящій глава семейства, но какого семейства? очень людпаго и разнообразнаго! Семья его состояла изъ пяти сыновей, пяти дочерей, одной юной сестры, одного племянника и двухъ племянницъ-сиротъ, поступившихъ въ домъ уже не въ младенческомъ воз-

растѣ. И вотъ со всѣми этими разнородными характерами приходилось имѣть дѣло главѣ семейства. Задача была не легкая, но она была разрѣшена вполнѣ успѣшно, благодаря добротѣ и умѣнію ея исполнителя. Всѣ дѣти, свои и чужія, выросли въ домѣ, всѣ они хорошо пристроились кто женою, кто мужемъ, всѣ жили въ добромъ согласіи, и всѣ искренно любили князя Михаила Александровича и его добраго ангела-жену, княгиню Марію Никитишну.

Князь Михаилъ Александровичъ до конца жизни не тяготился вести постоянную переписку со всѣми своими дѣтьми и съ тѣми чужими дѣтьми, которыя выросли въ его домѣ. Его письма дышали добротою и заботою о другихъ.

Любо было видѣть этого главу семьи въ его родной семьѣ: онъ въ ней былъ счастливъ, и онъ же эту семью счастливилъ.

Князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Карсаковъ скончался 75 лѣтъ, 29-го августа 1869 г., въ своемъ любимомъ имѣніи Глубокое, въ Опочецкомъ уѣздѣ, окруженный своими дѣтьми; тѣло его покоится въ семейномъ склепѣ въ селѣ Полоная, Порховскаго уѣзда.

Онъ въ семьѣ своей оставилъ не занятымъ почетное мѣсто главы семейства, но это званіе вся семья единодушно присвоила его женѣ, княгинѣ Маріи Никитишнѣ. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ послѣ смерти мужа княгиня Марія Никитишна была та особа, около которой сосредоточивалась любовь и заботы всѣхъ безъ исключенія членовъ семьи. Въ семьѣ она сохранила авторитетъ, какимъ всегда пользовался князь Михаилъ Александровичъ: она была, и до самой смерти оставалась, главою семейства не только для лицъ ея семьи, но и для всѣхъ, кто ее зналъ.

Княгиня Марія Никитишна Дондукова-Карсакова скончалась 30 Іюня 1884 г., будучи 81 года отъ роду, въ селѣ Глубокое, окруженная всѣми своими дѣтьми, внуками и правнуками; тѣло ея также перевезено въ село Полоная.

Потомство князя Михаила Александровича Дондукова-Карсакова состояло изъ слѣдующихъ лицъ:

Сыновья: Александръ, Николай, Алексѣй, Никита, Владиміръ, дочери: Вѣра, Марія, Ольга, Надежда, Софія; было кромѣ того три мальчика и одна дѣвочка, умершіе въ младенческомъ возрастѣ.

Въ настоящее время (1885 г.) остаются въ живыхъ слѣдующія лица изъ семьи князей Дондуковыхъ-Карсаковыхъ:

Князь Александръ Михайловичъ, Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ кавалеріи, Членъ Государственнаго Совѣта, командующій войсками Кавказскаго военнаго Округа и Главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ. Онъ женатъ на вдовѣ Гвардіи капитана графа Коновницына, Надеждѣ Андреевнѣ, урожденной Кологривовой. У нихъ сыновья: *Михаилъ*, родившійся въ 1853 г., онъ теперь командуетъ казачьимъ полкомъ на Кубани, и *Николай*, родившійся въ 1858 году и состоящій въ чинѣ Лейтенанта во Флотѣ.

Князь Алексѣй Михайловичъ, Статскій Совѣтникъ, въ званіи Камергера, состоящій членомъ Смоленскаго Окружнаго Суда, женатъ на дочери тайнаго совѣтника, Ольгѣ Алексѣевнѣ, рожденной Пещуровой,—бездѣтенъ.

Князь Владиміръ Михайловичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, въ званіи Камергера, состоящій при Министерствѣ Путей Сообщенія. Онъ женатъ на дочери генералъ-лейтенанта, баронессѣ Маріи Александровнѣ, рожденной Фредериксъ. У нихъ дѣти: сынъ *Сергѣй*, родившійся въ 1874 г. и дочери: Надежда и Марія.

Изъ дочерей: графиня Вѣра Михайловна Сиверсъ, у которой сыновья: Николай и Германъ, графы Сиверсъ, и дочь Марія, замужемъ за подполковникомъ артиллеріи, Леонидомъ Александровичемъ Яновичемъ, и у нихъ малолѣтнія дѣти: Николай, Сергѣй, Павелъ и Марія.

Княжна Марія Михайловна Дондукова-Карсакова, не замужняя.

Ольга Михайловна, замужемъ за членомъ Смоленскаго Окружнаго Суда, Николаемъ Густавовичемъ Регекампфъ,—бездѣтна.

Надежда Михайловна, замужемъ за Опочецкимъ Предводителемъ Дворянства, Ипполитомъ Александровичемъ Яновичемъ,—бездѣтна.

Графиня Софья Михайловна Гейденъ, замужемъ за членомъ С.-Петербургской Судебной Палаты, графомъ Петромъ Александровичемъ Гейденъ, у нихъ малолѣтняя дочь Варвара.

Таковы, въ настоящее время, представители рода князей Дондуковыхъ-Карсаковыхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Дондуковъ-Карсаковъ.

Родословная Князей Дондуковых-Карсаковых.

Замѣтка.

Изъ этого Рода управляли Калмыцкимъ народомъ:

до	1713 г.	въ званіи Хана	*Аюкъ.*
съ 1713	по 1722	„ „ намѣстника Хана	*Чакдаръ-Джабъ.*
„ 1722	„ 1724	„ „ „	*Дасангъ.*
„ 1724	„ 1731	„ „ „	*Церенъ-Дондукъ.*
„ 1731	„ 1735	„ „ Хана	*Онъ-же.*
„ 1735	„ 1737	„ „ намѣстника Хана	*Дондукъ-Омбо.*
„ 1737	„ 1741	„ „ Хана	*Онъ-же.*
„ 1741	„ 1758	„ „ намѣстника Хана	*Дондукъ-Даши.*
„ 1758	„ 1761	„ „ Хана	*Онъ-же.*
„ 1761	„ 1771	„ „ намѣстника Хана	*Убуши.*
„ 1762	„ 1781	„ управлялъ улусомъ *Багацохуръ.*	*Кн. Алексѣй Дондуковъ.*

„ 1781 года улусъ Хана Дондукъ-Омбо поступилъ въ казну.

Аюкъ Ханъ калмыковъ ум. 1724. — *жена его* — **Дарма Балы** *родомъ изъ* Зюнгаріи калмычка

Чакдоръ Джабъ Ханъ ум. 1722.

Араптанъ ум. до 1724.

Шабдаръ ум. до 1724.

Гунделенгъ ум. до 1724.

Санъ Джабъ ум. до 1724.

Гунъ-Джабъ Тайши ум. до 1722

Церенъ Дондукъ Ханъ ум 1737.

Церенъ Шунунъ Лоузангъ ум. до 1724.

Баарынгъ ум. до 1724.

Галданъ Данджинъ убитъ 1742 по приказанію Джаны.

Дасангъ.

Баксай Дорджи.

Гунцукъ Джабъ.

Яндыкъ.

Калмычка **Божака.** — *жена его* — **Дондукъ Омбо Ханъ** ум. 1741. — *жена его* — Кабардинка **Джанъ** *въ крещеніи* **Вѣра** ум. 1777.

Бату.

Данжинъ Дорджи.

Добчинъ.

Бодонгъ.

Галданъ Нормо убитъ 1742 г. по приказанію Джаны.

Асарай *въ крещеніи* Князь Іона **Дондуковъ** ум. 1781.

Родъ Карсаковыхъ

Марія Васильевна **Карсакова** ум. 1832.

Рандулъ *въ крещеніи* Князь Петръ **Дондуковъ** ум 1752.

Джю Бассаръ *въ крещеніи* Князь Филиппъ **Дондуковъ** ум. 1752.

Додьби *въ крещеніи* Князь Алексѣй **Дондуковъ** ум. 1781.

Дондукъ Даши Ханъ ум. 1761.

Нитаръ Дорджи.

Дорджи Раши.

Тайджи *въ крещеніи* **Петръ Тайшинъ.**

Цебекъ Дорджи ушолъ въ Китай 1771.

Родъ Князей Дондуковыхъ-Карсаковыхъ

Княгиня Вѣра Іоновна **Дондукова Карсакова** ум. 1833.

Никита Ивановичъ **Карсаковъ** ум. 1857.

Утвержденъ въ Княжескомъ достоинствѣ 10 Сентября 1820 г.

Княгиня Марія Никитишна **Дондукова Карсакова.** ум. 1884.

Михаилъ Александровичъ **Карсаковъ** ум. 1869.

Утвержденъ въ Княжескомъ достоинствѣ 26 Іюня 1829 г.

Убуши Намѣстникъ Хана ушолъ въ Китай 1771.

Асарай. ум. въ Петербургѣ 1744.

Князь Александръ **Дондуковъ Карсаковъ**

Князь Николай **Дондуковъ Карсаковъ**

Князь Алексѣй **Дондуковъ Карсаковъ**

Князь Никита **Дондуковъ Карсаковъ**

Князь Владиміръ **Дондуковъ Карсаковъ**

Княжна Вѣра **Дондукова Карсакова,** *по мужу* Графиня Сиверсъ

Княжна Марія **Дондукова Карсакова**

Княжна Ольга **Дондукова Карсакова,** *по мужу* Регекампфъ.

Княжна Надежда **Дондукова Карсакова,** *по мужу* Яновичъ

Княжна Софія **Дондукова Карсакова,** *по мужу* Графиня Гейденъ

Князь Михаилъ **Дондуковъ Карсаковъ**

Князь Николай **Дондуковъ Карсаковъ**

Князь Сергій **Дондуковъ Карсаковъ**

Дозв. Цензур. 7 Іюня 1886 г. Лит. Дистердика Тифлисъ.

ТАБЛИЦА

Рода

Карсаковыхъ.

Таблица Рода Карсаковыхъ.

Родъ Карсаковыхъ получилъ свое начало отъ Венцеслава Жигмонтовича Корсака, литвина, выѣхавшаго 9 Января 1390 года изъ Литвы въ Россію, въ свитѣ Софіи Витовтовны, дочери Великаго Князя Литовскаго Витовта, которая была невѣстою Московскаго Великаго Князя Василія Димитріевича (1389—1425 г.).

Корсакъ поступилъ на службу къ этому Государю, а потомки его раздѣлились на разныя вѣтви, отъ которыхъ пошли:

Корсаки

Карсаковы

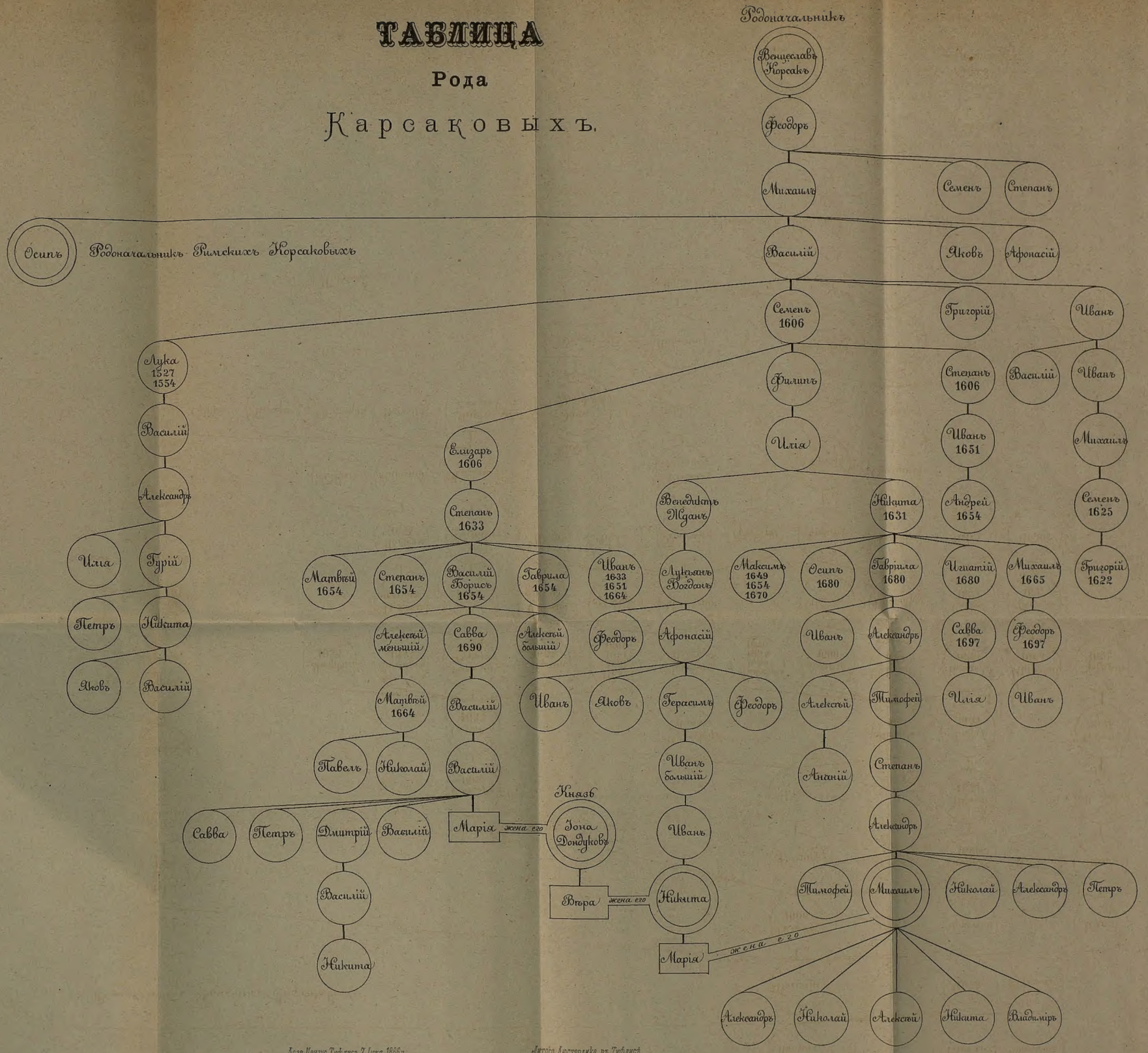
Римскіе-Корсаковы

Князья Дондуковы-Карсаковы.

Никита Ивановичъ Карсаковъ утвержденъ въ княжескомъ достоинствѣ, съ присвоеніемъ ему фамиліи князя Дондукова-Карсакова, 10-го Сентября 1820 года.

Михаилъ Александровичъ Карсаковъ утвержденъ въ княжескомъ достоинствѣ, съ присвоеніемъ ему фамиліи князя Дондукова-Карсакова, 5-го Іюня 1829 года.

Примѣчаніе. Показанныя въ сей таблицѣ года обозначаютъ когда именно, за службу Царскую, были верстаны помѣстьями лица, подъ именами которыхъ показаны эти года.

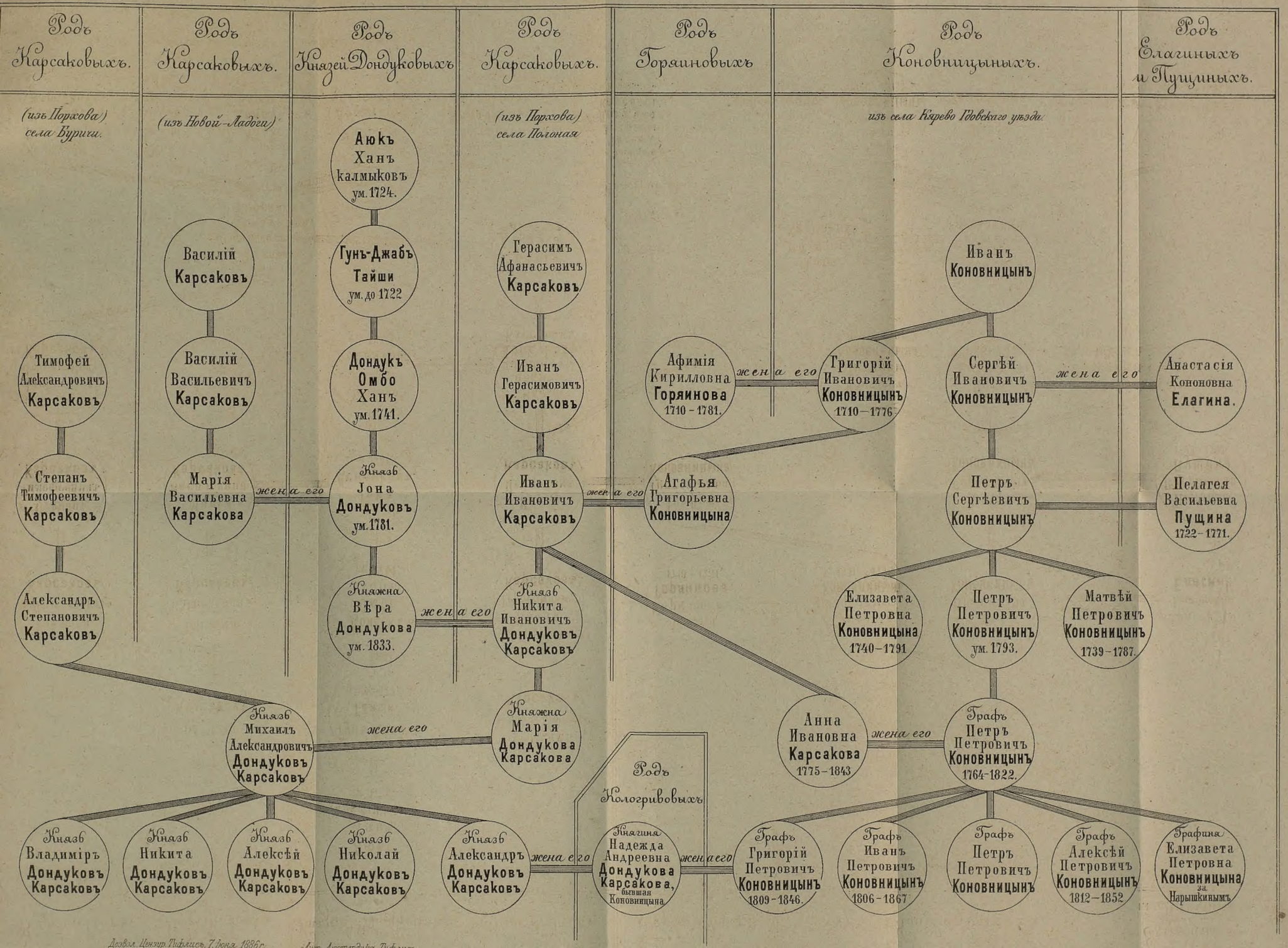


Дозв. Цензур. Тифлисъ 7 Іюня 1886 г.

Литогр. Дюстердика въ Тифлисѣ

Таблица

показующая родство Рода Князей Дондуковых Карсаковых съ тремя отраслями Рода Карсаковых и съ Родомъ Коновницыныхъ.



Дозволено Цензурою. Петербургъ. 7 Іюня 1886 г.

2007051029